

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Новосибирск, 2011 г.

УДК 34
ББК 67
А 43

Рецензент — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин, филиал Российского государственного гуманитарного университета, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Андреева Любовь Александровна.

А 43 «Актуальные вопросы современной юриспруденции»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (5 декабря 2011 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2011. — 182 с.

ISBN 978-5-4379-0030-7

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной юриспруденции» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной юриспруденции.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической юриспруденции и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития юриспруденции.

ББК 67

ISBN 978-5-4379-0030-7

Оглавление

Секция 1. Теория государства и права	7
ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ Кисиленко Альбина Павловна	7
О СРЕДСТВАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ КАК ФОРМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕЙСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА Панченко Владислав Юрьевич	11
ПРОЯВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ ПРАВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Паршкова Наталья Вячеславовна	15
СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАК ВИД ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ Пемуров Константин Константинович	19
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ Терехов Евгений Михайлович	24
Секция 2. История государства и права России и зарубежных стран	28
ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В ТРУДОВЫХ КОЛОНИЯХ В 1950 гг. XX в. Якушина Евгения Сергеевна	28
Секция 3. Земельное и экологическое право	32
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ЯКУТИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ Константинова Татьяна Николаевна	32
Секция 4. Гражданское, жилищное и семейное право	38
К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ И НАПРАВЛЕНИЯХ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ГРАЖДАНСКО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ Ершов Олег Геннадьевич	38

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ АВТОРСКОГО ПРАВА Киселева Надежда Анатольевна	42
ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СЛУЖЕБНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ Мерзлякова Ирина Станиславовна	46
СОГЛАШЕНИЯ О ПРИДАНИИ НАТУРАЛЬНОМУ ОБЯЗАТЕЛЬСТВУ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ Мертвищев Антон Васильевич	51
К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ ВНОСИМЫХ В ДОГОВОР АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА Файзрахманов Карим Рафисович Хамидуллина Фарида Ильдаровна	55
КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ Щербачева Любовь Владимировна	61
Секция 5. Гражданский и арбитражный процесс	67
ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ СУДА, СВЯЗАННЫХ С ВЫСЕЛЕНИЕМ ГРАЖДАН ИЗ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ПО ДОГОВОРАМ СОЦИАЛЬНОГО НАЙМА, С ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ ИНОГО ПОМЕЩЕНИЯ Глухова Мария Николаевна	67
Секция 6. Страхование, медицинское, образовательное право и нотариат	71
О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ НОТАРИАТА В РОССИИ Щербакова Лилия Геннадиевна	71
Секция 7. Сравнительное конституционное право	76
ЛИЧНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ СНГ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА Вечканова Наталья Валерьевна	76
Секция 8. Муниципальное право	80
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА И КОМПЕТЕНТНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ Кирьянов Артем Юрьевич	80

Секция 9. Финансовое право и финансовая политика	90
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ФОНДА ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ЕГО РОЛЬ В ПРЕОДОЛЕНИИ ФИНАНСОВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	90
Песина Елена Аркадьевна	
Секция 10. Административное право и процесс	95
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	95
Андреева Любовь Александровна	
Богданов Анатолий Геннадьевич	
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС КОМИССИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ	107
Борматова Евгения Николаевна	
Безвиконная Елена Владимировна	
Секция 11. Актуальные вопросы противодействия общеуголовной преступности	112
ЗАДАЧИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ	112
Никулочкин Евгений Олегович	
Секция 12. Уголовное право	116
РЕЙДЕРСТВО: СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	116
Андреева Любовь Александровна	
ПРАВО НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ И НАХОДЯЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ	125
Бареев Оскар Намрудович	
Иванова Елена Вячеславовна	

ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ФОРМ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ Белоусова Евгения Владимировна	130
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕСНЫМИ ПОЖАРАМИ Писарева Екатерина Владимировна	134
К ВОПРОСУ О РАВЕНСТВЕ ПРАВ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ Пшеничников Вадим Владимирович	139
НАСИЛИЕ И УГРОЗА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ Сафиуллин Ринат Ридаилевич	146

Секция 13. Международное право **152**

АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ АТРИБУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА Булнина Ирина Сергеевна	152
ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ Искевич Ирина Сергеевна	157
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАКТ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ КАК ИСТОЧНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ Луць Оксана Николаевна	164
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ: РОЛЬ ВСЕМИРНОГО БАНКА Якубовская Наталия Алексеевна Чайковский Юрий Владимирович	176

СЕКЦИЯ 1

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Кисленко Альбина Павловна

*аспирант, Национальный исследовательский университет
«Белгородский государственный университет», г. Белгород*

E-mail: Koketka3@rambler.ru

«Что написано пером, того не вырубишь топором»
(пословица)

Каждый человек с раннего детства знает народные пословицы и поговорки, переданные от наших родителей, бабушек и дедушек, которые раскрывают различные грани человеческой жизнедеятельности, описывают примеры поведения, характеризуют личности и действия человека. Так в народе сложилось многообразие различных пословиц и поговорок о документах и их значении в жизни человека: «Слово к делу не пришьешь», т. е. слова ничего не доказывают, нельзя использовать сказанное кем-либо в качестве документа, подтверждающего или опровергающего что-либо; «Без бумажки ты букашка» — отсутствие, какого-либо малозначительного документа или справки, который затрудняет, затягивает или делает невозможным осуществление намерений, планов; «Что написано пером, того не вырубишь топором» — если написанное вошло в силу или стало известно, то этого уже не изменить, не исправить. Данная пословица свидетельствует о высокой народной оценке письменного слова, которому придается значение документа, обязательства [3, с. 134].

В настоящее время документ не утратил свое значение он по-прежнему остается одним из важнейших средств функционирования человеческого общества. На протяжении всей жизни, с момента рождения и до последнего дня жизни, человек имеет дело с различными документами. Так как документ выступает одним из инструментов закрепляющих основные положения жизни человека, например, свидетельство о рождении является актом государственной регистрации гражданского состояния, т. е. фактом рождения ребенка, в нем

содержаться сведения об имени ребенка, дате его рождения, именах родителей; паспорт гражданина Российской Федерации — основной документ, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, в паспорте закреплены основные сведения о личности гражданина, такие как фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, регистрация по месту жительства, регистрация о заключении и расторжении брака и т.д.; аттестат — документ, подтверждающий получение определенного уровня образования: основного (общего) образования, полного среднего образования; диплом — официальный документ об окончании начального профессионального, среднего профессионального (специального) или высшего учебного заведения с присвоением соответствующей квалификации; служебное удостоверение — официальный документ, свидетельствующий личность предъявителя и его правовой статус, или подтверждающий определенные факты и права.

Таким образом, документы сопровождают на каждом этапе развития человека, определяют правовой и социальный статус гражданина, подкрепляют документально достигнутые результаты, дают право на совершение определенных действий для дальнейшего развития личности.

Науке известны различные виды древних официальных документов. Непосредственно юридические документы появились одновременно с возникновением права. Римское право ввело огромное количество юридических документов: Институция Гая, различные дигесты, кодексы, новеллы. Позже появились синграфы (письменный документ) — долговая расписка и хирографы (собственноручная подпись) — долговое обязательство, не требовавшее свидетелей [7, с. 198].

Термин документ появился в России в XVIII в., и имел правовое значение, т. к. был переведен Петром I, как «письменное доказательство», со временем документ изменил свое значение, так в XIX в. документ определялся как всякая деловая бумага [4, с. 287]. В современном мире термин документ не утратил свое первоначальное значение, данное понятие закрепили в различных нормативных и правовых актах. В Правилах делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 15.06.2009 № 477: «Документ — официальный документ, созданный государственным органом, органом местного самоуправления, юридическим или физическим лицом, оформленный в установленном порядке и включенный в документооборот федерального органа исполнительной власти» [9]. В российском национальном стандарте ГОСТ Р ИСО 15489- 1-2007 «СИБИД Управление документами. Общие требования», под документом понимается «зафиксированная на материальном носителе идентифицируемая информация, созданная, полученная и сохраняемая организацией или физическим лицом в

качестве доказательства при подтверждении правовых обязательств или деловой деятельности» [8].

Следовательно, термин «документ» имеет законодательно закрепленное определение, юридический документ напротив, является собирательным понятием. В различных отраслях права упоминаются нормативные правовые акты, такие как законы, указы, распоряжения, постановления, приказы, инструкции, правила, договоры, которые представляют собой огромный массив юридических документов. Современные юридические энциклопедии не содержат такого понятия, как «юридический документ», его заменяют понятия «правовой акт», «юридический акт». В правовых науках нельзя употреблять широкое понятие «документ», так как не всякий документ является юридическим, т. е. прилагательное «юридический» наделяет слово документ дополнительным смыслом, относящим его к правовым нормам [6, с. 67].

Таким образом, юридический документ является особым видом документа, с помощью которого оформляются решения и действия различных органов, должностных лиц.

Выделяют основной признак юридического документа, такой как юридическая сила, т. е. свойство официального документа, сообщаемое ему действующим законодательством, компетенцией издавшего его органа и установленным порядком оформления. Юридическая сила документа это не только правильное его оформление, но и подлинность зафиксированной на нем информации. Зафиксированная информация в юридическом документе должна быть достоверной (сведения, содержащиеся в документе должны соответствовать действительности); своевременной и оперативной (правовые отношения, фиксируемые в юридическом документе должны соответствовать действующим нормативным и правовым актам); доступной (это правило, по которому содержание юридического документа должно быть понятно лицу, в отношении которого этот документ принят); полной (документ, должен отражать все необходимые аспекты, отсутствие в форме или в содержании юридического документа каких-либо важных сведений делает юридический документ недостаточным, неполноценным); точной (сведения, представленные в юридическом документе должны быть адекватны, т. к. неточные сведения ведут к искажению юридически значимой информации); обоснованной (т. е. должен иметь достаточные основания для его издания. При подготовке юридических документов необходимо отслеживать, какие последствия может вызвать введение его в действие); законной (юридический документ должен соответствовать положениям законодательства, а также разрабатываться в соответствии с нормативными правовыми актами); аутентичной (юридический документ должен быть подготовлен непосредственно тем лицом, которое указывается в юридическом документе) [6, с. 104].

Современные юридические документы в процессе их создания должны отвечать всем выше перечисленным требованиям, т. к. информация, зафиксированная без применения данных требований, перестанет характеризовать юридический документ как законный нормативный правовой акт, а сведения, представленные в таких документах станут искажать действительность, повлекут неблагоприятные последствия. В результате юридический документ не сможет выполнить возложенные на него функции. Юридический документ, который разработан в соответствии со всеми необходимыми требованиями, способен сыграть действительно важную роль в правовых отношениях.

Таким образом, существуют различные определения понятия «документ», а в рассмотренных источниках данное понятие можно объединить лишь по одной черте: «документ — информация, как устная, так и письменная, зафиксирована на материальном носителе, которая является доказательством или социальной памятью человечества» [5, с. 276]. В каждом государстве есть определенный стиль «жизни» документа, зависящий от сложившихся форм общения и менталитета той или иной страны. На заре глобализации новое звучание обрела крылатая фраза Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда» [1, с. 13].

Список литературы:

1. Андреев И. Государство & информационная революция. — Русский предприниматель. № 9 (21). 2004. С. 13.
2. Андреев И. «Диктатура стола и демократия файла. Бумажная река уходит в виртуальное русло» // «Государственная служба». № 11. 2003. С. 3-5.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 2003. — 616 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современное написание. М.: Астрель, 2008. — 983 с.
5. Истрин И. А. Возникновение и развитие письма. М.: Просвещение, 2005. — 317 с.
6. Краснослободцева Н. К. Основы техники юридического письма. М.: Просвещение, 2010. — 231 с.
7. Ларьков Н. С. Документоведение. М.: КНОРУС, 2003. — 276 с.
8. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. «Управление документами. Общие требования. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007» от 12.03.2007 № 28-ст. — Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» от 15.06.2009 № 477. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О СРЕДСТВАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ КАК ФОРМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕЙСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Панченко Владислав Юрьевич

канд. юрид. наук, доцент СФУ, г Красноярск

E-mail: panchenkovlad@mail.ru

Совершая конкретные действия в интересах субъекта получения, составляющие юридическую помощь, субъект оказания использует *правовые или юридические средства*, которые представляют собой, по определению А.В. Малько, «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей», которые автор обоснованно подразделяет правовые средства на средства-установления и средства-деяния (технологии) [4, с. 7]. Юридическая помощь, состоящая в совершении конкретных действий субъектом оказания в интересах субъекта получения, сама относится к правовым средствам-деяниям.

Юридическая помощь облегчает своим помогающим воздействием реализацию прав, свобод, законных интересов только теми правовыми средствами, которые позитивное право признает именно за личностью как правоспособным субъектом, но фактическое использование этих средств для получателя помощи представляет проблему, затруднение. Поэтому *в содержание юридической помощи могут быть включены лишь те правовые средства–установления и средства–деяния, использование которых возможно лицом как праводеееспособным субъектом. Иными словами, деятельность субъекта оказания может дополнять, замещать деятельность субъекта получения, но объем и характер деятельности субъекта оказания не может выходить за рамки праводеееспособности, а значит и правовой деятельности субъекта получения, которую он мог бы осуществить, если бы правовая ситуация не была проблемной и он не нуждался бы в помощи.*

Эта особенность в совокупности с объектом и целью юридической помощи позволяет отграничить последнюю от иного содействия осуществлению прав, свобод, законных интересов граждан со стороны многих субъектов, прежде всего, со стороны государственных органов и органов местного самоуправления.

Не является юридической помощью деятельность органов публичной власти в интересах лиц, которая преобразует проблемную правовую ситуацию, но осуществляется правовыми средствами, использование которых гражданином как лицом, не наделенным публично–властными полномочиями, в принципе невозможно, поскольку закон не наделяет граждан правом совершать такие действия. Например, возбуждение компетентными органами уголовного дела или дела об административном правонарушении, принятие к правонарушителю других мер правового принуждения и т. д. фактически «помогают» удовлетворить интересы потерпевшего, но юридической помощью не являются, ведь использование таких правовых средств составляет исключительную компетенцию органов публичной власти. Другие действия, хотя и представляют собой реализацию компетенции органов публичной власти, но по своему характеру могут осуществляться физическими лицами. Однако при наличии проблемной правовой ситуации деятельность органов публичной власти, представляющая собой юридическую помощь, замещает деятельность конкретного нуждающегося (например, обращение прокурора в суд в интересах лица в порядке ст. 45 ГПК РФ).

Действия, составляющие содержание юридической помощи, сами по себе не являются публично–властными [2, с. 44]. В процессе оказания юридической помощи невозможны издание от имени государства, муниципального образования обязательных правовых предписаний, принятие публично–властных решений, применение мер правового принуждения, как в отношении субъекта получения, так и других лиц.

Средства юридического характера, используемые при оказании юридической помощи, не исчерпываются правовыми средствами (установлениями и деяниями). К числу средств юридической помощи относят, например, юридические советы, консультации [5, с. 20], когда для более эффективного результата граждане обращаются за юридической помощью к специалистам, которые из всего набора юридических средств профессионально помогают выбрать наиболее адекватное, оптимальное в данной конкретной ситуации [4, с. 6].

Исходя из этого вторую группу средств юридической помощи составляют *средства, формирующие готовность субъекта получения к самостоятельному использованию правовых средств–установлений и правовых средств–деяний для реализации своих прав, свобод, законных интересов в проблемной правовой ситуации*. В юридической науке предприняты попытки расширения понятия юридической

помощи за счет включения в ее содержание, например, правового воспитания при обеспечении и реализации прав и свобод, любых правоотношений, возникающих «в ходе получения лицом по сути любых услуг правового характера» [6, с. 13]. Не разделяя отождествления понятий юридической помощи и услуг правового характера, юридической помощи и правового воспитания, отметим, что такой подход в целом заслуживает поддержки и требует теоретического обоснования. Некоторые средства, формирующие готовность субъекта получения к самостоятельному использованию правовых средств, традиционно включаются в содержание юридической помощи (например, предоставление юридической информации, консультирование). Здесь уместно вспомнить высказывание В. И. Ленина, часто цитируемое в советском правоведении при рассмотрении вопросов юридической помощи и не потерявшее актуальности: «помощь <...> должна состоять в «*юридической*» им помощи, т. е. *научить* их (и помочь им) *воевать за свое право*» [3, с. 49].

Действительно, проблемные правовые ситуации, требующие юридического содействия, возможны и до осуществления гражданином конкретных юридически значимых действий, как *познавательные–проблемные правовые ситуации* (например, получение консультации юриста до совершения сделки купли–продажи квартиры).

В этих случаях юридическая помощь выступает профессиональным содействием в подготовке к правовой деятельности в будущем (подготовка включает осознание интересов в использовании субъективных прав, соблюдении и исполнении юридических обязанностей; осознание целей, решение которых приведет к удовлетворению интересов; осмысление и оценку условий, в которых будут протекать предстоящие действия, актуализацию опыта, связанного с реализацией прав и обязанностей в прошлом, другими лицами) [8, с. 39], т. е. *формирует готовность к тем или иным правовым действиям (воздержанию от них), помогает использовать те или иные правовые средства для максимально полной реализации прав, свобод, законных интересов в проблемной правовой ситуации.*

Готовность к правовой деятельности служит предпосылкой эффективной реализации прав, свобод, законных интересов и связанного с ней получения материальных и нематериальных благ. Чтобы реализовать юридические права и обязанности, управомоченный (обязанный) как минимум должен знать о том, что у него есть определенные права (обязанности), должен быть информирован о том, как реализовать права (обязанности), как защитить нарушенные права и законные интересы [7, с. 75].

Не может быть признано юридической помощью содействие реализации прав, свобод, законных интересов, осуществляемое средствами неюридического характера (частная детективная работа, охрана своего доверителя, наведение справок коммерческого характера о партнере клиента, выполнение других технических, вспомогательных, организационных, распорядительных, административных функций в интересах доверителя) [1, с. 5]. Фактические действия, в интересах нуждающегося, могут сопровождать использование средств юридического характера (например, доставка составленного юристом юридического документа адресату, целый комплекс фактических действий адвоката, обеспечивающих его юридические действия), но сами по себе они не образуют юридическую помощь.

Таким образом, юридическая помощь может осуществляться не только как практически-преобразующее содействие в использовании правовых средств, но и как правовое содействие, формирующее готовность к самостоятельному использованию правовых средств в проблемной правовой ситуации.

Список литературы:

1. Вайпан В. Сергеев В. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Право и экономика. 2002. № 10.
2. Ефименко В. И. Юридическая помощь гражданам и организациям: понятие и место в системе правоохраны // Актуальные проблемы законодательства и правоприменительной практики: сб. статей. М., 1988. Деп. в ИНИОН АН СССР № 37457.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 149.
4. Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2.
5. Мартынчик Е. Г., Колоколова Э. Е. Юридическая помощь в судопроизводстве: виды, субъекты и их функции // Адвокатская практика. 2001. № 4.
6. Мельниченко Р. Г. Конституционное право на юридическую помощь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.
7. Протасов В. Н. Что и как регулирует право. М., 1995. С. 75.
8. Сапун В. А. Социалистическое правосознание и реализация советского права. Владивосток, 1984.

ПРОЯВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ ПРАВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Паришкова Наталья Вячеславовна

*аспирант Самарского государственного экономического
университета,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
НОУ ВПО «Университет Российской академии образования»
Самарский филиал, г. Самара
E-mail: Nat_Low87@mail.ru*

Для модернизации рецепция права выступает средством, коренным образом меняющим отдельные нормы и институты права.

Однако в целом опыт модернизационных преобразований в высокоразвитых странах имеет лишь ограниченное значение для России, потому что в России нет ни предпринимательского класса, который в этих странах формировался веками, нет или почти нет класса свободных наемных промышленных рабочих, нет и многих социокультурных предпосылок для перемен в направлении модернизации [5, с. 20].

Модернизация представляет собой своеобразный «вызов», на который каждое общество дает свой «ответ» в соответствии с принципами, структурами и символами, заложенными в достижениях его длительного развития. Поэтому её итогом является не обязательно усвоение социальных достижений Запада, но совокупность качественных изменений традиционного общества, в той или иной степени адаптированных к мануфактурному или индустриальному производству (Ш. Эйзенштадт) [7, с. 261].

В.В. Лапкин отмечал: «Итак, в чем же заключается основное содержание модернизации: она есть переход от традиционного общества к современному или движение, однократно начавшееся, но незавершимое в принципе?» [3, с. 54].

Модернизации проявляется в комплексе взаимосвязанных черт, которые часто рассматриваются как отдельные процессы экономической, политической, социальной и культурной модернизации.

Политическая модернизация предполагает создание определенных политических институтов, которые должны способствовать реальному участию населения во властных структурах и влиянию народных масс на принятие конкретных решений. Характерным примером такой модернизации является внедрение принципа

разделения властей, становления политических партий и движений, всеобщего избирательного права, правового государства, развития демократии и внедрения паритетной демократии.

Социальная модернизация предполагает формирование открытого общества с динамичной социальной системой. Социальная модернизация способствовала появлению раннемодерных и современных наций, массового и гражданского общества и социального государства.

Культурная модернизация предполагает формирование высокодифференцированной и в то же время унифицированной культуры, базирующейся на комплексной парадигме прогресса, совершенствования, эффективности, счастья и природного выражения личных возможностей и чувств, а также на развитии индивидуализма. Культурная модернизация связана с развитием современной естественной науки (с XVII века), гуманитарной науки (XIX—XX века), появлением теорий национализма, социализма и коммунизма.

В этих моделях модернизации общества требуется уничтожение культуры коренных народов и замена «основания права» в целом.

Сторонники теории модернизации обычно рассматривают только западное общество как подлинно современное, утверждая, что другие в сравнении с оным являются примитивными. Эта точка зрения сводит немодернизированные общества как к неполноценным, даже если они имеют тот же уровень жизни, как западные общества. Противники этой точки зрения утверждают, что современность не зависит от культуры и может быть адаптирована к любому обществу.

Инициатором оживления модернизационных намерений в России была группа ученых из Института современного развития (И. Ю. Юргенс, Е. Ш. Гонтмахер, Б. И. Макаренко и др.), предоставивших российской научной и политической общественности свою концепцию.

Получили широкую известность работы Ту Вэймина о национальной модернизации в Китае [2, с. 240], о законодательстве, скопированном по образцу континентального европейского права (Цвайгерт и Кётец) [6, с. 54], проявление модернизации в *трудовом законодательстве, в области создания Международной организации труда* [8, с. 313], возникновение ювенальной юстиции, то есть нечто вроде «правосудия для юных».

Таким образом, когда отечественные правоведы употребляют категорию «модернизация», то это означает анализ изменений реформируемого государства и права, между тем в зарубежной научной литературе в настоящее время категория модернизация

«догоняющего» развития рассматривается лишь как производная, вторичная категория, используется с уточняющими прилагательными «неорганическая», «запаздывающая», так как модернизация без дополнительных уточнений понимается в ином, более широком, смысле, как характеристика эволюции развитых обществ в процессе перехода от традиционных обществ к современным (обществам периода модерна) и как дальнейшее общественное развитие [1, с. 8].

История, как целого ряда зарубежных стран, так и самой России свидетельствует: ни специфика предшествующего развития, ни религиозные особенности, ни «врожденные» этические и поведенческие стереотипы не являются непреодолимыми препятствиями на пути модернизации [4, с. 79].

Современная модернизация — это ускоренный и инициируемый государством процесс превращения страны в промышленную державу, конечная продукция которой становится конкурентоспособной на мировом рынке [4, с. 21].

Проявление модернизации с развитием права предполагает широкие и масштабные заимствования — не ценностей, по мнению многих российских критиков «догоняющих модернизаций», а технологий и стереотипов поведения на рынке, — что заставляет максимально четко определять сравнительные издержки, возникающие при использовании уже имеющихся технологических решений или разработке собственных. Разумная политика заимствований предполагает беспристрастное сравнение имеющихся технических возможностей и их зарубежных аналогов и подчинение политики целям минимизации расходов на технологическое перевооружение производства. Технологический протекционизм — опаснейший враг модернизации.

Модернизация — это сложный социальный проект, порождаемый осознанием экономического, технологического и социального отставания того или иного общества от лидеров и инициируемый элитами для преодоления такого отставания. Модернизации не начинаются «снизу» (хотя стартом для них могут стать серьезные социальные катаклизмы, приводящие к власти ориентированные на реализацию модернизационной программы силы); они реализуются элитными группами при широкой поддержке со стороны общества. Для успеха модернизации необходимы прежде всего четкое понимание властью ее задач и целей и формирование в обществе (или, по крайней мере, его активных слоях) консенсуса относительно желательности изменения существующего положения дел. При этом с каждым новым

десятилетием обе эти предпосылки становятся все более необходимыми.

Модернизация основывается на осознанной концентрации финансовых и иных хозяйственных ресурсов и направлении их в заранее определенные «точки роста», т. е. отрасли, которые в той или иной стране могут быть обновлены и выведены на соответствующий мировому уровень с наибольшей эффективностью. После достижения устойчивого роста в этих отраслях модернизация распространяется вширь — сначала на другие сектора экономики, затем на социальную, и, как правило, в последнюю очередь на политическую сферу. Модернизация представляет собой не просто ускоренное экономическое развитие, а ускоренное развитие экономики по отношению к социальной и иным сферам; существенный подъем уровня жизни становится следствием, а не является предпосылкой модернизации.

Список литературы:

1. Бусова Н. А. Модернизация, рациональность и право. Харьков, 2004. — 352 с.
2. Вэймин Ту Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона М.: Московская школа политических исследований.. 2002. — 236-250 с.
3. Лапкин В. В. Дилеммы и казусы модернизации в начале XXI век // Модернизация. Авторитаризм и демократия. М.: ИМЭМО РАН. 2009.
4. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Выпуск 1 / Под ред. В.Л. Иноземцева. — Москва, Центр исследований постиндустриального общества, 2009. — 240 с.
5. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа)//Общественные науки и современность. 2008. — № 2. — С. 5-23.
6. Цвайгерт К., Кёгц Х., Введение в сравнительное правоведение в области частного права. — М. — 1995. — 480 с.
7. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. — М., 1999. — С. 555 с.
8. Экономика труда: (социально-трудовые отношения): Уч. / Под ред. Волгина Н. А. — М.:Экзамен, 2006. —736 с.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАК ВИД ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Пемуров Константин Константинович

аспирант ГОУ ВПО МО «МГОСГИ», г. Коломна

E-mail: slowshift@yandex.ru

Одним из видов оптимизации действующего законодательства РФ считается его систематизация. Систематизация во внешнем своем проявлении, имеет схожесть с оптимизацией, но при этом это два разных понятия, которые соотносятся как общее с частным, так как понятие оптимизация более «широкое» по своему содержанию, чем систематизация. Во-первых, одной из отличительных черт этих категорий является то, что систематизация направлена на нормативный правовой массив, в то время как оптимизация направлена как на тот же нормативный правовой массив, так и на общественные отношения, которые регулируются данными нормами. Во-вторых, систематизация предполагает наличие средств и методов по приведению нормативных правовых актов в определенную систему, для эффективности ее использования, в то время как оптимизация направлена на процессы формирования не только системности нормативных правовых актов, но и на сам процесс их принятия; на развитие общественных отношений, которые необходимо регулировать с помощью законов и иных нормативных правовых актов, изучение и анализ данных общественных отношений; на формирование благополучной среды реализации принимаемых законов. Таким образом, оптимизация включает в себя понятие систематизации, так как она (систематизация) является одной из составляющих оптимизации в целом.

В России систематизация законодательства является необходимой мерой приведения законодательного массива в систему, постольку, поскольку в каждом государстве действует множество различных нормативных правовых актов, особенно в РФ, что затрудняет эффективное их применение, в силу их множественности и бессистемности. Это обусловлено разнообразием нормотворческих органов, динамикой развития общественных отношений и соответственно их регулирования, множеством источников права и другими факторами. Поэтому в таком массиве актов сложно ориентироваться, в силу чего и необходима систематизация, как вид оптимизации действующего законодательства, для приведения в

единую систему и упорядочения законодательного массива и облегчение нахождения и применения необходимой правовой нормы. Как отмечает Л.А. Морозова, систематизация позволяет, во-первых, быстро отыскать нужный акт, проследить его изменение, дополнение или отмену; во-вторых, выявить пробелы, коллизии, иные несогласованности в нормативном материале; в-третьих, совершенствовать действующую систему законодательства [4, С. 313]. Исследователь согласен с мнением автора, но при этом необходимо отметить, что два последних утверждения относятся в большей степени к оптимизации законодательства в целом, а не систематизации.

Для того чтобы обеспечить возможность осуществления систематизации законодательства, как отмечают некоторые авторы, необходимо ориентироваться в огромном массиве нормативных правовых актов [3, С. 5.]. Данные цели достигаются за счет функционирования надлежащей системы учета нормативных правовых актов, которой и является систематизация. На современном этапе развития права в России в научной литературе выделяют четыре способа систематизации законодательства: учет, инкорпорация, консолидация и кодификация. Перечисленные способы систематизации, имеют цель — приведение нормативного массива к системе. Как верно отмечает в данной связи С.В. Баркалов, основная цель учета нормативно-правовых актов — фиксация в определенной систематической форме информации (сведений) о принимаемых нормативно-правовых актов [3, С. 6.].

Цель оптимизации обуславливает наличие основных принципов систематизации, к которым ученые относят:

1. полнота информационного массива, обеспечивающая фиксацию и выдачу всего объема справочной информации, отсутствие пробелов и упущений в информационном массиве;
2. достоверность информации, основанная на использовании официальных источников опубликования нормативных актов, а также на своевременной фиксации внесенных изменений, включенных в информационный фонд актов;
3. удобство пользования, необходимое для оперативного и качественного поиска нужных сведений [3, С. 6.].

Таким образом, соблюдение указанных принципов, при осуществлении систематизации, позволит наилучшим образом учесть все стороны проводимой работы, и создать действительно эффективную систему законодательного массива, пользуясь которой можно быстро и легко найти необходимый правовой документ — закон.

Поэтому, на современном этапе развития законодательства в России, стоит особое внимание уделить данному виду оптимизации, постольку поскольку, в указанной области имеются такие недочеты как:

- использование устаревших методов систематизации — это в первую очередь относится к учету, так как некоторые его виды, такие как журнальный учет, картотечный (или карточный, бланковый) учет, ведение контрольных текстов действующих нормативных актов и т.д., являются трудоемкими и неэффективными в использовании, а также требуют больших финансовых затрат на осуществление такого способа систематизации и хранения полученных данных;
- долговременная и неэффективная работа уполномоченных государственных органов по проведению инкорпорации, что привело к такому явлению как эффективность неофициальной инкорпорации по сравнению с официальной и официозной инкорпорацией;
- стремление законодателя закодифицировать все имеющиеся правовые нормы, что привело к наличию многочисленного количества кодексов, в которых объединены нормы не самостоятельных отраслей права, а подотраслей или даже институтов (например, Воздушный кодекс РФ, Водный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ и т. д.).

Таким образом, процесс систематизации в России находится в так называемом «застое», когда как бы работа по ее осуществлению идет, но результатов такой работы не видно.

Как видится автору, необходимо использовать современные технологии для осуществления систематизации. Как верно отмечает С.В. Баркалов, нынешний уровень развития компьютерной техники, электроники и информатики позволяет эффективно осуществлять учет законодательства с помощью создания информационно-поисковых систем, баз данных по законодательству. Такие системы обеспечивают наиболее эффективный учет нормативных правовых актов, оперативность внесения изменений, исчерпывающую полноту информации о необходимом нормативном материале, максимально быстрый поиск необходимой информации [3, С. 9.], но при этом не следует идеализировать данный способ систематизации, так как компьютерная база данных может быть подвержена воздействию различного рода «вирусам» и «атакам» со стороны так называемых «хакеров». Поэтому для эффективности использования законодательства, конечно же, необходимо провести официальную инкорпорацию, используя технологии имеющихся справочно-правовых систем «Гарант», «Кодекс» и «Консультант Плюс», создать справочно-правовую систему, на которую можно делать ссылки в

правовых документах, но при этом необходимо обеспечить дополнительную безопасность указанных баз данных, и создать на материальном носителе (письменном или печатном) копию такой базы данных, что позволит наилучшим образом защитить имеющиеся данные от их несанкционированного изменения или удаления из компьютерных баз данных. В России уже давно, с 1995 года, пытаются решить данную проблему. Так, указ Президента РФ от 6 февраля 1995 г. № 94 «О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации» предписывает начать подготовку к составлению и изданию Свода законов Российской Федерации — «официального систематизированного полного собрания действующих нормативных правовых актов Российской Федерации» (п. 1) [7]. Распоряжением Президента РФ от 25 декабря 1995 г. № 555-рп был предусмотрен ряд подготовительных действий по формированию Свода законов [5]. В последующем был принят Указ Президента РФ от 14 февраля 1998 г. № 170 «О мерах по повышению эффективности работы, связанной с формированием Свода законов Российской Федерации» [6], который предписывал определенным государственным органам осуществить ряд действий по систематизации законодательства. Как отмечают некоторые авторы, данная работа пока что ведется чересчур медленными темпами [2, С. 11.]. Данный пример показывает всю неэффективность и медлительность государственных органов по осуществлению систематизации законодательства РФ, поэтому, автор, предлагает использовать технологии неофициальных справочно-правовых систем, для изменения сложившейся ситуации.

Как уже отмечалось выше, стремление законодателя кодифицировать законодательство, породило дробленность многих отраслей права на мелкие составляющие элементы, которые считаются самостоятельными отраслями законодательства, но, по сути, и по общности предметов правового регулирования, составляющие одно целое. Кодификация законодательства по отраслям способствует устранению коллизий и пробелов в праве, созданию единого правового пространства, что особенно актуально в период проведения законодательных реформ. Как отмечают некоторые ученые, активно (хоть и не всегда оптимально) осуществляется кодификация законодательства, что, несомненно, оказывает позитивное влияние на состояние российского законодательства, а в конечном итоге и общества [1, С. 32.]. Будучи позитивным способом осуществления систематизации, кодификация, при злоупотреблении, может породить и негативные явления. Поэтому необходимо четко разделять те законы, которые необходимо кодифицировать, и те законы, которые

необходимо свести в единую базу данных. Такой подход позволит избежать излишнего дробления законодательства. Несмотря на все плюсы кодификации, следует отметить что ни современное развитие российского общества, ни развитие законодательства РФ не позволяет четко констатировать необходимость применения лишь данного способа осуществления систематизации законодательства, а следовательно ситуация в области систематизации пока что еще весьма далека от идеала, что заставляет искать пути ее совершенствования.

Список литературы:

1. Баркалов С. В. Особенности систематизации нормативно-правовых актов в Российской Федерации на современном этапе// Юридическая мысль. 2004. № 3.
2. Баркалов С. В. Специфика официальной и неофициальной инкорпорации нормативных правовых актов// Юридическая мысль. 2004. № 6.
3. Баркалов С. В. Учет нормативно-правовых актов как предпосылка проведения систематизации. // Юридическая мысль. 2005. № 4.
4. Морозова Л. А. Теория государства и права. М., 2008.
5. Распоряжением Президента РФ от 25 декабря 1995 г. № 555-рп// Российская газета 1996. 11 января;
6. Указ Президента РФ от 14 февраля 1998 г. № 170 «О мерах по повышению эффективности работы, связанной с формированием Свода законов Российской Федерации»// Российская газета 1998. 25 февраля;
7. Указ Президента РФ от 6 февраля 1995 г. № 94 «О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации»// Российская газета 1995. 9 февраля;

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ

Терехов Евгений Михайлович

*преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Балаковского филиала Саратовской государственной юридической
академии, г. Балаково
E-mail: izwestniy2010@yandex.ru*

По мнению автора, многие употребляют слово «интерпретация», зачастую не зная его подлинного значения. Большинство ассоциирует его с толкованием, однако абсолютной уверенности в значении интерпретации, как толкования, нет и по сей день.

Интерпретировать означает истолковать, раскрыть смысл, содержание чего-нибудь [9, с. 255]. На первый взгляд, получается, что интерпретация и есть толкование.

По мнению П. А. Сорокина, когда закон точен, ясен и вполне определен, тогда невозможны его различные толкования; тогда каждый может легко определить, чего хочет закон. Издание такого закона, свободного от всякой неопределенности и неясности, дело очень трудное. Самые совершенные законы нередко вызывают различное толкование. В таком случае встает необходимость толкования закона, т. е. объяснения его точного смысла и содержания. Цель толкования вскрыть точное содержание закона согласно его смыслу и букве [14, с. 718]. По мнению И. В. Михайловского, когда установлена подлинность и обязательность нормы и проверен текст, наступает следующая стадия, обуславливающая применение нормы: выяснение ее смысла. Эта стадия есть толкование [8, с. 700].

Сложно не согласиться с мнением И. В. Грязина о том, что одного текста правовой нормы всегда недостаточно для извлечения всей содержащейся в норме права информации, которая должна быть в связи с этим раскрыта иными средствами, в частности посредством интерпретации [5, с. 54]. На взгляд автора, именно поэтому интерпретация выступает одной из наиболее существенных форм реализации правовой политики.

Проблемы интерпретации исследуются в рамках гносеологии, философии языка, теории коммуникаций, методологии науки и других наук. Термины «толкование», «интерпретация» входят в предмет изучения отдельных социально-гуманитарных и естественных наук (философии, математики, логики, методологии науки, теории познания

и др.). В то же время, толкование права является фундаментальной философско-юридической категорией [2, с. 12].

Наряду с этим, понятие интерпретации, по мнению автора, является одной из наиболее актуальных проблем юриспруденции и со временем приобретает глубинный характер.

Для того чтобы раскрыть понятие интерпретации, автору важно знать, а можно ли поставить знак равенства между такими понятиями, как толкование, интерпретация, герменевтика, экзегеза, респонза. Представляют ли вышеперечисленные понятия одну и ту же суть либо вовсе являются значениями, обозначающими разные процессы. Именно на эти вопросы и предстоит дать ответы для уяснения того, что же на самом деле представляет интерпретация.

С позиции русского языка, такие термины, как интерпретация, респонза, экзегеза, герменевтика представляют одно целое и используются в аналогичном значении. Такой позиции придерживается М. Фасмер, автор этимологического словаря русского языка [15, с. 728]. Аналогичной позиции придерживается и С. И. Ожегов, автор толкового словаря русского языка.

С позиции юриспруденции, рассматриваемые термины раскрывают сущность единого процесса. С. С. Алексеев отмечал, что «толкование — это не само познание, а деятельность по установлению содержания правового акта для его практической реализации» [1, с. 290]. Н. Н. Вопленко определяет толкование как выражающуюся в особом акте интеллектуально-волевою деятельность по уяснению и разъяснению смысла норм права в целях их наиболее правильной реализации [4, с. 11]. Герменевтика же обозначает искусство толкования, разъяснения, анализа текста [3, с. 37].

Из данного сравнения, очевидно, что понятия толкование, герменевтика, интерпретация являются синонимами, то есть обозначают одну и ту же деятельность. Этот факт подтверждается проведенным сравнением как с позиции русского языка, так с позиции юриспруденции.

На данный момент точного единого понятия интерпретация не имеет. На этот счет существуют различные точки зрения. По мнению П. Рикера, интерпретация — это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, в раскрытии уровня значения, заключенных в буквальном смысле [11, с. 4]. А. Ф. Черданцев, рассматривал интерпретацию, как метод, имеющий самостоятельный объект познания, восполняющий специфические задачи и складывающийся из совокупности специфических приемов и способов, predeterminedных законами диалектической и формальной логики [16, с. 4].

М. Н. Марченко рассматривал интерпретацию, как деятельность органов государства, отдельных должностных лиц, общественных организаций, отдельных граждан, направленную на раскрытие смыслового содержания правовых норм и на выявление содержащейся в них государственной воли [7, с. 107]. О. М. Смирнова, рассматривая интерпретацию, подчеркивала, что это, прежде всего, особая разновидность человеческой деятельности [13, с. 43]. И.Г. Сердюкова отмечала, что интерпретировать, значит переосмыслить и объяснить значение выраженной в нормах государственной воли [12, с. 147], более того толкование, по ее мнению и есть интерпретация. С.В. Ионова указывала, что интерпретация, как вид толкования, чаще всего направлена на объяснение содержания трактуемого текста и связана с добавлением новых структурных элементов в «ткань» вторичного текста [6, с. 9].

Интересна позиция Е. А. Попенкова, согласно которой интерпретация, как вид юридической деятельности, выступает в качестве связующего звена между формой и действием права. При этом значении интерпретации заключается в конкретизации абстрактных правовых предписаний, в их адаптации к фактическим юридическим составам, в устранении противоречий, неточностей и иных погрешностей в содержании правовых норм, в обеспечении четкости и ясности сути процесса правового регулирования, а также в приобретении новых знаний и навыков в сфере правотворческой и правоприменительной деятельности [10, с. 8].

Таким образом, интерпретация представляет собой познавательный процесс, имеющий самостоятельный объект познания, обладающий собственными приемами и средствами, который осуществляют субъекты с целью расшифровки смысла нормы права.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Общая теория права: Курс в 2-х т. Т. 2. — М.: Юрид. лит., 1981. — С. 290.
2. Болонин С. Ю. Правотолкование и правовое регулирование. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Казань, 2010. — С. 12.
3. Ващенко Ю. С. Герменевтика и юридическое толкование // Вестник Волжского университета. 2007. № 65. — С. 37.
4. Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М.: Юрид. лит., 1976. — С. 11.
5. Грязин И. Н. Текст права: Опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин., 1983. — С. 54.

6. Ионова С. В. Интерпретация как вид вторичной текстовой деятельности // Вестник ВолГУ. 2008. № 1. — С. 9.
7. Максютин М. В. Теория юрисдикционного процесса. М., 2004. — С. 107.
8. Михайловский И. В. Толкование закона. Теория государства и права: Хрестоматия. — М.: Интерстиль, 2000. — С. 700.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. — С. 255.
10. Попенков Е. А. Юридическая техника правоинтерпретационной деятельности. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Спб., 2003. — С. 8.
11. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. 1995. — С. 4.
12. Сердюкова И. Г. Особенности правоинтерпретационной формы реализации международно-правовой политики России в сфере прав и законных интересов человека // Вестник ПГТУ. 2010. № 4. — С. 147.
13. Смирнова О. М. К вопросу о содержании понятия «правотолкование» // Вестник Волжского университета. № 64. — С. 43.
14. Сорокин П. А. Толкование закона. Теория государства и права: Хрестоматия. — М.: Интерстиль, 2000. — С. 718.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель. 2004. — С. 728.
16. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. Екатеринбург, УРГЮА. 2002. — С. 4.

СЕКЦИЯ 2

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В ТРУДОВЫХ КОЛОНИЯХ В 1950 гг. XX в.

Якушина Евгения Сергеевна,

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала МосУ МВД России г. Руза*

E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru

В декабре 1950 г. на совещании в МВД СССР рассматривался акт приема-сдачи Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, в котором отмечались серьезные недостатки в работе отдела, а также детских трудовых и трудовых воспитательных колоний. Указывалось, что Постановление Совета Министров СССР от 20 мая 1950 г. и приказ МВД СССР № 0369 от 20 мая 1950 г. в полной мере не выполнены. В изданном в связи с этим приказе [5, 230-256] отмечалось, что производственно-хозяйственная деятельность детских колоний все еще недостаточно подчинена основной задаче — воспитанию детей и подростков. Одной из причин этого являлся выпуск во многих колониях таких изделий, при изготовлении которых подростки не получали необходимой квалификации. Во многих детских трудовых и трудовых воспитательных колониях продолжалось использование взрослых заключенных, имевших контакты с подростками и они даже допускались к работе в качестве мастеров производственного обучения. Количество взрослых заключенных в детских колониях не лимитировалось. Материально-техническое обеспечение колоний для нужд производства, производственного обучения поставлено совершенно неудовлетворительно. Задание по плану производства не обеспечивалось необходимыми техническими материалами и сырьем.

Поэтому приказ обязал Министров внутренних дел республик и начальников колоний УМВД краев и областей к 20 января 1951 г. представить в отдел детских колоний МВД СССР данные о количестве

взрослых осужденных, занятых на работах по каждой детской колонии.

Имевшееся в детских колониях сложное или трудоемкое производство, а также производство с вредными условиями труда вызывало необходимость использования рабочей силы из числа взрослых заключенных. Эта практика получила широкое распространение. Отказаться от такой рабочей силы было невозможно по производственной необходимости, а потому МВД СССР принимает в начале 1951 г. меры, определявшие порядок содержания взрослых заключенных при трудовых и трудовых воспитательных колониях для несовершеннолетних.

Распоряжением МВД от 7 апреля 1951 г. № 370 [6, с. 11-12] начальникам УМВД краев и областей запрещалось использовать взрослых заключенных на ответственных должностях, содержащихся за счет основного производства, сельского хозяйства, строительства, лесозаготовок и транспорта или в качестве материально-ответственных лиц.

Однако не всегда детские колонии дислоцировались там, где не было проблем с вольнонаемными кадрами. Поэтому распоряжение, с одной стороны, как бы вводило запрет, а с другой разрешало содержать взрослых заключенных при трудовых и трудовых воспитательных колониях. В частности, разрешалось выводить на работу в этих колониях взрослых заключенных лишь для выполнения тяжелых физических работ, работ, требующих высокой квалификации и только в тех случаях, когда для этого не могут быть привлечены вольнонаемные сотрудники.

Категорический запрет вводился на содержание при детских колониях, а также вывод на работу в эти колонии (если не исключалась возможность контакта взрослых заключенных с несовершеннолетними) четырех категорий заключенных:

- осужденные к лишению свободы на срок более 10 лет и осужденные повторно (рецидивисты), независимо от состава преступления;
- осужденные по ст. ст. УК РСФСР: 58, 59 (кроме 59-3 в), 82, 136, 137, 138, 139, 142, 151, 152, 153, 154-а, 165-3, 166, 167, 182 и соответствующим ст.ст. УК других союзных республик; за разбой; по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» [1, № 19]; по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности граждан за изнасилование» [2, № 20];
- отказчиков от работы и других нарушителей режима;

- инвалидов, женщин беременных и имеющих при себе детей, а так же осужденных, систематически не выполняющих нормы выработки [6, с. 11-12].

Распоряжением устанавливался следующий порядок использования труда взрослых заключенных в трудовых воспитательных и трудовых колониях для осужденных несовершеннолетних.

Если из подразделений УИТЛК — ОИТК можно было ежедневно привозить взрослых заключенных, то разрешалось использовать их на контрагентских началах в детских колониях. В случае отсутствия возможности организовать специальное подразделение для обслуживания колонии несовершеннолетних, а также при отсутствии возможности привозить их на работу и увозить, разрешалось содержать взрослых заключенных при колонии несовершеннолетних с условиями изолированного размещения их от несовершеннолетних.

Количество взрослых заключенных (лимит), которых разрешалось содержать при детской колонии в соответствии с приказом МВД СССР № 0833 1950 г., устанавливался Отделом детских колоний МВД СССР для каждой колонии на основании представлений министра внутренних дел, начальников управлений МВД по краям и областям.

Принимая меры по подготовке из числа воспитанников квалифицированных кадров рабочих, МВД СССР в апреле 1951 г. приняло решение ввести в отдельных трудовых воспитательных колониях производственное обучение воспитанников по программам и учебным планам специальных ремесленных училищ Министерства трудовых ресурсов СССР с 3-годовалным сроком обучения и освободить эти колонии от выполнения производственных планов [3, с. 12-13].

По состоянию на начало 1955 г., для трудового воспитания, закрепления и повышения полученной квалификации в колониях были созданы все необходимые условия. На 1955 г. план промышленного производства детских колоний был утвержден в сумме 215 млн. рублей. Из архивных документов усматривается, что в РСФСР производственная база позволяла изготавливать зерносортировки, точильные аппараты, зернопогрузчики, корнеклубноройки, ветродвигатели, бензораздаточные колонки, насосы разных модификаций, мебель, слесарный и деревообрабатывающий инструмент и другую продукцию. Планом капиталовложений предусматривалось построить новые производственные цеха в 7 колониях [4, с. 28].

Распространение в 1954 г. на несовершеннолетних заключенных условно-досрочного освобождения, в силу которого они содержались в колониях непродолжительное время, а также реорганизация сети мест

лишения свободы для содержания несовершеннолетних правонарушителей после амнистии 1953 г., оказало влияние на характер производственно-хозяйственной деятельности колоний.

Вследствие этих причин в детских колониях промышленный план утрачивает свое значение и вместо него вводится учебно-производственный план. Он позволял организовать выпуск таких изделий, при изготовлении которых можно было бы организовать производственное обучение и повышение квалификации подростков.

В приказе МВД СССР особо отмечалось, что премирование работников детских колоний за выполнение и перевыполнение учебно-производственных планов производить лишь при условии достижения хороших показателей в учебно-воспитательной работе и профессиональном обучении подростков [7, с. 196-198].

Оценивая состояние профессионально-технического обучения и привлечения несовершеннолетних к труду в исследуемый период, следует отметить, что после окончания войны наметилась тенденция, направленная на совершенствование профессиональной подготовки. Этому во многом способствовало повышение общеобразовательного уровня воспитанников, позволявшее осваивать более сложные профессии. Руководством МВД СССР и Отделом трудовых колоний принимались меры по укреплению производственной базы колоний за счет оснащения их более современным оборудованием и станочным парком.

Список литературы:

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1947 г. № 19.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1947 г. № 20.
3. ГАРФ. Ф.9401.Оп.12.Д.210.Л. 12-13.
4. ГАРФ.Ф.9412.Оп.1.Д.774 Л. 28.
5. Приказ МВД СССР № 0833 от 25 декабря 1950 года «О результатах рассмотрения акта приема-сдачи отдела МВД СССР по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью и мерах по улучшению работы отдела» // ГАРФ. Ф. 9412.Оп. 1 Д. 367.Лл. 230-256.
6. Приказ МВД СССР № 0463 — от 19 сентября 1955 год «О серьезных недостатках в работе Земо-Авчальской детской трудовой колонии МВД Грузинской ССР и неотложных мерах по улучшению учебно-воспитательной работы в детских трудовых и воспитательных колониях МВД» // ГАРФ. Ф.9401.Оп. 1а.Д. 552.Л. 196-198.
7. Распоряжение МВД СССР № 370 от 7 апреля 1951 г. «О порядке содержания взрослых заключенных при трудовых и трудовых воспитательных колониях для несовершеннолетних» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 210. Т. 2. Л. 11-12.

СЕКЦИЯ 3

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ЯКУТИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Константинова Татьяна Николаевна

*научный сотрудник сектора этносоциологии,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
г. Якутск, Республика Саха (Якутия)
E-mail: kotango@yandex.ru*

Данная статья посвящена одной из актуальных проблем для коренных малочисленных народов Севера — это создание законодательной базы для урегулирования их жизнедеятельности и взаимоотношений между коренными народами и промышленностью. Рассматривается современное состояние регионального законодательства по этносам Севера, раскрываются негативные тенденции изменения российского и регионального законодательств.

В последние десятилетия проблема правового регулирования жизнедеятельности коренных народов все больше привлекает внимание всего международного сообщества. Об этом свидетельствуют принятие Международной организацией труда Конвенции 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах (1989) [4], Декларация ООН о правах коренных народов (2007) [1], провозглашение второго Международного десятилетия коренных народов мира (2005) [13], и другие документы.

В Российской Федерации особое внимание уделяется коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока. Так, в Конституции Российской Федерации правовой статус коренных малочисленных народов определен статьями 9, 69, пункт «М» статьи 72 [2]. Здесь соблюдаются права народов в соответствии принципами и нормами международного права.

Конституционные положения, получили дальнейшее развитие в законодательных актах Российской Федерации, из которых

«О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999) [7], «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2000) [6] и «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (2001) [10]. Остальные законы включают нормы по социальной защите малочисленных народов.

Действующие федеральные законы предусматривают коренным малочисленным народам:

- определенные льготы и приоритеты в местах их компактного проживания и хозяйственной деятельности;
- особый правовой режим использования земель, водных ресурсов и лесопользования;
- получение налоговых льгот, квот на использование биологических ресурсов.

В Конституции Республики Саха (Якутия) (основном законе) 11 статьях упоминается права коренных малочисленных народов в социально-экономическом развитии [3]. Вместе с тем, несмотря на декларацию широких прав коренных малочисленных народов, российское законодательство страдает целым рядом недостатков и упущений. Нормы федерального законодательства остаются фрагментарными, не образуют систему, декларативный ряд положений законов противоречивы, не конкретны, не учитывают специфики экономики традиционного природопользования.

Для коренных малочисленных народов Севера традиционное природопользование — главная сфера социально-экономического развития, база сохранения самобытности этих народов.

Отмеченные выше законы РФ по причине отсутствия механизма реализации не действуют в правоприменительной практике. Например, закон «О гарантиях..» (1999) [7] не содержит конкретных механизмов реализации прав КМНС. Участились случаи, когда положения ряда законов не могут быть реализованы на практике и коренные народы не имеют возможности принять участие в экологической экспертизе, что противоречит нормам действующего законодательства.

В последние годы из российского законодательства стали «вымываться» важные положения, закрепляющие дополнительные права и гарантии коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на особые права в природопользовании и в социальной среде.

Например, исключены положения:

- об использовании части поступающих платежей для социально-экономического развития коренных этих народов;
- право безвозмездного пользования своими исконными землями и территориями;
- получение рыбопромысловых участков для традиционного рыболовства без конкурса;
- исконные участки традиционного природопользования коренных народов передаются организациям, для которых охота и рыбалка не являются источником жизнеобеспечения.

Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (2001) единственный закон реальной защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных народов не работает [10]. На повестке дня стоит вопрос снятия правового статуса особо охраняемой зоны с территории традиционного природопользования.

Происходят и другие негативные изменения. В результате российское законодательство и правоприменительная практика теряют системность, все больше становятся противоречивыми.

При обсуждении Декларации прав коренных народов на Совете Организации Объединенных Наций по правам человека в 2006 г. из 30 стран принявших участие, российская делегация проголосовала «против», а при окончательном рассмотрении Декларации 61-й сессии Генеральной Ассамблеи воздержалась от голосования [14]. Позицию Правительства России в этом вопросе прокомментировал официальный представитель России «Россия не может поддержать ее принятия с учетом большого числа спорных вопросов во взаимоотношениях представителей коренных народов и промышленных предприятий, функционирующих в ареалах их проживания. Установление особых земельных прав коренных народов может осложнить поиск компромиссных путей разрешения данных проблем» [14]. Правительство РФ защищает интересы только промышленных компаний, тем самым отрицая международную норму — право коренных народов на компенсации за отторгаемые территории, необходимость переговоров с коренными народами.

Кроме того, на законодательном уровне остались нерешенными следующие юридические вопросы: права собственности на землю и на возобновляемые природные ресурсы, в местах проживания аборигенов, на традиционные занятия — разведение оленей, охотничий промысел и рыбодобыча.

Рассмотрим, как реализуются международные и российские правовые нормы в законодательстве Республики Саха (Якутия).

В соответствии с Конституцией Российской Федерации основной закон Республики Саха (Якутия) [3] воплотил в себе основные идеи прав и интересов коренных малочисленных народов Севера:

- гарантия коллективных прав коренных малочисленных народов Севера на природные ресурсы (ст. 5);
- образование в составе республиканского бюджета фондов социальной защиты и развития коренных малочисленных народов Севера (ст. 38);
- защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера (ст. 38);
- гарантия сохранения и возрождения коренных народов Республики Саха (Якутия), а также русских старожилов и других (ст. 42);
- защита от любой формы насильственной ассимиляции и этноцида, а также от посягательств на этническую самобытность, исторические и священные места, памятники духовной и материальной культуры и т. д.;
- признание официальными языков коренных малочисленных народов Севера в местах их компактного проживания и т. д.

По аналогии с российским законодательством в комплексе законодательных актов Республики Саха (Якутия), защищающими коренных малочисленных народов можно назвать закон «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» (2006) [9]. Остальные законы включают нормы по охране природной среды, о выборах, о развитии языка коренных малочисленных народов Севера.

В отличие от российских республиканские законы способствуют решению социально-экономических проблем традиционных отраслей. Так, реализуя положения закона Республики Саха (Якутия) «О северном домашнем оленеводстве» [10], устанавливаются: субсидии — для хозяйств всех форм собственности за сохранение поголовья домашних оленей, для строительства оленеводческих баз, материальные стимулирования — для молодых оленеводов. Кроме того, организуются выезд детей оленеводов в летние каникулы в стада, наконец, предусмотрены премирования — для школьников за работу в оленеводческих стадах. На средства из бюджета республики организуются отстрел волков и др. Все это способствовало в последние годы подъему развития оленеводства в республике, удалось приостановить спад в отрасли.

Однако, другой важный республиканский закон «О территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» [12], принятый Государственным собранием (Ил Тумэн) остается неработающим. За годы после выхода аналогичного российского закона в 2001 г. в стране и республике не создано ни одной территории в полной мере отвечающей кардинальным положениям российского закона. Это касается статуса особой охраняемости таких территорий, безвозмездность и неотторгаемость земель.

Пользования землями и ресурсами, наконец, противоречивость положений с другими федеральными законами («Земельным кодексом», «О животном мире», «Об охоте», «О рыболовстве» и Лесным кодексом РФ). Это явилось одной из причин отсутствия в стране территорий традиционного природопользования.

Несовершенство федеральных законов, отсутствие системности в законодательной базе, четких установок по землепользованию особенно опасны в Якутии, на территории которой реализуются крупномасштабные проекты дальнейшего индустриального освоения региона — строительство сети дорог, расширение действующих и создание новых отраслей промышленности и предприятий.

Нависла реальная угроза для коренных малочисленных народов Якутии — потери исторических земель, мест проживания и территорий традиционного природопользования: оленьих пастбищ, охотничьих угодий, рыболовных участков и мест сбора дикоросов.

В дальнейшем для совершенствования правового механизма регулирования жизнедеятельности данных этносов следует применить системный подход, для исследования социальных процессов и явлений и принятия новых нормативно-правовых актов, а также ввести мониторинг правоприменительной практики.

Список литературы:

1. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов // Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и Российское законодательство. — Москва, 2007
2. Конституция Российской Федерации. — Москва, изд-во «Юридическая литература», 1993
3. Конституция (основной закон) Республики Саха (Якутия), 1992 г. Якутск, изд-во «Сахаполиграфиздат», 1995
4. Конвенция Международной организации труда 169 О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах.

- //Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и Российское законодательство. — Москва, 2007
5. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.02.2009 N 132-р, 2009. <http://www.consultant.ru/online/base/>
 6. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации// Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и Российское законодательство. — Москва, 2007
 7. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации//Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и Российское законодательство. — Москва, 2007
 8. О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера, 2005. Закон РС (Я). //Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и Российское законодательство. — Москва, 2007
 9. О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» (2003) //Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и Российское законодательство. — Москва, 2007
 10. О северном домашнем оленеводстве, 1997. Закон РС (Я). //Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и Российское законодательство. — Москва, 2007
 11. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. ФЗ, 2001.//Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. с. 1972—1981
 12. О территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). 2006. //Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и Российское законодательство. — Москва, 2007
 13. Послание Генерального секретаря ООН <http://www.un.org/russian/basic/sg/messages/2005/indigenous05.htm>
 14. Харючи С. Н. Создание комплексной системы законодательной защиты прав коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации необходимое условие социально-экономического развития коренных народов и северных территорий // Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы). — М., 2009. — С. 5-15.

СЕКЦИЯ 4.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ И НАПРАВЛЕНИЯХ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Ершов Олег Геннадьевич,

*канд. юрид. наук, Омская академия МВД РФ,
ст. преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, г. Омск*

E-mail: [Ershov @rambler.ru](mailto:Ershov@rambler.ru)

Строительство представляет собой деятельность, которая направлена на возведение новых строений, либо реконструкцию имеющихся объектов различного назначения. Результатом такой деятельности являются введенные в эксплуатацию здания (сооружения), представляющие по своей природе объекты недвижимости, имеющие важное социальное и экономическое значение для развития общества и государства. Вместе с тем, по оценкам специалистов в области статистики, происходит снижение вводимых в эксплуатацию строений и увеличение объемов незавершенного строительства [2, с. 45-60].

Нельзя отрицать того, что помимо экономических факторов способствующих снижению ввода в эксплуатацию строений и консервации объектов строительства, недостаточно эффективно и правовое обеспечение развития имущественных отношений в строительстве, подпадающих под действие гражданско-правовых норм, что следует из анализа материалов судебной практики [1]. Полагаем, что сложности применения гражданско-правовых норм и причины споров обусловлены тем, что установленные и санкционированные государством модели поведения хозяйствующих субъектов не в полной мере отражают те имущественные отношения в строительстве, на которые они рассчитаны. Не сложилась окончательно концепция гражданско-правового регулирования имущественных отношений в строительстве. Вместе с тем разработка такой концепции может способствовать решению ряда научных и практических задач. Научно разработанная теория гражданско-правового регулирования имущественных отношений в строительстве

с учетом производственных процессов позволяет иначе осмыслить природу недостроенного объекта, организационно-правовые предпосылки заключения договоров, исполнение и обеспечение исполнения обязательств, а также основания и условия ответственности хозяйствующих субъектов за неисполнение договора и причинение вреда.

Вопрос возникает в том, что должно быть положено в основу такой концепции? Поиск решения, очевидно, предполагает осмысление методов и основных направлений изучения проблем гражданско-правового регулирования отношений в строительстве. Анализ научных работ по проблемам цивилистической теории правоотношений в строительстве позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, цивилистическая наука достаточно много внимания уделяет догматическому анализу правовых конструкций. Вместе с тем не достаточно проводится исследование самих имущественных отношений в сфере строительства, которые должны регулироваться нормами гражданского права. Позитивная теория правового регулирования предполагает, что нормы есть модели поведения, которые должны точно отражать общественные отношения. Отсюда исследование моделей поведения в отрыве от отношений приводят к ситуации, когда происходит неверное истолкование правовых норм. Следствием этого является недостаточно развитая и не адаптированная к потребностям правоприменительной практики теория гражданских правоотношений, возникающих при строительстве.

В тоже время, необходимо обратить внимание, что имущественные отношения при строительстве испытывают влияние производственных процессов, что также предположительно должно найти отражение и в гражданско-правовой форме. Насколько нам известно, изучение теории правоотношений под углом такого влияния не проводится, что можно рассматривать как пробел в науке гражданского права. Тенденция развития современной научной мысли сводится к тому, что в основном проводится анализ применения правовых норм на материалах судебной практики, но природа и характер имущественных отношений при строительстве, закономерности возникновения и построения хозяйственных связей, формируемая под влиянием производственных процессов их структура и гражданско-правовая форма остаются без должного внимания. Нуждается в связи с этим в более глубоком анализе и законодательство о строительстве, поскольку не выделяются его недостатки, не устанавливаются тенденции развития, не достаточно

осмыслен зарубежный опыт гражданско-правового регулирования имущественных отношений в строительстве.

Во-вторых, в условиях плановой экономики договорные конструкции рассматривались сквозь призму концепции хозяйственного законодательства, что сейчас уже не позволяет в полной мере применить полученные научные результаты в процессе совершенствования гражданско-правовых норм. Учитывая, что договоры в строительстве имели плановую основу, усилия ученых были направлены на поиск и обоснование гражданско-правового механизма надлежащего исполнения административных актов управления строительством, как сферой народного хозяйства, имеющей не столько социальное, сколько государственное значение. В рыночных условиях экономики, когда хозяйствующие субъекты самостоятельны, инициативны, обладают обособленным имуществом и свободно вступают в договорные отношения по строительству, гражданско-правовой механизм регулирования должен быть другим. Проблема заключается в том, что этот механизм еще до настоящего времени полностью не описан, не разработана до конца и общая теория договорных правоотношений в строительстве.

Следствием этого практически без внимания ученых остаются многие договоры, которые активно заключаются при строительстве, но правовая природа этих договоров, существенные условия, права и обязанности сторон, ответственность за ненадлежащее исполнение, не определены. Гражданское законодательство практически не предусматривает норм о договоре на участие инженера в строительстве, авторском надзоре, что при отсутствии развитой цивилистической теории создает сложности при рассмотрении споров. Также не установленная до конца правовая природа задания заказчика в подрядном договоре приводит к ситуации, когда в одних случаях такое задание рассматривается судами как обязательная составляющая этого договора, в других, как самостоятельный юридический факт, который существует за рамками подрядного договорного правоотношения.

За область проводимых научных исследований практически остаются вопросы организационно-правовых предпосылок возникновения договорных отношений, включая природу обязательного участия в саморегулируемой организации и возможность заключения предварительного договора при строительстве. Не проводится систематизация договоров в строительстве с учетом производственных процессов, не раскрываются системные признаки. Не дается правовая оценка через влияние производственных процессов

вопросам, связанным с формированием существенных условий основных договоров в строительстве, ответственности за ненадлежащее их исполнение консерваций строительства, установлением природы недостроенного объекта и права на такой объект в момент исполнения и окончания договора.

Особого внимания требует не исследуемые до настоящего времени сопровождающие строительство организационные отношения, связанные с согласованием технических условий подключения объектов капитального строительства к инженерным сетям, не изученные до конца проблемы, связанные с предоставлением земельных под строительство участков. Не выяснено, какое влияние могут оказывать производственные процессы на применение способов обеспечения исполнения договорных обязательств при строительстве.

В третьих, область научного познания не охватывает все отношения, которые возникают при строительстве. Нельзя исключить возможность возникновения внедоговорных отношений, связанных с непосредственным причинением или предупреждением причинения вреда при строительстве. Необходимо исследование их правовой модели в целях разработки наиболее эффективных механизмов правовой защиты лиц, пострадавших от действий строителей при отсутствии договора, а также лиц, которым грозит опасность причинения вреда. Анализ обобщения материалов судебной практики показывает, что применение гражданско-правовых норм, рассчитанных на регулирование внедоговорных отношений в сфере строительства, вызывает сложности. В частности не установленная до конца правовая природа требования о запрещении строительства в связи с опасностью причинения вреда, что приводит к ситуации, когда в одних случаях такое требование рассматривается как составляющая публично-правовой ответственности, в других случаях как частноправовая конструкция меры защиты гражданских прав или меры гражданско-правовой ответственности. Отсутствуют также в критерии опасности причинения вреда при строительстве, источника повышенной опасности, а также владельца такого источника. Однако исследований правоотношения, связанного с причинением вреда при строительстве, как источником повышенной опасности, практически не проводится.

Следует отметить, что за областью научного исследования пока находятся вопросы внедоговорного правоотношения, которое возникает в связи с опасностью причинения вреда при строительстве. Не установлена природа отношений, которые складываются в результате опасности причинения вреда, основания возникновения

гражданских прав и обязанностей. Не проводится анализ теории внедоговорных отношений и их гражданско-правовой формы через влияния производственных процессов.

Список литературы:

1. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договорам строительного подряда» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 3.
2. Райская Н., Рощина Л., Френкель А., Баранов Э. Российская экономика в 2009-2010 годах: тенденции, анализ, прогноз // Вопросы статистики. 2010. № 1. С. 45-60.

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ АВТОРСКОГО ПРАВА

Киселева Надежда Анатольевна

канд. филос. наук, доцент ЗабГУ, г. Чита

E-mail: kiseleva-chita@mail.ru

Авторскими правами признаются интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства. Согласно п. 1 ст. 1225 ГК РФ под интеллектуальной собственностью понимаются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуги предприятий, которым предоставляется правовая охрана. На произведение науки, литературы или искусства в соответствии с частью 4 ГК РФ распространяется исключительное право. Под исключительным правом на произведение согласно п. 1 ст. 1229 ГК РФ понимается право его обладателя использовать такое произведение по своему усмотрению любым способом, который не противоречит закону. Подобное исключительное право признается на основании ст. 1257 ГК РФ за гражданином, автором результата интеллектуальной деятельности, творческим трудом которого создан такой результат.

Исключительное право на произведение действует в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора, на основании п. 1 ст. 1281 ГК РФ. В данной статье устанавливаются и иные правила, так, если автор произведения был репрессирован и посмертно реабилитирован, срок действия исключительного права продлевается, и семьдесят лет исчисляются с 1

января года, следующего за годом реабилитации автора произведения. Если автор работал во время Великой Отечественной войны или участвовал в ней, срок действия исключительного права, установленный настоящей статьей, увеличивается на четыре года. Когда же произведение создано в соавторстве (двумя или более лицами совместным творческим трудом — ст. 1258 ГК РФ), исключительное право на данное произведение действует в течение всей жизни автора, пережившего других соавторов, и далее семьдесят последующих лет, считая с 1 января года, следующего за годом его смерти. После чего исключительное право на произведение переходит по наследству в соответствии с п. 1 ст. 1283 ГК РФ.

Следует отметить, что права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке установленном ГК РФ. Вопросы перехода исключительного права на произведение как авторских прав имущественного содержания регулирует часть 4 ГК РФ, однако автору принадлежат и личные неимущественные права на результат его творчества. Поскольку личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом и охраняются бессрочно, не все авторские права могут переходить по наследству. Прежде всего, это личные неимущественные права:

- право авторства (право признаваться автором произведения), следовательно, наследники не могут считаться авторами произведения;
- право на имя (использование имени собственного, псевдонима или без указания имени автором произведения), т. е. наследник не может решать вопросы, связанные с тем, будет ли произведение опубликовано под настоящим именем автора, под псевдонимом или анонимно;
- право на неприкосновенность произведения означает, что произведение должно использоваться в первоизданном авторском варианте. Однако, допускается изменение формы произведения, например переработка драматического произведения в сценарий либо наоборот.
- право на обнародование произведения, т. е. право осуществить действие, посредством которого произведение станет доступным для всеобщего ознакомления.

По мнению Чебановой О., особенность наследования в области интеллектуальной собственности состоит в том, что, несмотря на то, что указанные личные неимущественные права не наследуются, такие нематериальные блага как авторство, имя автора и неприкосновенность произведения, охраняются наследниками автора и другими заинтересованными лицами [5, С. 9].

Действительно, на основании ст. 1267 ГК РФ после смерти автора охрана авторства, имени автора и неприкосновенности произведения осуществляется наследниками автора, их правопреемниками и другими заинтересованными лицами. Кроме того, автору на основании данной статьи принадлежит право, в порядке, предусмотренном для назначения исполнителя завещания (ст. 1134 ГК РФ), указать лицо, на которое он возлагает охрану авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после своей смерти. Данное лицо осуществляет свои полномочия пожизненно. При отсутствии таких указаний или в случае отказа назначенного автором лица от исполнения соответствующих полномочий, а также после смерти этого лица охрана авторства, имени автора и неприкосновенности произведения осуществляется наследниками автора, их правопреемниками и другими заинтересованными лицами (абзац 2 п. 2 ст. 1267 ГК РФ).

С введением в силу части четвертой ГК РФ получил законодательное решение актуальный вопрос о праве обнародования произведения наследниками автора. Так, согласно п. 3 ст. 1268 ГК РФ произведение, не обнародованное при жизни автора, может быть обнародовано после его смерти обладателем исключительного права на произведение, если только автор в письменной форме не запретил его обнародование. Таким образом, путем соответствующего указания в свидетельстве о праве на наследство, возможно официальное оформление перехода права на обнародование ранее не опубликованных произведений автора к его наследникам. Согласно п. 3 ст. 1282 ГК РФ перешедшее в общественное достояние необнародованное произведение может быть обнародовано любым лицом, если только обнародование произведения не противоречит воле автора, определенно выраженной им в письменной форме (в завещании, письмах, дневниках и тому подобном). Следует указать на еще один немаловажный факт — в соответствии с п. 5 ст. 333.38 Налогового Кодекса РФ освобождены от уплаты государственной пошлины физические лица за выдачу свидетельств о праве на наследство при наследовании ими авторских прав и сумм авторского вознаграждения, предусмотренных законодательством Российской

Федерации об интеллектуальной собственности [4]. Однако, как отмечает В.В. Авдеев, авторское вознаграждение, выплачиваемое наследнику автора произведения, являющемуся налоговым резидентом РФ, подлежит налогообложению НДФЛ по ставке 13% (пункт 18 ст. 217 НК РФ), а также авторское вознаграждение, выплачиваемое наследникам автора произведения, не является объектом обложения ЕСН и объектом для исчисления взносов на ОПС, кроме того случая, если авторским договором предусматривается выплата вознаграждения в пользу автора за созданное им в рамках его трудовой (творческой) деятельности произведение (в том числе за передачу автором имущественных авторских прав на использование произведения) [1, С. 57].

Согласно ст. 1266 ГК РФ при использовании произведения после смерти автора лицо, обладающее исключительным правом на произведение, вправе разрешить внесение в произведение изменений, сокращений или дополнений при условии, что этим не искажается замысел автора и не нарушается целостность восприятия произведения, и это не противоречит воле автора, определенно выраженной им в завещании, письмах, дневниках или иной письменной форме. По мнению О.Е. Блинкова, завещание — это наиболее приемлемая форма запрета внесения в произведение изменений, сокращений или дополнений либо определение объема и признаков подобных действий. Завещание как юридический факт порождает правоотношение с обязанностями на стороне преемника исключительного права на произведение. Какова же юридическая сила писем, дневников или посмертных записок, остается неясным [2, С. 63].

Как уже отмечалось, согласно п. 1 ст. 1283 ГК РФ исключительное право на произведение переходит по наследству и только в случае, если отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования (ст. 1117 ГК РФ), либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника (ст. 1158 ГК РФ), имущество умершего считается выморочным (п. 1 ст. 1151 ГК РФ), а его исключительные права прекращаются и произведение переходит в общественное достояние (п. 2 ст. 1283 ГК РФ). Кроме того, произведение, перешедшее в общественное достояние, может свободно использоваться любым лицом без чье-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения. При этом

охраняются авторство, имя автора и неприкосновенность произведения (пункт 2 ст. 1282 ГК РФ).

На основе вышеизложенного следует сделать вывод о том, насколько сложна и неоднозначна проблема наследования авторского права — и на уровне вида наследования, и зависимости продолжительности срока исключительных прав от вида результата интеллектуальной деятельности, и процедуры обнародования и внесения изменений в авторское произведение наследниками или ответственным лицом.

Список литературы:

1. Авдеев В. В. Переход права на произведение по наследству и налогообложение наследников // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. 2009. № 9. С. 56-58.
2. Блинков О. Е. Новый российский правопорядок в сфере наследования авторских и смежных прав // Наследственное право. 2008, № 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. — М.: Эксмо, 2011.
4. Налоговый Кодекс Российской Федерации. Ч. 2. // «Собрание законодательства РФ», 07.08.2000, № 32, ст. 3340.
5. Чебанова О. О наследовании авторских прав // Хозяйство и право. 2010. № 8. С. 7- 10.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СЛУЖЕБНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ

Мерзлякова Ирина Станиславовна

кандидат культурологии, доцент ЗабГУ, г. Чита

E-mail: Irpolia@list.ru

Принято разделять служебные и свободные изобретения работников. В отечественном праве под служебным изобретением понимают изобретение, созданное на основании трудового договора и являющееся результатом выполнения автором-работником его должностных обязанностей или задания работодателя. Под свободным изобретением понимают изобретение, созданное работником с использованием материалов и средств работодателя: не являющееся служебным изобретением изначально с момента его создания или утратившее признаки служебного изобретения в связи с переходом права на получение патента к работнику. По данным различных организаций более 80 процентов изобретений создаются как

служебные. Правовые режимы служебных и свободных изобретений существенно отличаются по системному расположению правовых норм, по степени урегулированности, по содержанию [6, с. 4].

В период создания служебного изобретения работодатель и работник состоят в правоотношениях, вытекающих из трудового договора. Юридический факт создания нового изобретения является основанием возникновения гражданских прав, в данном случае интеллектуальных прав на служебное изобретение (подпункт 4 п. 1 ст. 8 ГК РФ). Результат трудовой деятельности работника всегда принадлежит работодателю, но результат творческой деятельности принадлежит автору. Следовательно, на служебное изобретение претендуют работник — автор изобретения и работодатель.

Как известно, интеллектуальное право содержит две категории прав: личное неимущественное право (право авторства и право на защиту репутации автора) и исключительное право (право на использование объекта интеллектуальной собственности). Личным неимущественным правом могут обладать только авторы и исполнители, а исключительное право может принадлежать иным лицам [1, с. 19].

Основную регулятивную функцию в отношениях относительно изобретения выполняет договор, который работодатель и работник заключают в соответствии с принципом свободы договора, определяя в нем условия распределения личных неимущественных прав и исключительных прав на служебное изобретение, размер и условия выплаты авторского вознаграждения и т. д. Данные условия могут быть прописаны как в самостоятельном гражданско-правовом договоре, так и в трудовом договоре. Однако, несмотря на то, в каком договоре (трудовом или самостоятельном) они прописаны, данные условия сохраняют гражданско-правовую природу. Составление самостоятельного договора, регулирующего правоотношения работника и работодателя в отношении служебного изобретения, или обращение на это внимания в трудовом договоре представляется необходимым, поскольку практика показывает недостаточную урегулированность таких правоотношений на уровне законодательства, требующего своего совершенствования.

Как отмечал В. Дозорцев, условия об изобретении могут быть предметом трудового или гражданско-правового договора, но право на получение патента всегда имеет гражданско-правовую природу [4, с. 294-303]. Защита интеллектуальных прав обеспечивается посредством ст. ст. 1248, 1252, п. 2 ст. 1370 ГК РФ.

Как отмечалось выше, в период создания служебного изобретения автор должен находиться в трудовых договорных отношениях с работодателем. Термины «работник» и «работодатель» являются ключевыми для определения субъектной стороны сферы действия правового режима служебных изобретений в отечественном праве (ст. 1370 ГК РФ), однако их значение раскрыто в ТК РФ, а не в ГК РФ. Помимо этого ТК РФ не распространяет своего действия на военнослужащих и аспирантов, следовательно, изобретения отдельных категорий авторов остаются без должного регулирования.

Согласно ст. 1370, 1349, 1350 ГК РФ, моментом создания служебного изобретения следует считать момент, когда результат интеллектуальной деятельности работника обретает следующие качества объекта интеллектуальной собственности: новизну, изобретательский уровень и промышленную применимость. При этом изобретение должно быть выражено в объективной форме. Пока изобретение существует только в голове изобретателя в виде идеи, ему не требуется правовая охрана, поскольку никто не может такой идеей воспользоваться.

В силу ст. 1370 ГК РФ автор обязан уведомить работодателя о созданном служебном изобретении, если его создание входило в его должностные обязанности в период работы. У работодателя возникает право на получение патента на указанное изобретение.

Как отмечал С. Крупко, момент создания изобретения не совпадает и всегда предшествует моменту возникновения исключительных прав на него и моменту, с которого начинается патентная охрана изобретения. Появление исключительных прав на изобретение обусловлено актом признания со стороны государства, в котором испрашивается правовая охрана [6, с. 18-20].

По мнению А. Пиленко, выдача патента — это конститутивная формальность. Пока не исполнена данная формальность, управомоченные стороны не могут добиться того, чтобы создание изобретения имело юридические последствия [9, с. 338].

И. Зенин отметил, что «самостоятельно созданное изобретение признается объектом патентного права не с момента его создания и выражения в объективной форме (описание, чертеж и т. п.), а лишь после выдачи патента» [5, с. 15].

Согласно п. 1 ст. 1363 ГК РФ, исключительные права на изобретения возникают со дня первоначальной заявки на выдачу патента в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности. Однако в соответствии с абзацем 2 п. 4 ст. 1370 ГК РФ работодатель вправе сохранить информацию о

служебном изобретении в тайне. Как следствие патент выдан не будет, но, как справедливо указал С. Крупко, такое решение работодателя следует квалифицировать как одностороннее безответное признание факта создания служебного изобретения. Таким образом, для правового режима служебных изобретений имеет значение только потенциальная патентоспособность служебного изобретения [6, с. 20].

Согласно абзаца 2 п. 2 ст. 8 Патентного закона РФ [8], работодатель в течение четырех месяцев с даты уведомления его работником о служебном изобретении может подать заявку на выдачу патента в соответствующий орган исполнительной власти. Если он в установленный срок не подает заявку на выдачу патента и не сообщает автору-работнику о сохранении служебного изобретения в режиме коммерческой тайны, то право на получение патента переходит автору-работнику (даже если автор-работник уволился к моменту истечения четырехмесячного срока).

Одним из способов защиты автора изобретения является право на получение фиксированного вознаграждения при использовании результата интеллектуальной деятельности. Закон предоставляет автору право требовать выплаты вознаграждения, но в ГК РФ не определен момент возникновения такого права и не закреплено то, в течение какого периода вознаграждение должно выплачиваться автору служебного изобретения.

Размер вознаграждения, условия и порядок его выплаты работодателем определяются договором между ним и работником, а в случае спора — судом. Правительство РФ вправе устанавливать минимальные ставки вознаграждения за служебные изобретения.

В настоящее время на территории РФ продолжают применяться некоторые положения советских нормативных актов. В частности, если организация получила патент на служебное изобретение, то минимальное вознаграждение изобретателю должно составлять 15 процентов прибыли, получаемой патентообладателем от его использования; если полезный эффект не выражается в прибыли, то вознаграждение автору не может составлять менее 2 процентов от доли себестоимости продукции (работ, услуг), приходящейся на данное изобретение. Кроме того, автору должно выплачиваться минимум 20 процентов выручки от продажи лицензии (ст. 32 Закона СССР от 31 мая 1991 года № 2213-1 «Об изобретениях в СССР» [7]). Однако в указанном Законе ничего не указано о вознаграждении соавторов, а именно, выплачивается вознаграждение в размере 15 процентов прибыли на всех соавторов или каждому. Аналогичная неясность возникает и по поводу выручки от продажи лицензии.

Следовательно, норма закрепляет обязанность работодателя выплатить вознаграждение, но механизм и сроки выполнения этой обязанности неизвестен. Как отметил Н. Буренков, представляется целесообразным принять Закон о служебных изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах, поскольку действующее законодательство не в должной мере регулирует взаимоотношения работника-автора служебного изобретения и работодателя [1, с. 108-113].

Таким образом, можно сделать вывод, что предварительные договоренности между работником и работодателем могут способствовать правовой определенности и снизить риск возникновения споров относительно вопросов уведомления о создании служебного изобретения и его патентовании, о выплате авторского вознаграждения.

Список литературы:

1. Буренков Н. Проблемы выплаты вознаграждений за служебные объекты интеллектуальной собственности // Хозяйство и право. — 2011. — № 6. — С. 108-113.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: офиц. текст. — Ч. 1-2-3 М.: ТК Велби, 2004. — 448 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: офиц. текст. М.: ТК Инфотропик Медиа, 2010. — Ч. 4 — 664 с.
4. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сборник статей / Исследовательский центр частного права. — М.: Статут, 2005, С. 294-303.
5. Зенин И. А. Истоки российской науки патентного права // вступительная статья к книге: Пиленко А.А. Право изобретателя. — М., 2001, С. 15.
6. Крупко С. Материально-правовые аспекты изобретений работников // Хозяйство и право. — 2011. — № 8. — С. 3-30.
7. Об изобретениях в СССР. Закон СССР от 31.05.1991 № 2213-1 [Электронный ресурс]. URL: <http://bazazakonov.ru/doc/?ID=1388412> (дата обращения: 30.11.2011).
8. Патентный закон Российской Федерации от 23.09.1992 N 3517-1 (ред. от 02.02.2006). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58232/ (дата обращения: 29.11.2011).
9. Пиленко А. А. Право изобретателя. — М., 2001, 688 с.
10. Судариков С. А. Право интеллектуальной собственности: учеб. — М.: Проспект, 2009. — 368 с.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 30 дек. 2001 г. — № 197. — М.: ТК Велби, 2004. — Т.17. — 192 с.

СОГЛАШЕНИЯ О ПРИДАНИИ НАТУРАЛЬНОМУ ОБЯЗАТЕЛЬСТВУ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ

Мертвищев Антон Васильевич

преподаватель УрГЮА, г. Екатеринбург

E-mail booksworm@mail.ru

Натуральными называют обязательства, не подлежащие исковой защите (принудительному осуществлению). К натуральным обязательствам современная российская доктрина относит обязательства с примененным сроком исковой давности, а также обязательства из игр и пари.

Натуральное обязательство возникает в случае реализации должником по обязательству права на заявление возражения (эксцепцию) о том, что требование кредитора не может быть принудительно осуществлено. Хотя это правило непосредственно закреплено только применительно к «задавненным» требованиям (п. 2 ст. 199 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], далее — ГК РФ), представляется, что объективные причины для применения иного подхода в отношении обязательств из игр и пари отсутствуют.

Действующим законодательством натуральные обязательства урегулированы достаточно фрагментарно, вместе с тем, проект изменений в Гражданский кодекс, подготовленный на основании Концепции развития гражданского законодательства [6], предполагает дополнение раздела III ГК РФ («Общая часть обязательственного права») статьей 308.3 «Натуральное обязательство» [3], в целях разрешения практических вопросов, существующих в данной сфере.

Одной из новелл, предлагаемых разработчиками проекта, является предложение предоставить участникам обязательства возможность заключить соглашение о придании натуральному обязательству принудительной силы.

Подобное правовое решение не является новым. Оно основывается на положениях Гражданского кодекса Нидерландов (ст. 5 кн. 6): «Натуральное обязательство переходит в обязательство, востребование которого в правовом порядке возможно, в результате договора между должником и кредитором» [1, с. 281].

С учетом того, что нормы, устанавливающие основания натуральных обязательств, являются императивными, а перечень *obligationes naturales*, соответственно, не может быть ни расширен, ни сокращен соглашением сторон, в качестве соглашения о придании натуральному обязательству принудительной силы следует

рассматривать отказ от осуществления должником права на заявление возражений о том, что обязательство является натуральным.

Однако возникает вопрос о допустимости подобных соглашений.

По своей юридической природе обещание не заявлять возражения является негативным обязательством. При этом, такое соглашение, безусловно, ограничивает право должника на защиту своего имущественного интереса (посредством заявления возражений на требования кредитора или путем подачи самостоятельного иска).

Если на момент заключения данного соглашения субъективное право на защиту у должника уже возникло (например, кредитором подан иск о взыскании), соглашением будет оформляться распорядительная сделка по отказу от осуществления этого права.

Таким образом, ответ на вопрос о допустимости заключения соглашения об отказе от осуществления права должника на заявление возражений о том, что обязательство натурально, в конечном итоге, зависит от того, возможен ли отказ от права на эксцепцию.

В соответствии с п. 2 ст. 9 ГК РФ [2] отказ от осуществления права не влечет его прекращения, за исключением случаев, предусмотренных законом. Это означает, что отказ должника от осуществления права на заявление возражений о натуральном характере обязательства не влечет утраты должником права на эксцепцию. Он его сохраняет, и соответствующие возражения, в случае их заявления, должны быть приняты судом. Соглашением, которым оформляется такой отказ, можно предусмотреть имущественные санкции за его нарушение, но не более того.

Если отказ от права на заявление возражений делается должником, когда субъективного права на защиту у него еще нет (кредитором не подан иск, не применены иные меры правового принуждения), то оно должно расцениваться как умаляющее правоспособность и, в соответствии с п. 2 ст. 22 ГК РФ [2] его вообще следует признавать недействительным.

Следовательно, *de lege lata* отказ от права заявлять возражения в случае принудительного осуществления своего права кредитором не лишает должника права на эксцепцию, а заключение соглашения об отказе не влечет желаемого для кредитора результата.

Однако вызывает сомнение справедливость существующего правового регулирования.

Признание обязательства натуральным, как и его исполнение, поставлено в зависимость от воли должника, и вряд ли имеются достаточные политико-правовые основания для того, что ограничить его в возможности признать право кредитора на получение

удовлетворения в принудительном порядке в зависимости от времени или формы такого признания.

Представляется не вполне логичным то, что должник при помощи одних юридически значимых действий (исполнение) или бездействия (незаявление в суде о том, что обязательство является натуральным) может способствовать восстановлению нарушенного права кредитора по натуральному обязательству, тогда как другие действия (заключение соглашения, односторонний отказ от права) не могут быть им осуществлены.

Возможность отказа от права на заявление возражений о том, что обязательство является натуральным, путем как молчаливого, так и «явно выраженного» отказа, предусмотрена французским законодательством, ст. 2221 Французского гражданского кодекса [7, с. 440]. Правило о допустимости отказа от наступившей давности содержалось в ст. 107 проекта Российского Гражданского уложения [4, с. 116].

С учетом изложенного, по мнению автора, включение аналогичной нормы в действующее законодательство было бы вполне разумным.

Поскольку натуральное обязательство не возникает без соответствующего волеизъявления должника, предоставление сторонам обязательства права на заключение указанных соглашений может показаться излишним.

Вместе с тем, такой договор может являться весьма существенной гарантией для кредитора, так как в данном случае, при заявлении должником возражения о том, что обязательство является натуральным, в рамках судебного разбирательства, эксцепция не подлежит принятию судом.

Заключение подобных соглашений может иметь практическое значение при урегулировании задолженности по обязательствам с сокращенными сроками исковой давности, когда кредитор согласен вступить в переговоры о реструктуризации долга, но не готов нести риски пропуска давности в случае, если достигнуть соглашения не удастся. Исходя из положений действующего законодательства, наиболее разумным для кредитора в описанной ситуации было бы обращение в суд и заключение мирового соглашения на стадии судебного разбирательства. Предоставление участникам оборота возможности заключения соглашения о том, что должник не вправе использовать эксцепцию о натуральном обязательстве, позволит минимизировать имеющиеся риски и достичь желаемого результата без обращения к суду.

Несмотря на то, что возмездность и взаимность соглашения об отказе от права на экцепцию вовсе не обязательны, оформление отказа именно в виде соглашения целесообразно, если такой отказ обусловлен принятием кредитором на себя встречной обязанности.

Поскольку заключение соглашения, предусматривающего отказ от возможности заявления возражений о том, что обязательство является натуральным, изменяет установленный законом баланс между сторонами в пользу кредитора, представляется целесообразным предложение разработчиков проекта изменений в Гражданский кодекс [3] ограничить круг лиц, имеющих возможность заключить соглашение о придании принудительной силы требованиям, связанным с нарушением натуральных обязательств, субъектами предпринимательской деятельности, имеющими, по крайней мере, гипотетически, равные переговорные возможности, а период, в течение которого может быть заключено такое соглашение, — моментом наступления срока исполнения обязательства, в целях исключения действия фактора сверхоптимизма [5, с. 65].

Соглашением о придании натуральному обязательству принудительной силы ограничивается конкретное лицо, а не сторона по обязательству. Это, в частности, означает, что при уступке натурального требования должник снова получает возможность реализовать свое право на защиту, поскольку соглашение не связывает его с новым кредитором (цессионарием). Аналогичная ситуация имеет место и при переводе долга.

Если отказ от права на экцепцию был оформлен односторонней сделкой, то приобретает значение мотив, которым руководствовался должник, распоряжаясь таким образом своим правом на защиту, необходимо установить, был отказ обусловлен его личными отношениями с кредитором или нет. Однако достоверно определить, какова была воля должника, может быть достаточно проблематично. В данном случае представляется целесообразным установить презумпцию того, что должник отказывается от права по отношению к любому кредитору. Такое решение, по мнению автора, оправданно с политико-правовой точки зрения, потому как, с точки зрения экономической эффективности, риск наступления неблагоприятных последствий должен возлагаться на того, кто способен устранить его с наименьшими издержками. Должнику для того, чтобы ограничить круг лиц, на которых будет распространяться его отказ от права на экцепцию, достаточно просто указать на это, тогда как при установлении обратной презумпции новый кредитор (наследник, цессионарий) не сможет доказать свою правоту.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Нидерландов. Кн. 2, 3, 5, 6 и 7 / Пер. М. Фершман. Отв. ред. Ф.Й.М. Фельдбрюгге. Лейден. 2000. —372 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Проект. [электронный ресурс] — http://privlaw.ru/index.php?section_id=100
4. Гражданское уложение. Проект. Под. ред. И.М. Тютрюмова. Сост. А. Л. Саатчиан. Т. 1. СПб. 1910. —1215 с.
5. Карапетов А. Г. Политико-правовой анализ проекта Концепции совершенствования общих положений обязательственного права в части регулирования института неустойки // Закон. 2009. № 5. — 304 с.
6. Концепция развития гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. —352 с.
7. Французский гражданский кодекс 1804 года / Пер. И. С. Перетерского. М. 1941. — 472 с.

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ ВНОСИМЫХ В ДОГОВОР АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Файзрахманов Карим Рафисович

*студент Казанского (Приволжского) Федерального Университета,
г. Казань*

E-mail: Fkr90@mail.ru

Хамидуллина Фарида Ильдаровна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права Казанского (Приволжского)
Федерального Университета, г. Казань*

Договор аренды, известный со времен римского права как разновидность имущественного найма, в современных экономических условиях не теряет своего значения, в виду того, что приобретение права собственности, особенно на недвижимое имущество, часто становится непреодолимым препятствием на пути развития малого и среднего предпринимательства. Вопросы, связанные с правовым регулированием арендных правоотношений, являются весьма острыми

в виду того, что в данном спектре общественных отношений объективно сталкиваются противоположные интересы определенных социальных групп. Нарушение баланса интересов приводит к появлению негативного социального напряжения, что в свою очередь обуславливает неэффективность правового регулирования. В римском праве в императорский период было установлено правило, согласно которому, если наниматель, не возвратив по окончании срока аренды вещь, доводил дело до суда, он присуждался не только к возвращению нанятой вещи, но и к уплате ее стоимости, то есть рассматривался как захватчик чужого владения (*invasor alinae possessionis*) [2].

Безусловно, что в настоящее время подобный радикальный, односторонний подход неприемлем, так как существенным образом нарушает интересы арендаторов.

Одной из форм защиты интересов арендатора является государственная регистрация договоров аренды, заключенных на срок не менее года. В вопросе о целях государственной регистрации до сих пор в литературе ведутся споры. По мнению автора, вполне справедливо согласиться с мнением исследователей [1], которые в качестве первой и главной цели существования системы государственной регистрации считают цель обеспечения защиты имущественных прав на недвижимость участников гражданского оборота. Таким образом, нормоположения п.2 ст. 651 Гражданского кодекса Российской Федерации [6] (далее ГК РФ) выполняют функцию защиты интересов арендатора в осуществлении им своих прав по владению и пользованию арендованным имуществом. Так при государственной регистрации договора аренды государство признает и подтверждает юридический факт возникновения прав арендатора на недвижимое имущество, тем самым, придавая особое публично-правовое значение возникшим отношениям.

Однако, равным образом государственная регистрация значима и для арендодателя. В последнее время, особенно в практике работы крупных девелоперов, специализирующихся в предоставлении недвижимого имущества в аренду и повышении эффективности его управления, встречаются случаи злоупотребления арендаторами своими правами. Недобросовестные арендаторы, пользуясь единичными пробелами в правовом регулировании арендных отношений, при возникновении спора регулярно ссылаются именно на отсутствие государственной регистрации договора либо дополнительных соглашений к договору аренды недвижимого имущества в обосновании его недействительности.

Судебно-арбитражная практика частично восполняет ряд пробелов, устраняет коллизии в правовом регулировании арендных отношений, однако охватить все аспекты в области данной сферы общественных отношений представляется достаточно затруднительным.

В практике рассмотрения судами арендных споров в ряде случаев у сторон возникают затруднения в разрешении вопроса о государственной регистрации изменений, касающихся размера арендной платы, вносимых в основной договор аренды недвижимого имущества. В п. 9 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 февраля 2001 г. N 59 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [3] выражена достаточно определенная позиция о том, что соглашение сторон об изменении арендной платы также подлежит обязательной государственной регистрации, поскольку является неотъемлемой частью договора аренды и изменяет содержание и условия обременения, порождаемого договором аренды

С указанной позицией трудно не согласиться. Однако в законодательстве не урегулирован вопрос о том, что входит в категорию арендной платы. Особую проблематику приобретает включение налога на добавленную стоимость (далее НДС) в составляющий элемент стоимости арендной платы.

Если НДС входит в стоимость арендной платы, то в случае замены с собственника арендуемого имущества неплательщика НДС на собственника — плательщика НДС, изменение стоимости договора аренды подлежит обязательной государственной регистрации. В подобной ситуации арендатор при предъявлении требований к нему нового собственника, вправе ссылаться на то обстоятельство, что НДС входит в стоимость арендной платы, соответственно требования Арендодателя в части увеличения арендной платы должны быть зарегистрированы.

Автор считает, что рассматриваемый спектр вопросов не имеет однозначного ответа, закрепленного в законодательстве. Согласно ч. 1 ст. 168 Налогового кодекса Российской Федерации [7] (далее НК РФ) при реализации товаров (работ, услуг), передаче имущественных прав налогоплательщик дополнительно к цене реализуемых товаров, передаваемых имущественных прав обязан предъявить к оплате покупателю этих товаров, имущественных прав соответствующую сумму налога. Более того, в соответствии со ст. 154 НК РФ налоговая база при реализации налогоплательщиком товаров (работ, услуг)

определяется как стоимость этих товаров, исчисленная исходя из цен, определяемых в соответствии со ст. 40 НК РФ, с учетом акцизов (для подакцизных товаров) и без включения в них налога. Таким образом, налоговое законодательство разделяет категории стоимости товара, которая устанавливается соглашением сторон, и суммы налога НДС, исчисляемого исходя из налоговой базы.

Гражданское законодательство в п. 1 ст. 424 ГК РФ в определении цены ограничивается тем, что она установлена соглашением сторон. В юридической практике стороны при заключении договора обычно указывают стоимость с учетом НДС и в этом случае арендатору не важно деление категории цены на реальную стоимость и стоимость с учетом НДС, гражданско-правовой обязанностью арендатора, согласно п.1 ст. 614 ГК РФ, является обязанность своевременно вносить плату за пользование имуществом.

Особо интересным, с точки зрения рассматриваемой проблематики, является Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 сентября 2009 г. N 5451/09 [4]. В указанном постановлении Президиум ВАС РФ указал, что следует различать два типа отношений: публично-правовые и гражданско-правовые, при заключении договора реализующая сторона является налогоплательщиком, следовательно, между бюджетом РФ и налогоплательщиком складываются отношения типа власти-подчинения. Покупатель участвует лишь в гражданско-правовых отношениях, следовательно, предъявляемая покупателю к оплате сумма налога на добавленную стоимость является для покупателя частью цены, подлежащей уплате в пользу продавца. При этом Президиум ВАС РФ указал, что выводы судов о публично-правовом характере обязанности покупателя перед продавцом по уплате суммы налога на добавленную стоимость в составе цены нельзя признать обоснованным.

С другой стороны, в Постановлении Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 23 июня 2011 г. N Ф06-4124/11 по делу N А65-19420/2010 [5] применительно к арендным отношениям судом был сделан вывод о том, что включение арендодателем в размер арендной платы суммы НДС является не увеличением арендной платы, а исполнением установленной законом обязанности по уплате налога. В мотивировочной части суд ссылается на нормоположения п. 3 ст. 2 ГК РФ и пункт 15 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.01.2000 N 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» [8] (далее Информационное письмо Президиума ВАС РФ №51).

В соответствии с п. 15 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 51 налог на добавленную стоимость взыскивается сверх цены работ, если он не был включен в расчет этой цены.

Если исходить из логики толкования, изложенного в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 сентября 2009 г. N 5451/09, то НДС не должен взыскиваться сверх цены товара (работы, услуги), так как приобретатель не вступает в публично-правовые отношения с государством. Цена, указанная в стоимости предмета договора, для приобретателя является «истиной последней инстанции». В подобной ситуации увеличение цены в договоре аренды недвижимого имущества подлежит обязательной государственной регистрации.

Таким образом, из приведенных выше позиций явствует двойственная позиция судов в определении содержания цены как условия договора. Автор полагает целесообразным выделять две составляющие цены товара (работы, услуги): «внутренняя цена» и «внешняя цена» товара (работы, услуги). Представляется, что позиция Президиума ВАС РФ выглядит не достаточно убедительной. Проблема в том, что подобное толкование не учитывает особенностей, предусмотренных главой 21 НК РФ, Президиум ВАС РФ исключает приобретателя товара (работы, услуги) из субъектов налоговых правоотношений, не учитывая, что приобретатель в ряде случаев исполняет обязанности налогового агента, тем самым, являясь фактически налогоплательщиком.

Так согласно п. 3 ст. 161 НК РФ при предоставлении на территории Российской Федерации органами государственной власти и управления, органами местного самоуправления и казенными учреждениями в аренду федерального имущества, имущества субъектов Российской Федерации и муниципального имущества налоговая база определяется как сумма арендной платы с учетом налога. При этом налоговая база определяется налоговым агентом отдельно по каждому арендованному объекту имущества. В этом случае налоговыми агентами признаются арендаторы указанного имущества. Указанные лица обязаны исчислить, удержать из доходов, уплачиваемых арендодателю, и уплатить в бюджет соответствующую сумму налога.

На основании изложенного, следует сделать вывод, что выделение в составе стоимости товара либо арендной платы двух категорий цен «внутренней» и «внешней» (с учетом НДС) имеет существенное юридическое значение. Арендатор, являющийся участником арендных отношений, находится в системе двух

правоотношений: публично-правовых и гражданско-правовых. Увеличение арендной платы на соответствующий размер налоговой ставки НДС является, по сути своей, не увеличением арендной платы, а изменением порядка уплаты НДС. Соответственно указанное увеличение не влияет на существенную составляющую арендной платы и не должно регистрироваться в органах, осуществляющих государственную регистрацию сделок с недвижимостью.

Список литературы:

1. Алексеев В.А. Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования. — М.: «Волтерс Клувер», 2007 г. — 504 с. — ISBN 978-5-466-00256-0.
2. Андреев И.А., Аюшеева И.З., Васильев А.С. [и др.]. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 (под общ. ред. С.А. Степанова). — М.: «Проспект»; Екатеринбург: «Институт частного права», 2011. — 712 с. — ISBN: 978-5-392-02015-7.
3. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 февраля 2001 г. N 59 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Специальное приложение Вестника ВАС РФ — 2003 — № 10.
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 сентября 2009 г. N 5451/09 // Вестник ВАС РФ — 2009 г. — N 12.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 23 июня 2011 г. N Ф06-4124/11 по делу N А65-19420/2010// Доступ из справ. — правовой системы «Гарант».
6. Российская Федерация. Законы. Гражданский Кодекс Российской Федерации [Текст]: [федер. закон РФ: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 220-ФЗ с изм. и доп.] // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
7. Российская Федерация. Законы. Налоговый Кодекс Российской Федерации [Текст]: [федер. закон РФ: часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ, часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ с изм. и доп.] // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.

КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Щербачева Любовь Владимировна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса,
Московский Университет МВД России, г. Москва
E-mail: dok2081@rambler.ru*

Концепции интеллектуальной собственности, которые мы относим к абстрактно-постулативным, отличаются тем, что в их основе лежат абстрактные положения (мысли), принятые в качестве постулатов, при этом такие исходные положения, видимо, кажутся авторам настолько очевидными, что они не приводят объективных доказательств в пользу их истинности.

Следует заметить, что по отношению к абстрактно-постулативному подходу (могут существовать множество альтернативных вариантов, например, формально-лингвистический, в котором значения понятий сложных словообразований постулируются на основе формального соединения лингвистических значений отдельных слов (этот вариант, применительно к интеллектуальной собственности, будет рассмотрен в следующем параграфе).

Существует и научный подход, в котором, в частности, например, в целях публичного и академического образования, тоже используются постулаты, но не абстрактные, а лишь такие, которые соответствуют системе научного знания, т.е. которые предполагают принципиальную возможность проверки наличия в объективной реальности тех объектов, которым соответствуют данные положения, с учетом заранее заданного диапазона точности измерений этого соответствия.

Абстрактно-постулативные концепции понимания интеллектуальной собственности появились в России в начале последнего десятилетия XX века. В журнале «Общественные науки и современность» были опубликованы три статьи, составляющие единый тематический блок, в которых предложены решения проблем, касающихся интеллектуальной собственности в связи с переходом России к рыночной экономике [6, с. 45]. Примечательно, что в сентябре того же года был принят пакет законов Российской Федерации об интеллектуальной собственности. Сопоставляя эти факты, а так же и то, что в период между двумя этими событиями подобных публикаций на данную тему не наблюдалось, можно предположить, что указанные работы служили своеобразным общим теоретическим базисом (или, по крайней мере, преобладающим

теоретическим фоном), на котором был создан названный пакет законов.

Таким образом, с позиции философского исследования интеллектуальной собственности правовые законы, которые приняты официальными органами власти и которые реально действуют в обществе, представляют собой одну из наиболее распространенных форм выражения общественного сознания, содержащего в себе признаки общественного договора между властью и населением страны [1, с. 332].

В формально-лингвистических концепциях понимание интеллектуальной собственности формируется исходя из значений отдельных слов, образующих термин «интеллектуальная собственность», при этом роль философии сводится к ее использованию в качестве источника (генератора) и метода (технологии) получения некоего глубинного смысла понятий «интеллектуальная» и «собственность», в отличие от так называемого «обыденного» (общепринятого) понимания значений данных терминов.

Более того, по мере исторического развития общества существует явно выраженная тенденция к увеличению количества толкований и значений. Объективной причиной этого процесса является расширение и углубление области научного и практического освоения окружающего мира.

Наряду с этим, в специальных областях науки и практики наблюдается тенденция к созданию однозначных терминов. В естественнонаучных энциклопедических словарях каждому термину, как правило, соответствует одно значение.

Принимая во внимание данные факты, представляется, что цель «наполнять новым содержанием уже имеющиеся и работающие понятия» в большей мере соответствует не сфере естественных и гуманитарных наук, в которых феномен интеллектуальной собственности имеет наиболее широкое распространение и практическое применение, а сфере лингвистического толкования абстрактных значений известных терминов, при этом действительно могут возникать проблемы, связанные с использованием относительно нового термина «интеллектуальная собственность».

Генеральный директор Российского агентства по патентам и товарным знакам А. Д. Корчагин счел необходимым дать разъяснения по вопросу, поставленному в самой простейшей форме: «Интеллектуальная собственность — что это такое?» Сам этот факт — существование данного вопроса, необходимость его разъяснения с позиции руководителя одного из государственных ведомств — может

служить косвенным свидетельством о наличии серьезных проблем, сокрытых под кажущейся простотой вопроса. Корчагин А. Д. дает ответ на поставленный им вопрос, что: «В отличие от собственности (категории вещного права) регулирующей отношения по поводу конкретных материальных объектов (здания, сооружения, станки, машины и т. п.), интеллектуальная собственность относится к сфере исключительных прав на нематериальные объекты — результаты целенаправленной творческой деятельности человека» [8, с. 39-41].

Главная мысль выделена самим автором — это отличие «собственности» и «интеллектуальной собственности» по критерию материальности-нематериальности объектов, по поводу которых осуществляется правовое регулирование отношений, при этом, определение «интеллектуальной собственности» через отношения по поводу нематериальных объектов принимается известным, являющимся как бы итогом предшествующего материала статьи. В самом деле, имеется еще один вариант изложения данной мысли: «В отличие от вещного права, оперирующего категориями, регулирующими отношения по поводу конкретных материальных объектов (вещей), интеллектуальная собственность, по существу, представляет собой исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, т.е. нематериальные объекты, которые могут воплощаться в материальных вещах». Чтобы более четко понять смысл, который А. Д. Корчагин вкладывает в термин «интеллектуальная собственность», попытаемся выяснить, что может представлять собой опорный элемент данного понятия — «нематериальные объекты» [8, с. 39-41].

К сожалению, в статье не дано определения «нематериального объекта» — остается предположить, что его значение должно определяться в соответствии с общепринятыми значениями слов, образующих это словосочетание.

В 2008 году В. Ф. Анурин указал следующее: «Дело в том, что объектом интеллектуальной собственности выступает не столько материальное воплощение, сколько знание, информация и право на преимущественное использование этого знания» [2, с. 45-49]. В данном случае при определении объекта интеллектуальной собственности наряду со знанием, информацией, т. е. нематериальным, упоминается и материальное. Взаимосвязь того и другого раскрывается следующим образом: «Невозможно считать относящейся к интеллектуальной собственности информацию, существующую в виде просто идей решения каких-то проблем. Это должна быть информация, запечатленная на внешних материальных носителях

(в виде рукописей, чертежей, макетов, магнитных и видеозаписей, компьютерных дискет и т. д.), на которых зафиксирована формулировка идей в завершенной вербальной либо иной знаково-символической форме, а также воплощено их техническое исполнение».

Обобщив эти две позиции, можно получить следующую формулировку: «интеллектуальная собственность, по существу, представляет собой исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, т.е. нематериальные объекты, которые могут воплощаться в материальных вещах», с той лишь поправкой, что слова «могут воплощаться», должны быть заменены категоричным термином «воплощены».

Поскольку данную поправку нельзя считать определяющей существа понимания интеллектуальной собственности, сравниваемые подходы можно признать гносеологически тождественными, т.е. имеющими одинаковые или равноценные основания для определения их истинности или ложности.

Н. К. Оконская в 2008 году пришла к выводу: «Единство создаваемой в труде ценности и развития рабочей (интеллектуальной) силы как ее носителя и составляет интеллектуальную собственность» [10, с. 200].

Учитывая, что «ценности» понимаются «как вещно зафиксированные человеческие способности», то можно «расшифровать» выделенный текст следующим образом: в вещах зафиксировано нечто такое, что имеет отношение к «рабочей (интеллектуальной) силе»; очевидно, в данном случае, вещь сама по себе не может являться интеллектуальной собственностью без этого нечто; тогда интеллектуальную собственность как раз и будет составлять «единство» материального объекта или вещи и того самого нечто, имеющего отношение к «рабочей (интеллектуальной) силе», надо полагать, нематериального. По сути дела, и в данном случае, хотя это и изложено в завуалированной форме, речь идет о «нематериальных объектах», которые воплощены в материальных вещах.

Захарова Л. Н., специализирующаяся в вопросах социально-философского осмысления собственности, в одной из своих работ указывает, что: «В обществе «третьей волны» нам все еще нужна и земля, и продукты производства, но основным видом собственности становится информация, что представляет революционный сдвиг, поскольку это первая форма собственности, которая является нематериальной, неосязаемой и потенциально бесконечной» [5, с. 136].

Несложно заметить, что и в данном случае представлен вариант тождественный знакомому нам подходу.

А. М. Орехов в статье «Интеллектуальная собственность в экономическом измерении» утверждает: «Интеллектуальная собственность — это владение знанием, точнее, некоей суммой, количеством знания». «Еще раз подчеркнем: интеллектуальная собственность — это обладание всяким знанием» [11, с. 13-18].

Министерство общего и профессионального образования в 1996 г. выпустило Справочно-методические материалы, в которых, в частности, было отражено следующее: «Таким образом, интеллектуальная собственность — это гражданские права, установленные в отношении результатов интеллектуальной, творческой деятельности (изобретений, программ для ЭВМ, промышленного дизайна и т. д.), а также «средств индивидуализации» (товарных знаков и т. п.) [9]. Отличительной особенностью таких прав является то, что объекты, в отношении которых они возникают, не имеют материального характера».

В некоторых работах не акцентируется внимание на смысловом значении интеллектуальной собственности, но, при этом подразумевается, что ее объектом являются «нематериальные объекты»: знания или информация.

Учитывая это, реализация нематериального подхода к пониманию «интеллектуальной собственности», по знакомому нам определению последней, должна состоять в том, что перечисленные виды объектов (изобретения, полезные модели и промышленные образцы) должны рассматриваться как «нематериальные объекты».

Однако, если в отношении «изобретения» несложно допустить вариант его понимания как «нематериального объекта», то в отношении «полезной модели» или «промышленного образца», такой подход вовсе не очевиден, а, напротив, вызывает сомнения: модель, образец представляются, прежде всего, как вещи, как материальное.

Мало кто из юристов, интересующихся проблемами интеллектуальной собственности, сомневается в том, что в России пока еще нет единой концепции борьбы с нарушениями прав в сфере интеллектуальной собственности. Отсутствие такой концепции, а также несовершенство законодательства порождают высокий уровень пиратства. Категория «интеллектуальная собственность» используется в законодательстве давно, но окончательно она была узаконена в ст. 44 Конституции РФ [7] с одновременным признанием необходимости ее охраны: интеллектуальная собственность охраняется законом. Статья 138 ГК РФ, регулирующая интеллектуальную собственность, также не

раскрывает понятия интеллектуальной собственности, трактуя интеллектуальную собственность в самом обобщенном виде [3].

Список литературы:

1. Аблеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. — М.: ВЛАДОС, 2004.
2. Анурин В. Ф. Интеллектуальная собственность: социологические аспекты. // I Международная Нижегородская ярмарка идей. XXVI академический симпозиум «Интеллектуальная собственность в информационном обществе». Тезисы докладов. — Н. Новгород, 2008 г. — С. 45-49.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть I): кодекс от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 18 июля 2009 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации 1-4 части (с учетом изменений, внесенных по состоянию на 05.04.2011 г.) — М. Гарант, 2011.
5. Захарова Л. Н. Собственность как ценность и ценность собственности: Монография. — Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2007. — С. 136
6. Кейзеров Н. А. журнал «Общественные науки и современность» № 4 1992. — С. 45—58.
7. Конституция Российской Федерации — М. : Омега-Л, 2011.
8. Корчагин А. Д. Интеллектуальная собственность — что это такое? // Справочник. Инженерный журнал. — 2008. — № 2. — С. 39-41.
9. Министерство общего и профессионального образования РФ. Серия «Инновационная деятельность» № 9 Справочно-методические материалы. — С. —Петербург. 2006 г.
10. Оконская Н. К. Интеллектуальная собственность: социально-философское обоснование. — Пермь: Перм. гос.техн. ун-т. 2008. — С. 200.
11. Орехов А. М. Интеллектуальная собственность в экономическом измерении. // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2005. — № 2. — С. 13—18.

СЕКЦИЯ 5

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ СУДА, СВЯЗАННЫХ С ВЫСЕЛЕНИЕМ ГРАЖДАН ИЗ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ПО ДОГОВОРАМ СОЦИАЛЬНОГО НАЙМА, С ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ ИНОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Глухова Мария Николаевна

*ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная
юридическая академия», преподаватель, г. Саратов
E-mail: vafanasieva@sgap.ru*

Споры о выселении из жилого помещения представляют собой одну из наиболее социально значимых категорий дел, вытекающих из жилищных правоотношений, рассматриваемых судами общей юрисдикции. Эти споры, как правило, отличает острая конфликтность и сложность не только с правовой, но и с психологической точки зрения. Ситуация обостряется тем, что решения по делам о выселении нередко оказываются неисполнимыми вследствие отсутствия норм, регулирующих порядок принудительного исполнения. Особенно актуально указанная проблема, на взгляд автора, стоит применительно к процедуре исполнения решений о выселении граждан из помещений, предоставленных по договору социального найма, с предоставлением иного помещения, в том числе благоустроенного.

Обозначенный порядок выселения реализуется при наличии оснований, предусмотренных статьями 85, 90 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) (дом подлежит сносу, находится в непригодном для проживания состоянии и т. д.) [3]. В одних случаях применение указанного порядка является санкцией за совершенное правонарушение (неуплата нанимателем и членами его семьи квартплаты и коммунальных платежей более шести месяцев подряд), в других — мерой государственной или общественной необходимости, в третьих — мерой охраны интересов граждан, нуждающихся в повышенной социальной защите [7, с. 181-182].

Важнейшей характеристикой рассматриваемой категории дел является ярко выраженный двусторонний характер обязательств, которые возникают у сторон в результате вынесения судебного решения. С одной

стороны, ответчик обязан выселиться, а, с другой, истец (собственник государственного (муниципального) жилищного фонда либо управомоченное им лицо) обязан предоставить ответчику жилое помещение. Если выселение происходит по основаниям, предусмотренным статьями 86-89 ЖК РФ, предоставляемое иное помещение должно быть благоустроенным применительно к условиям соответствующего населенного пункта, равнозначным по общей площади, ранее занимаемому жилому помещению, отвечать установленным требованиям и находиться в черте данного населенного пункта. Если наниматель и проживающие совместно с ним члены его семьи до выселения занимали квартиру или не менее чем две комнаты, наниматель соответственно имеет право на получение квартиры или на получение жилого помещения, состоящего из того же числа комнат, в коммунальной квартире. В случаях, когда выселение происходит на основании нарушения нанимателем и проживающих совместно с ним членами его семьи обязанности вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги в течение более шести месяцев без уважительных причин, предоставляемое иное помещение должно отвечать лишь требованиям размера жилого помещения, установленного для вселения граждан в общежитие [3].

На данное обстоятельство обратил внимание Верховный Суд РФ в п. 36 Постановления Пленума от 2 июля 2009 г. № 14. При принятии искового заявления о выселении граждан из жилого помещения, занимаемого ими по договору социального найма, с предоставлением другого благоустроенного жилого помещения (ст. 85 ЖК РФ) или другого жилого помещения (ст. 90 ЖК РФ) по договору социального найма судья должен проверить, указано ли в заявлении конкретное и свободное от прав других лиц жилое помещение, в которое могут быть выселены граждане. При отсутствии такого указания судья в соответствии со ст. 136 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) выносит определение об оставлении заявления без движения [4]. При удовлетворении судом иска о выселении гражданина из жилого помещения по основаниям, предусмотренным ст. 85, 90 ЖК РФ, в резолютивной части решения суда должно быть указано конкретное жилое помещение, предоставляемое по договору социального найма выселяемому гражданину.

Что касается исполнения решения в части выселения должника, то регулирование данного вопроса хоть и в усеченном варианте, но все-таки нашло отражение в ст. 108 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [6]. К сожалению, гарантия, связанная с предоставлением выселяемому гражданину иного жилого помещения, не находит подкрепления с точки зрения норм указанного закона. Данный пробел в законодательстве нередко приводит к утрате такого важного свойства судебного решения, как исполнимость.

Представляется, что, с одной стороны, исполнительное производство в части предоставления выселяемому лицу иного помещения должно осуществляться в соответствии с общими правилами, закрепленным в ст. 30 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Обязанному лицу (собственнику жилого помещения) предоставляется возможность добровольного исполнения требования исполнительного документа о предоставлении иного жилого помещения, а в случае его неисполнения без уважительных причин, судебный пристав в соответствии со ст. 107 Закона выносит постановление о взыскании с указанного лица исполнительского сбора, устанавливает новый срок для предоставления иного помещения выселяемому лицу и предупреждает собственника помещения, что по истечении обозначенного срока принудительное вселение в помещение, указанное в решении суда, будет производиться без дополнительного его извещения [6].

С другой стороны, законодательство об исполнительном производстве, на взгляд автора, нуждается во включении в него норм, регулирующих непосредственно особенности исполнения судебного решения в части предоставления собственником государственного (муниципального) жилого фонда иного помещения должнику. В частности, необходимо указать, что иное помещение должно быть предоставлено взыскателем немедленно после выселения должника из занимаемого им помещения. Кроме того, целесообразным представляется привлечение взыскателя к участию в процедуре вселения в данное помещение. В ходе процедуры вселения следует составлять соответствующий акт, который необходимо подписать как должнику, так и взыскателю во избежание дальнейших споров относительно факта предоставления помещения. При указанной процедуре должны присутствовать понятые, которые также подписывают указанный акт. При невозможности должником самостоятельно переехать в предоставляемое жилое помещение, пристав-исполнителя необходимо обязать оказать содействие в переезде, с возложением расходов на должника.

На этапе вселения должника в предоставляемое жилое помещение также может возникнуть проблема, связанная с его порчей вследствие форс-мажорных обстоятельств (пожар, затопление и т.п.), что влечет невозможность исполнения решения суда в полной мере. Обращаться за разъяснением судебного акта не имеет смысла, так как, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ N 23 от 19 декабря 2003 г. «О судебном решении», под разъяснением следует понимать изложение судебного решения в более полной и ясной форме, не допускающее, хотя бы частично, изменение его существа [5]. В данном случае предполагается, что должнику должно быть предоставлено другое жилое помещение, нежели указанное в решении суда и пришедшее в негодность. Здесь становится наиболее актуальным участие взыскателя в процедуре

выселения, как субъекта являющегося стороной по новому договору социального найма и соответственно несущего ответственность, за его исполнение, обладающее полномочиями по предоставлению должнику жилого помещения маневренного фонда, предназначенного на основании ч. 3 ст. 95 ЖК РФ для временного проживания граждан у которых единственные жилые помещения стали непригодными для проживания в результате чрезвычайных обстоятельств.

Наконец, важно разрешить вопрос о моменте окончания исполнительного производства. Д.Х. Валеев полагает, что под окончанием исполнительного производства следует понимать процессуальное действие, совершаемое судебным приставом-исполнителем или судом, которое означает фактическое исполнение исполнительного документа, или случаи, когда исполнительные действия не производятся [1, с. 319]. Исходя из данного определения, а также содержания статей 86-88, 90 ЖК РФ, можно сделать вывод о том, что в части предоставления должнику иного жилого помещения исполнительное производство будет считаться оконченным с момента заключения между взыскателем и должником договора социального найма на помещение, предоставляемое взамен того, из которого должник был выселен, либо регистрации должника по новому месту жительства и предоставления приставу-исполнителю документов, подтверждающих указанные обстоятельства.

Список литературы:

1. Валеев Д. Х. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» (с постановочными материалами). М., 2011.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // «Российская газета» от 20 ноября 2002 г. N 220,
3. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1, ч. 1, ст. 14.
4. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 9.
5. О судебном решении: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. N 23 // «Российская газета» от 26 декабря 2003 г. N 260
6. Об исполнительном производстве: федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 30, ст. 3591.
7. Толстой Ю.К. Жилищное право: учебник, — 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

СЕКЦИЯ 6

СТРАХОВОЕ, МЕДИЦИНСКОЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И НОТАРИАТ

О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ НОТАРИАТА В РОССИИ

Щербакова Лилия Геннадиевна

*канд. юрид. наук, ст. преподаватель, ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства Юстиции Российской Федерации»
Поволжский юридический Институт (Филиал), г. Саратов
E-mail: stcherbakova@bk.ru*

Вопросы реформирования института нотариата на сегодняшний день весьма актуальны и вызывают многочисленные дискуссии, а законодательное регулирование организации нотариата и нотариальной деятельности в России нуждаются в совершенствовании.

Основы законодательства о нотариате (далее — Основы) [4], по которым действует сейчас нотариат, были приняты в 1993 г. на фоне формирующихся новых экономических отношений. К сожалению, за последующие восемнадцать лет Основы не корректировались последовательно и концептуально, что привело к значительному отрыву этого нормативно-правового акта от реалий современной правовой действительности. Тем не менее, Основы до сих пор являются конститутивной базой для деятельности и существования нотариата, т. к. заложили фундамент латинского нотариата и впервые узаконили деятельность нотариусов, занимающихся частной практикой. Один этот факт свидетельствует о революционных достижениях Основ.

Первая попытка по изменению Основ была предпринята в апреле 1996 г. [5]. Однако после девятилетнего «рассмотрения» в 2005 году выдвинутый законопроект был снят Советом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Несмотря на сколь продолжительную, столь и неудачную попытку изменить действующий закон, следует признать аксиому о необходимости его совершенствования. Вместе с тем вопрос о кардинальности изменений не выглядит предрешенным в пользу совершенно нового закона, на

чем настаивает концепция законопроекта «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» (далее — законопроект) [2].

Попытаемся проанализировать заслуживающие безусловного уважения концептуальные цели предлагаемого законопроекта, к которым отнесены следующие.

1. Публично-правовой характер нотариальной деятельности обуславливает необходимость законодательного закрепления особого порядка приобретения и прекращения статуса нотариуса.

В новом законе предусмотрен возрастной ценз. Нотариусом может стать человек в возрасте не менее 30 лет и закончить нотариальную деятельность в 70 лет. В действующем законодательстве этого ценза нет. Ни в одном цивилизованном государстве человек не может стать нотариусом сразу после студенческой скамьи, потому что здесь важен не только профессиональный опыт, профессиональные знания, но еще и жизненный опыт. К 30 годам это вполне сформировавшийся человек.

2. Законопроектом предлагается сохранить право совершать отдельные виды нотариальных действий за уполномоченными должностными лицами местного самоуправления в случае отсутствия в поселении нотариуса и уполномоченными должностными лицами консульских учреждений на территории других государств; а также предоставить право совершать нотариальные действия за пределами Российской Федерации должностным лицам дипломатических представительств Российской Федерации.

В то же время законопроектом предлагается установить требования к указанным должностным лицам о наличии образования, стажа работы, прохождении соответствующей подготовки, предусмотреть контрольные функции Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства иностранных дел Российской Федерации за совершением ими нотариальных действий.

Предлагается также предусмотреть ведение реестров лиц, наделенных правом совершать нотариальные действия, возложив обязанность по ведению реестра нотариусов и должностных лиц местного самоуправления на территориальные органы Министерства юстиции Российской Федерации.

Законопроектом будет предусмотрено, что его действие не распространяется на правоотношения, возникающие в ходе совершения действий, приравненных к нотариальным, виды которых определяются иными федеральными законами.

3. В законе предусматривается предание публичности нотариальному акту доказательственной силы. Из этого следует, что судом документ должен быть принят без дополнительных доказательственных фактов, аргументов. Если только этот нотариальный акт или факты, изложенные в нем, не будут оспариваться каким-то иском заявлением по другому возбужденному делу. Представляется это правильным: это, с одной стороны, избавит суды от необходимости доказывания этих документов и упростит им работу. С другой стороны, облегчит судьбу нотариуса, который по каждому факту, иногда совершенно ненужному, должен ходить в суд. В-третьих, это значительно облегчит в целом систему судебных разбирательств [1].

4. В законе предполагается расширить компетенцию нотариуса, вывести нотариат из представлений бюрократически удостоверяющего характера на уровень правовой фигуры, которая могла бы комплексно оказывать населению, гражданам, представителям юридических лиц правовую помощь на достаточно высоком, качественном уровне. Имеется в виду, например, при регистрации юридических лиц нотариус мог бы принимать участие в первом собрании учредителей; свидетельствовать все те основные моменты, которые лягут в основу деятельности юридического лица; мог бы сформировать пакет документов, подать заявление в налоговую службу о регистрации этого юридического лица. Думается, что это от части, позволит уйти от случайных, некомпетентных лиц и избавит сферу юридических лиц от фальсификаций, от использования потерянных паспортов, подставных лиц и т. д.

В России порядка 80% юридических лиц образованы по фальсифицированным документам или подставным людям и т. д. От этого страдает не только экономика, но страдают и граждане. Думается, что нотариус мог бы решить это проблему. Налоговые органы утверждают, что с момента введения нотариуса в сферу корпоративных правоотношений значительно снизился уровень подделок при подаче документов на регистрацию. Если бы нотариус с момента образования юридического лица принимал участие, тогда бы мы могли избавиться от проблемы, которая сегодня «кошмарит» общество.

Такая же ситуация и в сфере сделок с недвижимым имуществом. Сегодня в удостоверении сделки принимает участие несколько участников. Риэлтор, который подбирает покупателю продавца или продавцу покупателя, нотариус, случайное лицо, которому доверяется зарегистрировать право собственности, всевозможные расчетные узлы,

ячейки, где хранятся деньги покупателя для передачи продавцу и т. д. Предоставляется это право, когда продавец нашел покупателя или покупатель продавца, в этом ему может помогать риэлтор, но они приходят к нотариусу и говорят о своих намерениях. Тогда нотариус вступает в дело, и у него есть право проверить все документы, которые сегодня подтверждают наличие этого объекта продавцу, его характеристики, его качество и т. д. Далее нотариус сам удостоверяет сделку, сам несет на регистрацию право, сам принимает от покупателя деньги на депозитный счет, открытый у нотариуса в банке. Сам следит за расчетом между сторонами за продаваемый объект, и только после этого выдает сам свидетельство о праве собственности новому приобретателю. В итоге нотариус становится, как бы, проводником от начала и до конца этой сделки [1].

5. Закон определяет правила совершения нотариальных действий, порядка и размеров их оплаты. Перечисленные цели поставлены и разрешены в действующих Основах. Более детальная регламентации правил и порядка совершения нотариальных действий (ст. 39 Основ) — это одна из самых злободневных задач, решение которой Основы отнесли к компетенции Министерства юстиции РФ. Необходимо разработать и утвердить нормативно-правовые акты в соответствующих закону и потребностям форме и объемах. Очевидно, что нет острой необходимости на уровне закона описывать алгоритм, например, свидетельствования верности копий документов и выписок из них. Вместе с тем следует согласиться с мнением авторов концепции об определении размеров оплаты нотариальных действий. Ибо существующая ст. 22.1 Основ («Размеры нотариального тарифа») и соответствующие нормы Налогового кодекса РФ (ст. 333.25 НК РФ) [3] не дают однозначного ответа на многие вопросы, что порождает споры в судах. Одним из примеров таких споров может служить вопрос о размере взыскиваемой нотариусом государственной пошлины при обращении за удостоверением согласия супруга, предусмотренного п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ [6].

6. Вопрос ответственности нотариуса практически не прописан в Основах. Существует принятый самими нотариусами Кодекс профессиональной чести. Когда же нотариус обжалует, вынесенное ему порицание, выговор или другое наказание, суды зачастую не признают этот профессиональный Кодекс, как нормативно-правовой документ. Закон предполагает, что такой профессиональный Кодекс будет обязательным для исполнения каждым нотариусом.

Так же, по законопроекту предусматривается увеличение страхования имущественной ответственности нотариуса. Если

нотариус допустил ошибку, то он возмещает по решению суда ущерб, причиненный в результате этой ошибки. Все это обеспечивает гарантию сторонам в сделке, чистоту тех правоотношений, которые по ней совершены.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: основной задачей нотариата, было, есть и будет обеспечение правовой защиты участников гражданского оборота. При разработки концепции развития нотариата основной целью не должно быть обновления действующего закона, ибо есть много примеров получения противоположного эффекта вместо ожидаемого. Сегодня нотариат справедливо признается институтом превентивного правосудия. Именно поэтому при решении всех спорных вопросов как правового, так и организационного характера необходимо помнить в первую очередь о соблюдении прав и интересов тех лиц, ради которых создан и существует нотариат, т. е. российских граждан.

Список литературы:

1. Интернет-конференция «Реформа нотариата России: новые тенденции и подходы» // Доступ из справочной правовой системы «ГРАНТ».
2. Концепция проекта федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации». URL: <http://www.legis.ru/misc/news/15021/>.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 5 августа 2000 № 117-ФЗ (с изм. и доп) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (с изм. и доп.) // Российской газете. 1993. 13 мар.
5. Паспорт проекта Федерального закона № 96700078-2 «Об изменении Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16.

СЕКЦИЯ 7

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

ЛИЧНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ СНГ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Вечканова Наталья Валерьевна

*соискатель Российской Академии правосудия, г. Южно-Сахалинск
E-mail: nosovanata@newmail.ru*

Образование в результате распада Союза ССР независимых и суверенных государств, объединившихся в межгосударственное объединение — Содружество Независимых Государств, связано с выработкой и принятием в середине 90-х новых конституций, которые отвечают их новому международно-правовому статусу. Права и свободы закрепляются в национальных конституциях большинства государств на основе важнейших международно-правовых актов, как универсального характера, так и регионального уровня. В тоже время национально-государственные модификации прав человека дифференцированы в максимальной степени, поскольку испытывают на себе влияние национальных правовых систем, культурно-исторического наследия, традиций и т. д.

Конституционное закрепление личных прав и свобод человека имеет существенное значение для понимания современного общества, государства и права и заслуживает особого внимания.

По мнению М. В. Баглая, характерной особенностью группы личных прав и свобод для стран СНГ является то, что обладание этими правами непосредственно не зависит от принадлежности человека к гражданству государства [3, с. 680]. Группа личных прав включает в себя наиболее важные права и свободы, неотчуждаемые и принадлежащие каждому человеку от рождения.

Основным личным правом человека, закрепленным в конституциях всех стран — участниц СНГ, является право на жизнь. Закрепляя это право в своих конституциях, государства-участницы СНГ возлагают на себя определенные обязанности в отношении сохранения жизни человека.

На взгляд Р. А. Стефанчука, принципиальным моментом конституций стран СНГ является конституционное запрещение

произвольного лишения человека жизни (ст. ст. 27 Конституции Азербайджана, ст. 17 Конституции Армении, ст. 24 Конституции Беларуси, ст. 15 Конституции Казахстана, ст. 24 Конституции Молдовы, ст. 20 Конституции Российской Федерации, ст. 27 Конституции Украины и др.) [7]. Данное положение соответствует общеевропейскому подходу, в соответствии с которым никто не может быть намеренно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого судом предусмотрено такое наказание (ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) [2, с. 564].

Право на свободу, личную неприкосновенность и достоинство получило закрепление во всех конституциях рассматриваемого региона. Например, в п.1 ст. 25 Конституции Молдовы определяет, что право на свободу и личную неприкосновенность нерушимо [5], а в ст. 16 Конституции Республики Армения закрепляется, что каждый имеет право на личную свободу и неприкосновенность. Человек может быть лишен свободы в случаях и порядке, установленных законом [4].

Со свободой и личной неприкосновенностью тесно связаны неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища и другие личные права. Право на неприкосновенность жилища также закреплено в конституциях всех государств СНГ. Все конституции содержат норму, запрещающую проникать против воли человека в его жилище, за исключением предусмотренных законом случаев. Конституция Республики Молдова запрещает проникать не только в жилище человека без его согласия, но и в место пребывания лица. Так, в п. 1 ст. 29 Конституции Республики Молдова определяется, что жилище и место пребывания неприкосновенны. Никто не может проникать или находиться в жилище или месте пребывания лица без его согласия [5]. Вместе с тем, п. 2 этой же статьи содержит случаи отступления от данного права.

В конституционных текстах государств Содружества право на неприкосновенность частной жизни закрепляется одновременно с гарантиями охраны тех сторон личной жизни человека, которые он не желает делать достоянием других. Так, ст. 27 Конституции Республики Узбекистан определяет, что каждый имеет право на защиту от посягательств на его честь и достоинство, вмешательства в его частную жизнь, на неприкосновенность его жилища. Никто не вправе войти в жилище, производить обыск или осмотр, нарушать тайну переписки и телефонных разговоров иначе как в случае и порядке, предусмотренных законом [6].

Неприкосновенность частной жизни включает также право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфные и иных сообщений. Формулировки при закреплении данного личного права в

конституциях государств рассматриваемого региона примерно одинаковы. Ограничения этого право допускается только на основании закона и при наличии судебного решения.

Свобода передвижения в общем виде закреплена в ст. 13 Всеобщей Декларации прав человека: «Каждый имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства. Каждый имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну» [1, с. 6]. Большинство государств рассматриваемого региона эта норма включена в тексты действующих конституций в аналогичной позитивной форме.

Право на доступ к информации по-разному закрепляется в правовых актах. Например, в международных документах данное право не упоминалось до 2000 г., закреплялось только право на информацию в составе свободы мнений и убеждений. Конституции государств Содружества гарантируют данное право запретом сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни человека без его согласия, а также закрепляют право свободно получать, искать и распространять информацию.

Все рассматриваемые государства конституционно признают свободу совести и вероисповедания. Однако формулировки соответствующих статей о свободе совести в значительной степени разнятся. Так, например, ст. 26 Конституции Армении устанавливает, что каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу выбора религии или убеждений и свободу их проповеди, выражения посредством церковных церемоний и иных культовых обрядов как индивидуально, так и совместно с другими лицами. Выражение этого права может быть ограничено только законом, если это необходимо для защиты общественной безопасности, здоровья, нравственности общества или прав и свобод иных лиц [4]. Конституция Республики Узбекистан в ст. 31 устанавливает, что свобода совести гарантируется для всех. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Недопустимо принудительное насаждение религиозных взглядов [6].

Таким образом, необходимо отметить следующее:

Международно-правовые стандарты в области прав человека устанавливают перечень основных прав и свобод, являющихся обязательными для всех государств-участников, а также определяют содержание каждого права и каждой свободы, которые в дальнейшем на основе этого конкретизируются в других международных или внутригосударственных (национальных) нормативных актах. Кроме этого, стандарты закрепляют круг обязательств государств по признанию, обеспечению и защите соответствующих прав и свобод человека, формируют механизм пользования правами и свободами.

Закрепление в международно-правовых актах личных права и свободы человека — это закрепление нормативного минимума, индивидуализирующего личность и гарантирующего индивидуальную свободу и безопасность.

Внутреннее конституционное законодательство государств СНГ включает тот объем личных прав и свобод, который соответствует международно-правовым стандартам и принятым на себя государством обязательствам перед международным сообществом. Кроме этого, каждое государство вправе самостоятельно определять средства имплементации международно-правовых стандартов, устанавливать в национальном законодательстве более широкий перечень личных прав и свобод человека, а также расширять гарантии их реализации с учетом особенностей развития собственной правовой системы, культурных и исторических традиций.

Таким образом, закрепляемые в конституциях государств СНГ личные права и свободы не представляют собой исчерпывающего перечня, поскольку развитие общества влечет за собой расширение перечня прав и свобод человека, и конституции различных государств могут закреплять какие-либо иные, не упомянутые в данной статье права и свободы человека с учетом региональной и исторической специфики.

Список литературы:

1. Всеобщая Декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. — М.: Приор, 2003. — 10 с.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года // Международные акты о правах человека: Сборник документов / Сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М.: Норма-Инфра-М, 2002. — 911 с.
3. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. — М.: НОРМА, 2000. — 832 с.
4. Конституция Республики Армения // Официальный сайт Конституционного Суда Армении [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.concourt.am/russian/constitutions/index.htm>
5. Конституция Республики Молдова // Официальный сайт Президента республики Молдова [Электронный ресурс]- Режим доступа. — URL: <http://www.president.md/const.php?page=8200&lang=rus#8200>
6. Конституция Республики Узбекистан // Центр правовой информации при министерстве юстиции Республики Узбекистан [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://lex.uz/guest/irs_html.winlav?pid=35869
7. Стефанчук Р. А. Возвращаясь к вопросу о легализации эвтаназии в странах СНГ: pro et contra // Право и политика. — 2005. — № 7.

СЕКЦИЯ 8

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА И КОМПЕТЕНТНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Кирьянов Артем Юрьевич

*канд. юрид. наук., член-корреспондент РАЕН
исполнительный директор Автономной некоммерческой организации
«Центр развития местного самоуправления», г. Москва*

E-mail: akiryarov@mail.ru

Федеральный закон от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [12] в статье 4 устанавливает основные принципы муниципальной службы. Под принципами муниципальной службы понимают закрепляемые в Конституции РФ и федеральных законах и обусловленные природой местного самоуправления основополагающие идеи и правила, которые предопределяют актуальное содержание муниципальной службы и перспективы ее правового регулирования [11].

Одним из основных принципов, указанных в законе, является принцип профессионализма и компетентности муниципальных служащих.

Принцип профессионализма и компетентности муниципальных служащих отражает сущность муниципальной службы. Пункт 1 ст. 2 Закона определяет муниципальную службу как профессиональную деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта) [12]. Таким образом, муниципальная служба является профессиональной деятельностью, требующей для своего осуществления специальных знаний и навыков.

В теории профессионализм определяется как «высший уровень психофизиологических, психических и личностных изменений, происходящих в процессе длительного выполнения человеком служебных обязанностей, обеспечивающих качественно новый, более

эффективный уровень решения сложных профессиональных задач в особых условиях» [8].

Профессионализм тесно связан с понятием «компетентность» (от лат. *competens* — соответствующий, способный), которая означает доскональное знание своего дела, сути выполняемой работы, норм, правил и процедур организации, а также наличие умений и навыков, способствующих эффективной реализации этих знаний в практической деятельности [4].

Реализации данного принципа должны способствовать закрепляемые нормативно-правовыми актами требования, предъявляемые к уровню и виду образования, профессиональному стажу, знаниям и навыкам лиц, претендующих на занятие должности муниципальной службы. На повышение профессионализма и компетенции муниципальных служащих направлены профессиональная переподготовка, повышение квалификации и стажировка служащих.

Е.Ю. Киреева сформулировала следующие составляющие реализации рассматриваемого принципа:

- наличие образования;
- наличие опыта работы и стажа;
- знание структуры управления муниципальной службы, схем служебных взаимоотношений, осуществление взаимодействия с коллегами внутри своего подразделения с выше- и нижестоящими структурами;
- знание задач и функций органа местного самоуправления, а также задач и функций, предусмотренных по занимаемой должности муниципальной службы;
- знание и практическая реализация муниципальным служащим своих должностных обязанностей;
- совершенствование профессионализма (повышение квалификации, получение дополнительного образования) [2].

Принцип профессионализма и компетентности муниципальных служащих положен в основу формирования кадрового состава муниципальной службы. В первую очередь, законом устанавливаются основные квалификационные требования для замещения должностей муниципальной службы.

В соответствии со ст. 9 Закона о муниципальной службе для замещения должностей муниципальной службы квалификационные требования предъявляются:

- к уровню профессионального образования;
- стажу муниципальной службы (государственной службы) или стажу работы по специальности;

- профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей [12].

Данные квалификационные требования устанавливаются муниципальными правовыми актами на основе типовых квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы, которые определяются законом субъекта Российской Федерации в соответствии с классификацией должностей муниципальной службы [1].

В некоторых случаях требования к отдельным муниципальным служащим могут устанавливаться специальными федеральными законами. Например, п. 2 ст. 7 Федерального закона от 07 февраля 2011 года № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [13] устанавливает, что на должность председателя, заместителя председателя и аудиторов контрольно-счетного органа муниципального образования назначаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее образование и опыт работы в области государственного, муниципального управления, государственного, муниципального контроля (аудита), экономики, финансов, юриспруденции.

Например, квалификационные требования, предъявляемые для замещения должностей муниципальной службы в органах местного самоуправления Волгограда, к уровню профессионального образования и стажу определяются в соответствии с классификацией должностей муниципальной службы [9]:

Таблица 1.

Группа должностей муниципальной службы	Уровень профессионального образования	Стаж муниципальной (государственной) службы (лет)	Стаж работы по специальности (лет)
Высшая	высшее профессиональное образование по специальности должностей муниципальной службы либо иное высшее профессиональное образование	6	7
Главная		4	5
Ведущая		-	4
Старшая	высшее или среднее профессиональное образование	-	-
Младшая	среднее профессиональное образование	-	-

Квалификационные требования, предъявляемые для замещения должностей муниципальной службы в органах местного самоуправления Волгограда, к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей, устанавливаются муниципальными правовыми актами органов местного самоуправления Волгограда с учетом их задач и функций:

Таблица 2.

Профессиональные знания	Профессиональные навыки
1	2
Высшая, главная группы должностей муниципальной службы	
<p>знание:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, законов Волгоградской области, муниципальных правовых актов Волгограда, в соответствии с которыми регулируются отношения, связанные с муниципальной службой в Российской Федерации; • нормативной базы соответствующей сферы деятельности, осуществляемой в пределах должностных обязанностей и полномочий; • основ государственного и муниципального управления; основ трудового законодательства Российской Федерации; • передового отечественного и зарубежного опыта по осуществлению местного самоуправления, методов управления аппаратом муниципального органа; • основ ведения деловых переговоров; • правил делового этикета; • порядка работы со служебной информацией; • правил и норм охраны труда, техники безопасности и противопожарной защиты 	<ul style="list-style-type: none"> • управление персоналом; оперативное принятие и реализация управленческих и иных решений; прогнозирование последствий принятых решений; • ведение деловых переговоров; • работа по взаимосвязи с государственными и иными органами, ведомствами, организациями, гражданами; • предупреждение и разрешение конфликтов; • организация и проведение заседаний, совещаний и других форм коллективного обсуждения; • составление документов аналитического, делового и справочно-информационного характера; • планирование и организация рабочего времени; • делегирование полномочий подчиненным; • постановка перед подчиненными достижимых задач; • недопущение личностных конфликтов с подчиненными, коллегами и вышестоящими руководителями; • умение находить компромиссы при решении проблем в конфликтных ситуациях; • владение компьютерной техникой и средствами коммуникации; • владение необходимыми программными продуктами

Продолжение таб.1.

1	2
Ведущая группа должностей муниципальной службы	
<p>знание:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, законов Волгоградской области, муниципальных правовых актов Волгограда, в соответствии с которыми регулируются отношения, связанные с муниципальной службой в Российской Федерации; • нормативной базы соответствующей сферы деятельности, осуществляемой в пределах должностных обязанностей и полномочий; • задач и функций органов местного самоуправления Волгограда; • передового отечественного и зарубежного опыта по осуществлению местного самоуправления; • методов управления коллективом; • основ ведения деловых переговоров; • правил делового этикета; порядка работы со служебной информацией; • правил и норм охраны труда, техники безопасности и противопожарной защиты 	<ul style="list-style-type: none"> • работа в коллективе; • предупреждение и разрешение конфликтов; • взаимодействие с государственными и иными органами, ведомствами, организациями, гражданами; • разработка предложений для последующего принятия управленческих решений по профилю деятельности; • ведение служебного документооборота, исполнение служебных документов, подготовка делового письма; • проведение организационно-аналитической работы, подготовка и проведение мероприятий в соответствующей сфере деятельности, заключающиеся в умении планировать профессиональную деятельность, проявлять активность и инициативу; • реализация основных форм работы: • служебной переписки, ведения переговоров; • рациональное применение имеющихся профессиональных знаний и опыта; • владение компьютерной техникой, оргтехникой и средствами коммуникации; • владение необходимыми программными продуктами

Продолжение таб.1.

1	2
Старшая группа должностей муниципальной службы	
<p>знание:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, законов Волгоградской области, муниципальных правовых актов Волгограда, в соответствии с которыми регулируются отношения, связанные с муниципальной службой в Российской Федерации; • нормативной базы соответствующей сферы деятельности, осуществляемой в пределах должностных обязанностей и полномочий; • задач и функций органов местного самоуправления Волгограда; • правил делового этикета; порядка работы со служебной информацией; • правил и норм охраны труда, техники безопасности и противопожарной защиты 	<ul style="list-style-type: none"> • работа в коллективе; умение избегать конфликтных ситуаций; • исполнительская дисциплина; • эффективная организация работы; • работа с законодательными и нормативными актами; • организация и планирование выполнения порученных заданий; • умение эффективно и последовательно организовывать работу по взаимодействию с организациями, гражданами; • ведение служебного документооборота, исполнение служебных документов, подготовка делового письма; • владение компьютерной техникой, оргтехникой и средствами коммуникации; • владение необходимыми программными продуктами

Продолжение таб.1.

1	2
Младшая группа должностей муниципальной службы	
<p>знание:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, законов Волгоградской области, муниципальных правовых актов Волгограда, в соответствии с которыми регулируются отношения, связанные с муниципальной службой в Российской Федерации; • нормативной базы соответствующей сферы деятельности, осуществляемой в пределах должностных обязанностей и полномочий; • задач и функций органов местного самоуправления Волгограда; • правил делового этикета; • порядка работы со служебной информацией; • правил и норм охраны труда, техники безопасности и противопожарной защиты 	<ul style="list-style-type: none"> • навык исполнительской дисциплины; • эффективная организация рабочего времени; • умение избегать конфликтных ситуаций; • владение компьютерной техникой, оргтехникой и средствами коммуникации

Рациональное формирование кадрового состава муниципальной службы обеспечивается, в том числе с помощью оценки результатов профессиональной служебной деятельности муниципальных служащих в ходе проведения аттестации или сдачи квалификационного экзамена.

В соответствии со ст. 18 Закона о муниципальной службе аттестация муниципального служащего проводится в целях определения его соответствия замещаемой должности муниципальной службы [12]. Аттестация муниципального служащего проводится один раз в три года. Можно определить следующие цели, которые преследует аттестация муниципальных служащих:

- формирование кадрового состава соответствующей квалификации;

- определение необходимости повышения квалификации, профессиональной подготовки или переподготовки муниципальных служащих;
- обеспечение возможности профессионального и служебного роста, движения кадров муниципальной службы;
- эффективное использование каждого муниципального служащего в соответствии с его специальностью и уровнем квалификации;
- стимулирование роста профессионализма муниципальных служащих и другие.

Автор полагает, что можно встретить и указание на необходимость владения государственными служащими информационной компетентности. При этом под информационной компетентностью государственных служащих предполагаются, прежде всего, элементарные навыки владения государственными служащими компьютерной грамотностью, их умение пользоваться персональным компьютером, другими информационными технологиями, в том числе и такими основополагающими интернет-сервисами, как электронная почта, и использовать их в своей профессиональной деятельности [10]. Исходя из такого понимания, автор считает, что информационная компетентность государственных служащих на современном этапе информационного развития российского общества и государственных институтов является важнейшей составной частью общей компетенции государственных служащих и фактором, определяющим уровень их профессионализма.

Представляется, что информационная компетентность должна стать и неотъемлемой частью компетенции муниципальных служащих. Владение компьютером, современными информационными технологиями, возможностями Интернет-технологий позволяет муниципальным служащим оперативно решать текущие вопросы и задачи по реализации вопросов местного значения, говорит о высоком уровне профессионализма муниципальных служащих. В то же время, следует признать, что недостаточный, зачастую низкий уровень информационной компетентности муниципальных служащих является той причиной, которая объективно тормозит развитие взаимоотношений органов местного самоуправления и граждан. Соответственно, решение проблемы низкого уровня информационной компетентности муниципальных служащих будет способствовать, в том числе и более полной реализации конституционных прав и свобод российских граждан.

Необходимо отметить, что принцип профессионализма и компетентности является также и одним из принципов

государственной службы, что нашло свое закрепление в соответствующих федеральных законах [14; 15].

Данный принцип обязывает гражданских служащих иметь профессиональное образование, соответствующее должностной компетенции, владеть процедурой деятельности органов государственной власти, знать свои права и обязанности; активно и в полной мере осуществлять функции и полномочия, предусмотренные законодательством и должностными регламентами [5].

Реализации данного принципа должны способствовать закрепляемые Законом о государственной гражданской службе требования, предъявляемые к уровню и виду образования, профессиональному стажу, знаниям и навыкам лиц, претендующих на занятие должности государственной гражданской службы (ст. 12). Кроме того, на повышение профессионализма и компетентности государственных гражданских служащих направлены профессиональная переподготовка, повышение квалификации и стажировка служащих (ст. 62 — 63) [7].

Как видно из представленных требований к профессионализму и компетенции государственных служащих, можно отметить единство требований, предъявляемых к профессионализму государственных и муниципальных служащих.

Е. Ю. Киреева отмечает, что единство основных квалификационных требований к должностям гражданской службы и должностям муниципальной службы выступает одним из правовых средств обеспечения взаимосвязи государственной и муниципальной службы. Правовое обеспечение единства основных квалификационных требований, предъявляемых к гражданским служащим, замещающим должности государственной гражданской службы, и служащим, замещающим муниципальные должности муниципальной службы, возможно вследствие того, что в обоих случаях речь идет о профессиональной деятельности. Это, в свою очередь, предполагает наличие соответствующего профессионального образования, специализации, квалификации и стажа работы [3].

Список литературы:

1. Закон Волгоградской области от 11 февраля 2008 года № 1626-ОД (ред. от 02.03.2011) «О некоторых вопросах муниципальной службы в Волгоградской области» // Волгоградская правда № 31 от 20.02.2008.
2. Киреева Е. Ю. Муниципальная служба: проблемы теории и практики: Монография. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 43.

3. Киреева Е. Ю. Проблемы реализации принципа взаимосвязи государственной и муниципальной службы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 3.
4. Колесников А. В., Макаров А. О., Осипова И. Н. Комментарий к Федеральному закону от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2007.
5. Комментарий к Федеральному закону «О государственной гражданской службе РФ» (постатейный) / Д. В. Баснак, Д. В. Бедняков, В. А. Галабурда и др.; под ред. В.А. Козбаненко. СПб.: Питер Пресс, 2008. 576 с.
6. Комментарий к Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (постатейный) / под ред. А.Ф. Ноздрачева // СПС КонсультантПлюс. 2005.
7. Комментарий к Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Э.Г. Липатова, С. Е. Чаннова. М.: «Юстицинформ», 2006.
8. Охотский Е. В., Игнатов В. Г., Лытов Б. В. и др. Государственная служба: теория и организация. Ростов-на-Дону, 1998. С. 501.
9. Решение Волгоградской городской Думы от 24 марта 2010 года № 30/920 (ред. от 06.10.2010) «Об установлении квалификационных требований, предъявляемых для замещения должностей муниципальной службы в органах местного самоуправления Волгограда, аппарате избирательной комиссии Волгограда» // Городские вести. Царицын — Сталинград — Волгоград № 37 от 10.04.2010.
10. Устинович Е. С., Барбашин Е. А. Информационная компетентность государственных служащих // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 10.
11. Фабричный С. Ю. Формирование муниципальной службы: проблемы теории и практики. М., 2005. С. 25.
12. Федеральный закон от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ (ред. от 03.05.2011) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
13. Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 903.
14. Федеральный закон от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ (ред. от 28.12.2010) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
15. Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ (ред. от 11.07.2011) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

СЕКЦИЯ 9

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ФОНДА ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ЕГО РОЛЬ В ПРЕОДОЛЕНИИ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Песина Елена Аркадьевна

*ассистент кафедры публичного прав, АНО ВПО Центросоюза РФ
«Чебоксарский кооперативный институт» (филиал) Российского
университета кооперации, г. Чебоксары
E-mail: Elena.pesina@gmail.com*

В современном мире государства сталкиваются с такой глобальной проблемой, как мировой финансово-экономический кризис. В результате увеличивающейся интеграции мировой экономики такие кризисы случаются периодически, а частота и объемы их увеличиваются. В связи с этим государства разрабатывают меры по предупреждению и выходу из экономического кризиса. Важную роль здесь играет правовое регулирование этого вопроса и легальное закрепление правил и мер, разработанных финансово-экономическими органами. Государствами разработаны разнообразные способы выхода из кризиса, однако, есть в них схожие между собой меры. Одной из таких антикризисных инициатив является идея создания специального фонда, средства которого направлялись бы на восстановление финансовой стабильности. Тем не менее, идея эта получила не одинаковое воплощение в жизнь в странах, пострадавших от кризиса.

Предметом рассмотрения в данной статье является Европейский фонд финансовой стабильности (European Financial Stability Facility) (Далее — ЕФФС), его правовое положение, роль в преодолении последствий кризиса, а также сравнение его с российскими институтами. Актуальность рассматриваемого вопроса очевидна. В настоящее время развивается ситуация с европейским долговым

кризисом и угрозой дефолта Греции. ЕФФС играет немаловажную роль в урегулировании указанных вопросов, и создан он был немногим больше, чем год назад.

В мае 2010 года в Европейском союзе был принят пакет комплексных мер по борьбе с кризисом, в том числе Положение Совета Европы о создании Европейского финансового стабилизационного механизма. Решение было основано на статье 122 (2) Договора о функционировании Европейского союза [3] и предусматривало, в том числе, создание Европейского фонда финансовой стабильности. Планировалось, что финансовая помощь странам зоны евро будет представляться ЕФФС совместно с Международным валютным фондом.

Проведенный автором анализ источников правового регулирования деятельности ЕФФС позволил сделать изложенные в данной статье выводы. Итак, ЕФФС был основан 7 июня 2010 года и начал полностью функционировать в августе того же года. Место нахождения ЕФФС — Люксембург, следовательно, функционирует он в соответствии Люксембургским законодательством. Держателями его акций являются государства-участники зоны евро. ЕФФС имеет свой срок действия, который составляет 3 года, т. е. до 30 июня 2013 года. В действительности, в соответствии с Уставом ЕФФС, фонд создается на неопределенный срок, но Уставом оговорено, что займы не будут выдаваться с 30 июня 2013 года. Это положение и обуславливает «срочность» его существования. В случае если ЕФФС выдал займы, то он работает до истечения срока их погашения. С 2013 полномочия ЕФФС будут переданы Европейскому механизму финансовой стабильности [1].

ЕФФС по своему правовому статусу — это компания, юридическое лицо, зарегистрированное в Люксембурге и принадлежащее странам зоны евро. ЕФФС является обществом с ограниченной ответственностью (limited liability company).

Свою деятельность Европейский фонд финансовой стабильности осуществляет на основании двух документов. Первый — это Устав (Articles of incorporation) ЕФФС, а второй — это Соглашение между государствами-членами Европейского союза и ЕФФС.

В соответствии с Соглашением между странами зоны евро и ЕФФС, отношения, связанные с данным Соглашением и иные, не договорные отношения, будут урегулированы в соответствии с нормами английского права. Любые споры будут урегулированы мирным путем. В противном случае, если спор возник между странами зоны евро, соглашение предусматривает передачу таких споров в

Европейский суд правосудия. Если же спор возникнет с участием одной или нескольких стран, входящих в зону евро, и ЕФФС, такой спор подпадает под юрисдикцию судов Великого герцогства Люксембургского.

Миссия ЕФФС заключается в обеспечении финансовой стабильности в Европе посредством предоставления финансовой помощи странам зоны евро. Для этого он использует следующие инструменты: предоставление займов странам, столкнувшимся с финансовыми трудностями; вмешательство в первичные и вторичные долговые рынки на основании анализа рынка, осуществленного Европейским центральным банком; финансирование рекапитализации финансовых учреждений через выдачу займов правительствам. Для осуществления своей деятельности ЕФФС выпускает облигации и иные долговые обязательства.

ЕФФС подстрахован гарантийными обязательствами государств-членов зоны евро на общую сумму 780 млрд. евро, и имеет кредитный потенциал в размере 440 млрд. евро. Тем не менее, решение об установлении нового кредитного потенциала, в размере 1 трлн. евро было принято лидерами стран Европейского союза 26 октября текущего года по предложению Европейской комиссии [1].

Управляет деятельностью фонда ЕФФС Совет директоров. Во время встреч Совет директоров выбирает Председателя, у которого не может быть решающего голоса. Решения Совет директоров принимает квалифицированным большинством голосов от количества присутствующих. По ряду решений необходимо единогласие Директоров. Это такие решения, как: решения относительно выдачи займов и соответствующей стратегии финансирования; решения относительно выплаты кредитов; привлечение любых капитальных вложений.

Европейская комиссия, Европейский центральный банк и иные органы Евросоюза по решению Совета директоров ЕФФС могут назначать наблюдателя для участия во встречах Совета директоров, который обладает правом совещательного голоса.

Самыми широкими полномочиями по решению вопросов, связанных с деятельностью ЕФФС, обладает общее собрание его акционеров.

Каждый год не менее чем 5% чистой прибыли фонда должно быть зарезервировано на специальном счете. Совет директоров принимает решение о выплате дивидендов.

Решение о прекращении деятельности фонда может быть принято на общем собрании акционеров.

Европейскому фонду финансовой стабильности был присвоен наиболее высокий кредитный рейтинг AAA от Standard&Poog's и Aaa от Moody's.

Займы, выданные ЕФФС — это, например, два займа по программе помощи Португалии, по которой было выдано 2,2 млрд. евро и 3,7 млрд. евро под 5,32% и 6,08% соответственно. До 5 декабря 2016 года и до 5 июля 2021 года. По программе помощи Ирландии было выдано 3,6 млрд. евро под 5.90% до 18 июля 2016 года [1].

Европейскому фонду финансовой стабильности в современном европейском антикризисном регулировании отводится очень важная роль. В частности, в соответствии с планом по выходу из долгового кризиса, одобренному 26 октября текущего года, на него возлагаются основные функции относительно контроля над кризисом и поддержания стабильности евро.

Необходимо отметить, что создание различных «Фондов» стало распространенной мерой по преодолению финансовых потрясений и восстановлению финансовой стабильности. Для сравнения можно привести Стабилизационный фонд Российской Федерации, средства которого в 2008 году практически в полном объеме были направлены на борьбу с последствиями кризиса. На базе Стабилизационного фонда были созданы два новых бюджетных фонда: Фонд национального благосостояния и Резервный фонд. Средства Резервного фонда в свою очередь и на данном этапе направляются на преодоление бюджетного дефицита.

Тем не менее, несмотря на схожесть целей таких «фондов», между ними существует масса отличий. Во-первых, это правовое регулирование. Правовое регулирование российских бюджетных фондов осуществляется на основании Бюджетного кодекса Российской Федерации, в то время как источник правового регулирования ЕФФС — его устав, соглашение со странами Европейского союза и законы Люксембурга, в частности Закон 1915 года «О коммерческих компаниях» [2]. Во-вторых, отличием является происхождение ресурсов фондов. Резервный фонд пополняется в основном за счет превышения размера нефтяного трансферта над запланированным размером. ЕФСС же пополняется за счет взносов стран зоны евро и его собственной финансовой деятельности на рынке. В третьих, Резервный фонд — это не юридическое лицо в отличие от ЕФФС, им управляет Министерство финансов России, в то время, как у ЕФСС есть Совет директоров и общее собрание учредителей. Соответственно,

Резервный фонд напрямую связан с бюджетом России, в то время как ЕФФС — это независимая финансовая организация.

Позитивный опыт Европейского союза в сфере создания антикризисных фондов наталкивает на мысль о возможности создания подобного института в России. Например, фонд мог бы быть создан правительствами субъектов Российской Федерации. Как известно борьба с кризисом на региональном и местном уровне до сих пор остается нерешенной задачей, такой институт, возможно, мог бы способствовать ее решению.

Шаги, предпринятые Европейскими лидерами, показывают твердую приверженность и целеустремленность разрешить проблему долгового кризиса в Европе. Эти меры отчетливо демонстрируют волю побороть кризис совместными усилиями и двигаться по направлению к экономической кооперации и сближению.

Список литературы:

1. Официальный сайт Европейского фонда финансовой стабильности [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.efsf.europa.eu/about/key-figures/index.htm>
2. Соглашение между странами-участницами зоны евро и Фондом финансовой стабильности [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.efsf.europa.eu/attachments/20111019_efsf_framework_agreement_en.pdf
3. Устав Европейского фонда финансовой стабильности [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.efsf.europa.eu/attachments/efsf_articles_of_incorporation_en.pdf

СЕКЦИЯ 10

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент филиала Российского государственного
гуманитарного университета, г. Великий Новгород*

Богданов Анатолий Геннадьевич

*адвокат коллегии адвокатов «Защитник», г. Великий Новгород
E-mail andreeva56@mail.ru*

Административно-правовая политика в области административной ответственности и наказания юридических лиц может быть рассмотрена в нескольких аспектах: во-первых, этого охранительная деятельность государства, которая направлена на упорядочение деятельности юридических лиц; во-вторых, это административно-правовое регулирование деятельности государства по обеспечению деятельности юридических лиц. С одной стороны бизнес является субъектом административно-правового регулирования, вместе с тем, с другой стороны — объектом административного воздействия. Проблема двойственности влияет на эффективность административно-правовых мер в системе правового воздействия на юридических лиц. Несмотря на увеличение количества правовых актов, проблема административной ответственности юридических лиц не получила должного решения ни в теории ни на практике. Законодательство об административной ответственности запутано и противоречиво. Следует разграничивать административную ответственность, наступающую в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Рассмотрим применение мер административной ответственности к юридическому лицу в судах общей юрисдикции, так как они рассматривают ответственность исходя из обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан.

Существует несколько оснований исключающих применение способов защиты юридических лиц от применения мер административной ответственности, указанных в статье 227 КоАП РФ [2], которые исключают производство по делам административных правонарушений. Такими обстоятельствами являются: отсутствие события правонарушения, отсутствие состава правонарушения, издание акта, устраняющего применение административного взыскания, истечение сроков наложения административного взыскания либо привлечение по тому же факту к административной ответственности (постановление о наложении административного взыскания, неотменное постановление о прекращении дела об административном правонарушении либо наличие по факту уголовного дела). Вопросам применения мер административной ответственности и наказания уделял внимание Верховный Суд РФ, в частности постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. №13 «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ» внесены изменения и дополнения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса об административных правонарушениях РФ» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума ВС РФ от 25.05.2005 г. № 12, от 11.11.2008 г. № 23) [4]. В частности Пленум Верховного суда РФ указал, что наказание в виде административного приостановления деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица может быть назначено судьей районного суда лишь в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП РФ, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение цели административного наказания, что должно быть мотивировано в постановлении по делу об административном правонарушении (абзац второй части 1 статьи 3.12, пункт 6 части 1 статьи 29.10 КоАП РФ). При назначении этого наказания надлежит учитывать характер деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица, характер совершенных ими действий (бездействия), а также другие обстоятельства, влияющие на создание условий для реальной возможности наступления негативных последствий для жизни или здоровья людей, обстоятельства угрозы причинения вреда, должны быть указаны судьей в постановлении по делу об административном правонарушении [4].

Определяя срок административного приостановления деятельности, необходимо иметь в виду, что оно не может превышать

девятию суток, включая срок временного запрета деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица, если такая мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении применялась (часть 2 статьи 3.12, часть 5 статьи 29.6 КоАП РФ). В случае применения названной меры судье следует отразить это обстоятельство в постановлении по делу, включая время фактического прекращения деятельности, указанное в протоколе о временном запрете деятельности (часть 3 статьи 27.16 КоАП РФ). В постановлении по делу судья обязан решить вопрос о мероприятиях, необходимых для обеспечения его исполнения, которые в зависимости от обстоятельств каждого дела могут заключаться во временном прекращении эксплуатации тех агрегатов, объектов, зданий или сооружений, принадлежащих индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу, либо во временном прекращении осуществления индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, его филиалами, представительствами, структурными подразделениями, производственными участками тех видов деятельности (работ), оказания услуг, от которых исходит угроза причинения вреда охраняемым общественным отношениям (абзац второй части 2 статьи 29.10 КоАП РФ).

Отсутствие события административного правонарушения предполагает отсутствие вообще каких-либо доказательств, подтверждающих факт административного правонарушения. Например, демонстрационные залы товаров ритуального назначения в жилом массиве, не приравниваются к похоронным бюро и бюро-магазинам. В соответствии с правилами и нормами СанПиН 2.1.1.279-03 2.14 [5], похоронные бюро, бюро-магазины похоронного обслуживания следует размещать на первых этажах учреждений коммунально-бытового назначения, в пределах жилой застройки на обособленных участках, на расстоянии не менее 50 м до жилой застройки, территорий лечебных, детских (дошкольных и образовательных), спортивно-оздоровительных, культурно-просветительных учреждений и учреждений социального обеспечения населения. Демонстрационные залы не являются объектами, реализующими товары и услуги, не могут в соответствии со статьей 1 Федерального закона от 23.03.1999 N 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [13] влиять на состояние общественного здоровья и среды обитания людей, то есть отсутствует событие правонарушения, исключающее производство по делам административных правонарушений. Вывод проверки «об оказании широкомасштабных ритуальных услуг населению»,

основанный на уставной деятельности, не является основанием установления административного правонарушения, наличие в демонстрационных залах образцов товаров, также не установило факта продажи. Таким образом, применение норм по аналогии либо утверждение о фактах, не установленных, либо предположительно совершенных лицом, незаконны. Согласно ст. 1.5. КоАП РФ [2] о презумпции невиновности, лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина.

Другим обстоятельством является отсутствие состава административного правонарушения, т. е. отсутствуют признаки, которые образуют в своей совокупности состав правонарушения, отграничивающее правонарушение от деяния, которое им не является. По своей структуре состав административного правонарушения состоит из четырех составляющих: объекта — соответствующего общественного отношения, на нормальное функционирование которого посягает правонарушение; объективную сторону — конкретные действия, нарушающие установленные правила, субъекта — конкретное юридическое лицо; субъективную сторону — отношение лица к совершенному им деянию, то есть наличие вины в форме умысла или неосторожности. Основанием, устанавливающим наличие административного правонарушения, как полагал, например, представитель Управления Роспотребнадзора, является требование соблюдения расстояния не менее 50 метров до жилой застройки. Требуют также правовой оценки действия субъекта административного правонарушения - лица, подавшего жалобу об административном правонарушении. Например, жалоба, поданная юридическим лицом, расположенным в другом субъекте РФ, которое в своем заявлении в первую очередь указывало на равенство рыночных условий, создания каких-либо преимуществ хозяйствующим субъектам, а также преимуществ со стороны местных органов самоуправления, подана не надлежащим юридическим лицом. Приняв такую жалобу, Управление Роспотребнадзора не критически отнеслось к существу и правомочиям подателя жалобы, а главное — цели заявителя, его жалоба не связана с соблюдением требований Закона РФ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» № 52-ФЗ от 30.03.99» [13] и угрозой здоровью людей (жителей окружающих домов) в виде психо-эмоциональных расстройств, заболеваний нервной системы, так как заявитель ссылаясь не на факты, а на сложившуюся практику и преимущества на рынке услуг.

Одним из основных требований при составлении протокола об административном правонарушении является приведение обстоятельств, свидетельствующих о наличии реальной угрозы жизни и здоровью людей, а также полные данные, свидетельствующие о необходимости приостановления деятельности указанных лиц. Вместе с протоколом об административном правонарушении и материалами проверки необходимо направить в суд информацию о том, каким образом допущенные нарушения требований безопасности могут создавать реальную угрозу жизни или здоровью людей. Например, данное требование вытекает из статьи 6 Технического регламента о требованиях пожарной безопасности, утвержденного Федеральным законом № 123-ФЗ [8]. В частности в ст. 6 Федерального закона № 123-ФЗ о технических регламентах указано: Пожарная безопасность объекта защиты считается обеспеченной, если в полном объеме выполнены обязательные требования пожарной безопасности, установленные федеральными законами о технических регламентах; пожарный риск не превышает допустимых значений, установленных Федеральным законом. Проведение административного расследования возможно только при выявлении административных правонарушений в отраслях законодательства, перечисленных в ч. 1 ст. 28.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2], в том числе в области пожарной безопасности. Кроме того дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2], имеют альтернативную подведомственность и подсудность. Однако нормы СНИП 21-01-97 [7] не являются нормативным актом и нормативными требованиями пожарной безопасности. Нормы СНИП являются техническими нормативами, а не юридическими актами, порождающими юридическую ответственность. Включение в предписания государственного пожарного надзора требований по приведению зданий, запроектированных и построенных по ранее действующим нормативным документам в области строительства, к требованиям СНИП 21-01-97 [7] не отвечает требованиям нормативных правовых актов и нормативных документов по пожарной безопасности в Российской Федерации и является недопустимой. Проверяющий инспектор Госпожнадзора не имеет права выходить за пределы своих полномочий, указанных в ст. 6 Федерального закона «О пожарной безопасности» [12] и осуществлять проверки выполнения обязательных нормативных актов, не отнесенных к компетенции

Госпожнадзора (СНиП, ПУЭ и т.п.). Технические нормы, содержащиеся в СНиПах, не затрагивают права, свободы человека.

Правовую основу технического регулирования составляют четыре Федеральных закона: «О пожарной безопасности» [12], «О техническом регулировании» [10], «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [8], «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [11]. В соответствии с указанными законами, все технические нормы обеспечения пожарной безопасности (требования пожарной безопасности) разделяются на две группы — нормы, являющиеся обязательными для исполнения и обеспечивающие минимально необходимый уровень защиты, и нормы, носящие рекомендательный характер. Обязательными для исполнения являются нормы, содержащиеся в технических регламентах, независимо от того принят Технический регламент федеральным законом, постановлением Правительства или в особых случаях указом Президента, актом федерального органа исполнительной власти по техническому регулированию или международным договором России. Остальные нормы обеспечения пожарной безопасности, содержащиеся в сводах правил, национальных стандартах, НПБ, ППБ и т.д. не могут носить обязательный характер (ч. 3 ст. 7 184-ФЗ 2002 года [10]), т. е. носят рекомендательный характер и направлены на повышение защищенности объекта от пожара, снижение вероятности его возникновения.

Административное приостановление деятельности осуществляется по решению суда в том случае, если создается угроза жизни и безопасности людей. Доказывание наличия на объекте реальной угрозы жизни и безопасности людей, в соответствии с требованиями КоАП РФ, лежит на органах Госпожнадзора. Само по себе перечисление в административном протоколе допущенных противопожарных нарушений не является доказательством наличия реальной угрозы жизни и безопасности людей. Величиной, отделяющей мнимую угрозу от реальной, является величина допустимого индивидуального риска, равного 10 в минус шестой степени (одна миллионная в год на человека), установленная в ст. 79 Федерального закона «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [10]. Без проведения пожарно-технической экспертизы установить величину пожарного риска не представляется возможным. При рассмотрении дел об административных правонарушениях, а также по жалобам на постановления или решения по делам об административных правонарушениях судья должен исходить из закрепленного в ст. 1.5 КоАП РФ [2] принципа

административной ответственности — презумпции невиновности лица, в отношении которого осуществляется производство по делу. Реализация этого принципа заключается в том, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, вина в совершении административного правонарушения устанавливается судьями, органами, должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях. Неустраимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, должны толковаться в пользу этого лица. Например, суд проигнорировал требования ч. 4 ст. 4 и ст. 6 Технического регламента о требованиях пожарной безопасности (ФЗ № 123-ФЗ) [8], не оценил возраст постройки здания, в каком виде оно приобреталось, с тем же функциональным назначением. На протяжении всего периода существования предприятия подобных предписаний не делалось. Однако вместе с протоколом предприятию было выдано предписание на устранение всех нарушений с момента строительства здания. Предприятие фактически устранило все указанные нарушения, вплоть до изменения технических нормативов выходов из помещения, причем ранее существовавшие размеры не представляли угрозы жизни и здоровья людей. Вместе с тем, орган пожарного надзора не предоставил суду доказательств того, что размеры дверных проемов и проходы, не соответствовавшие СНиП 21-01-97 [7], представляют угрозу для жизни и здоровья людей, а защита объекта не соответствует требованиям пожарной безопасности предъявляемых к объекту ст. 6 Технического регламента о требованиях пожарной безопасности (ФЗ № 123-ФЗ) [8]. Данные размеры юридическим лицом были изменены добровольно с целью дальнейшего исключения необоснованных придинок со стороны органа пожарного надзора. При таких обстоятельствах у суда не было оснований для привлечения предприятия к административной ответственности, а данное дело подлежало прекращению за отсутствием состава правонарушения.

Субъективную сторону административного правонарушения составляет отношение лица к совершенному им деянию, то есть наличие вины в форме умысла или неосторожности. 17 июня вступил в силу Федеральный закон от 03.06.2011 N 120-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях по вопросам пожарной безопасности» [9]. Закон внес существенные изменения в КоАП РФ в части усиления ответственности за нарушение требований пожарной безопасности. В частности, полностью изменена ст. 20.4 КоАП РФ «Нарушение

требований пожарной безопасности» [2]. Дифференцирована ответственность за нарушение требований пожарной безопасности. Отдельно выделяются нарушение требований пожарной безопасности к системам противопожарного водоснабжения, электроустановкам зданий, электротехнической продукции, первичным средствам пожаротушения и нарушение требований к эвакуационным путям, системам автоматического пожаротушения и пожарной сигнализации. Согласно ранее действовавшей редакции ст. 20.4 КоАП РФ юридическое лицо, у которого обнаружены нарушения в системах пожарного водоснабжения и аварийного пожаротушения, подлежит ответственности только по одному основанию — нарушение требований пожарной безопасности. По новым правилам юридическое лицо будет привлечено к ответственности сразу за два нарушения, предусмотренных ч. 3 и ч. 4 ст. 20.4 КоАП РФ. При этом административное приостановление деятельности возможно только при повторном совершении хотя бы одного из подобных правонарушений. При внесении данных изменений в ст. 20.4 КоАП РФ [2] дело может стать неподведомственным и неподсудным районному суду, т. к. приостановление деятельности, как исключительный вид наказания возможно исключительно судом и только при повторном совершении хотя бы одного из перечисленных в статье 20.4 КоАП РФ нарушений [2]. Суд, назначая наказание, применил ч. 1 статьи 20.4 КоАП РФ (в новой редакции от 03.06.2011 г.) [2] указав, что из санкции статьи в отношении юридических лиц исключена возможность применения наказания виде административного приостановления деятельности, исходя из требований ст. 1.7 КоАП РФ [2] установил, что подлежит применению редакция закона, улучшающего положение юридического лица. В данном случае имеет место ошибочное толкование суда об улучшении положения юридического лица в связи с принятием ст. 20.4 КоАП РФ в новой редакции [2]. В соответствии ч. 1 ст. 1.7 КоАП РФ [2] лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во времени совершения административного нарушения. Более того, ст. 20.4 КоАП РФ (в новой редакции) [2] полностью изменена в сторону ужесточения наказания за нарушение требований пожарной безопасности. Если ст. 20.4 КоАП РФ в прежней редакции содержала 6 частей, то в действующей редакции ст. 20.4 КоАП РФ содержит 8 частей, при этом прежняя редакция ч. 1 трансформировалась дополнительно в ч. 3 и ч. 4, которые могут применяться одновременно, поэтому у суда не было оснований для принятия дела к своему производству, т. к. в

материалах дела отсутствуют доказательства, указывающие на то, что установленные нарушения требований пожарной безопасности создают угрозу жизни и здоровью людей, и ранее по этим же основаниям дело в отношении предприятия не рассматривалось.

С точки зрения защиты можно подчеркнуть тот факт, что при производстве по делам соответствующие должностные лица в подавляющем своем большинстве не мотивируют должным образом, а то и вовсе не отражают субъективную сторону состава правонарушения. В том числе, если умысел, к примеру, был направлен не на то, что вменяется в вину, то речь должна идти или об освобождении от ответственности или о переквалификации действий. Требование о назначении наказания в виде административного приостановления деятельности зачастую неопределенно и направлено на прекращение деятельности юридического лица в целом. Например, предприятие имеет несколько помещений, предназначенных как для оказания ритуальных услуг, так и для обеспечения деятельности предприятия, прекращение деятельности юридического лица направлено не на устранение угрозы жизни и здоровья населения, а на регулирование численности хозяйствующих субъектов на рынке похоронного дела, создания предпосылок и преимуществ посредством прекращения деятельности отдельных юридических лиц. В ситуации, если принят новый акт, квалификация ответственности производится по этому акту. Например, квалификация демонстрационных залов как объектов похоронного обслуживания, не основана на п. 2.14 СанПин 2.1.1279-032 «Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения» [5], и не основана на ГОСТе Р 53107-2008 «Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения», утвержденного Приказом Ростехрегулирования от 18.12.2008 N 516-ст. [1] Вместе с тем, СанПин 2.1.1279-03 «Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения» [5], утвержденный постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 8 апреля 2003 г. № 35 с 15 июня 2003 г. является нормативным актом вступившим в силу ранее, чем ГОСТ Р 53107-2008 «Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения.», утвержденного Приказом Ростехрегулирования от 18.12.2008 N 516-ст. [1] в соответствии с целями и принципами стандартизации в Российской Федерации установлены Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. N 184-ФЗ «О техническом регулировании», а правила применения национальных стандартов

Российской Федерации [10]- ГОСТ Р 1.0-2004 «Стандартизация в Российской Федерации. Основные положения, приняты позднее, являются действующими и обязательны для применения в документах и литературе всех видов по похоронному делу входящих в сферу работ по стандартизации и или использующие результаты этих работ [1]. Таким образом, вывод подателя жалобы о том, что демонстрационные залы являются объектами похоронного назначения, не законно, а факт, что демонстрационные залы приравнены к магазинам-салонам либо основания приравнивать их к магазинам-салонам или бюро похоронного обслуживания не основан на законе и фактических обстоятельствах дела.

Согласно статьи 50 Конституции РФ: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.» [3] В случаях, когда невозможно доказать, что правонарушения не было, возможно рассмотреть ситуацию о нарушении порядка процессуального производства. К способам защиты относятся процессуальные сроки момента установления факта нарушения, составления протокола об административном правонарушении. В соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2] дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента составления протокола об административном правонарушении. Недостатком протокола об административном правонарушении является неполнота представленных материалов, которая не могла быть восполнена при рассмотрении дела. В частности, например, не указано, какие именно обязательные требования пожарной безопасности нарушены, которые представляют собой угрозу жизни и здоровью людей. Вместе с тем в ст. 23.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях закреплено, что дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.4 КоАП РФ, может быть рассмотрено судьей в случае, если орган или должностное лицо, к которым поступило дело о таком административном правонарушении, передает его на рассмотрение судье [2]. Таким образом, альтернативная подведомственность заключается в том, что дела указанной категории могут рассматривать как органы, осуществляющие государственный надзор, так и судьи.

Судьи районных судов рассматривают дела данной категории, если лицами, в отношении которых ведется производство по делу, являются юридические лица и лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического

лица. Такой критерий также обусловлен возможностью назначения наказания в виде административного приостановления деятельности, только судьями районных судов в соответствии с прямым указанием закона — ч. 3 ст. 23.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2]. При назначении дела к слушанию судья должен выяснить, правильно ли составлен протокол об административном правонарушении и оформлены иные материалы дела. В случае применения временного запрета деятельности, дело должно быть рассмотрено судьей не позднее пяти суток с момента фактического прекращения деятельности по эксплуатации и в остальных случаях дело об административном правонарушении рассматривается в пятнадцатидневный срок со дня получения судьей протокола об административном правонарушении и других материалов дела [2]. Зачастую требование закона судом не выполняется, дела назначаются с заведомо нарушенным сроком в 1 месяц. Таким образом, любой документ в административном процессе, будучи получен с нарушением закона, если он составлен неуправомоченным на то органом или должностным лицом, если не был соблюден установленный порядок привлечения лица, к которому предъявлено требование, к выполнению возложенной на него обязанности, без разъяснения прав и обязанностей привлекаемому, без участия понятых (когда это предусмотрено), если объяснения и допросы проведены с нарушением права, установленного ст. 51 Конституции РФ [3]. Таким образом, это является достаточным основанием для отмены вынесенных решений.

Суть понятия административного правонарушения заключается в том, что оно посягает на государственный или общественный порядок, собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления. Общественная вредность и опасность — основной объективный признак правонарушения, ограничивающий его от правомерного поведения.

Сущность административной ответственности юридических лиц, на взгляд авторов, требует дальнейшего уточнения законодательства и внесения некоторых изменений и дополнений в административно-процессуальные нормы.

Список литературы:

1. ГОСТ Р 53107-2008, утвержден приказом Росстандарта от 18.12.2008 № 516-ст. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/>
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. — 2001. 31 декабря.

3. Конституция Российской Федерации. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/>
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 13 «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ» — Режим доступа. — URL: <http://www.supcourt.ru/>
5. СанПин 2.1.1279-032.14. — Режим доступа. — URL: <http://www.pestcontrol.ru/>
6. СанПиН 2.1.2882-11. — Режим доступа. — URL: <http://www.niiot.ru/>
7. СНиП 21-01-97 Пожарная безопасность зданий и сооружений. 21.01.1997 г. — Режим доступа. — URL: <http://www.nsp.su/gosts/snip/v129/>
8. Федеральный закон РФ от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2008/08/01>
9. Федеральный закон РФ от 03.06.2011 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях по вопросам пожарной безопасности» — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/>
10. Федеральный закон РФ от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/>
11. Федеральный закон РФ от 31.12.2003 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2009/12/31/>
12. Федеральный закон РФ от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» - Режим доступа. — URL: <http://www.mehs.gov.ru/law/index>.
13. Федерального закона от 23.03.1999 N 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» — Режим доступа. — URL: <http://www.antidrug.ru/catalog/lawanti>

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС КОМИССИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ

Борматова Евгения Николаевна

*магистр ОМГПУ, г. Омск
E-mail: evgenichka89@mail.ru*

Безвиконная Елена Владимировна

*канд. ист. наук, доцент кафедры правоведения и ГМУ, г. Омск
E-mail: bezvikonnaja@rambler.ru*

В настоящее время законодательство, регулирующее организационные основы деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, не соответствует современным требованиям. Действующее лишь формально Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних (утв. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.06.1967) не соответствует состоянию современного российского общества, а Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» является декларативным и не ставит перед собой цели обеспечить нормативное регламентирование функционирования деятельности комиссий [2, с. 31].

В связи с недостаточным нормативным урегулированием административно-правовой статус комиссий в настоящее время сомнителен. С одной стороны, наличие государственно-властных полномочий (например, права применять административные наказания), а также межведомственный характер состава и компетенции комиссий позволяют считать, что они, вопреки распространенному мнению, не являются некими общественными, либо общественно-государственными, либо общественно-муниципальными органами.

С другой стороны, в настоящее время некоторыми авторами отмечается проблема существования у муниципальных комиссий права рассмотрения и разрешения дел, связанных с административными правонарушениями [1, с. 4].

Дела об административных правонарушениях, предусмотренные КоАП РФ, разбираются комиссиями в рамках компетенции, установленной п. 2 ч. 1 ст. 22.1 КоАП РФ, а определенные законами субъектов Российской Федерации, — в пределах полномочий, установленных этими законами. В соответствии со ст. 23.2 КоАП РФ

районные (городские) комиссии рассматривают дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, а также дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 5.35, 5.36, 6.10, 20.22 КоАП РФ [4].

Таким образом, вопрос наделения комиссий юрисдикционными полномочиями в настоящее время остается дискуссионным. В соответствии с действующим законодательством комиссии обладают властными полномочиями рассматривать дела об административных правонарушениях, выносить определения и постановления, обязательные для исполнения участниками административного процесса. В то же время административный процесс является не менее серьезным юридическим актом, чем уголовный процесс. На всех этапах и стадиях административного производства — от возбуждения дела об административном правонарушении до исполнения постановления о назначении административного наказания или прекращения производства — значительно возросли объем и сложность процессуальных действий, совершение которых требует от должностных лиц, занимающихся правоприменительной деятельностью, знания норм не только административного, но и других отраслей права [5, с. 17]. Увеличилось число персональных дел, рассматриваемых комиссиями.

В связи с этим необходимо выделить две важные проблемы функционирования комиссий:

- деятельность членов комиссий осуществляется на общественных началах;
- члены комиссий обладают недостаточной профессиональной подготовкой.

Очевидно, что с учетом объема и значимости возложенных на комиссии государственных полномочий осуществлять их на общественных началах невозможно и бесперспективно. Необходимо обеспечить функционирование комиссий на постоянной и профессиональной основе. Такой точки зрения придерживаются многие авторы. А.Е. Шульга предлагает возглавлять комиссии председателям — заместителям глав администраций регионов, а также освободить от других обязанностей заместителей председателей комиссий. Кроме того, по мнению исследователя, в состав комиссий следует включить ответственного секретаря и специалистов (инспекторов), количество которых должно зависеть от численности подросткового населения в регион [6, с. 20].

Например, в Омской области муниципальная комиссия состоит из председателя, заместителя председателя, ответственного секретаря

(главного или ведущего специалиста по обеспечению деятельности комиссий Департамента по делам несовершеннолетних и защите их прав Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области) и членов комиссии из числа представителей органов и учреждений, входящих в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, иных государственных и муниципальных органов и учреждений, общественных организаций.

Основные функции по подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.35 КоАП РФ, выполняет ответственный секретарь, который, как правило, не имеет юридического образования. Как показывает анкетирование и интервьюирование ответственных секретарей комиссий административных округов г. Омска и муниципальных районов Омской области, большинство из них испытывают недостаток юридических знаний, необходимых в работе. Из 20 респондентов 17 человек выразили желание получить дополнительные знания в области правоповедения [3, с. 31]. Недостаточность юридических знаний восполняется: у 75% опрошенных — консультациями юристов и лишь у 15% — чтением юридической литературы и нормативных правовых актов [3, с. 32].

Среди ученых-административистов распространено мнение, что дела об административных правонарушениях, совершенных подростками или в отношении них, должны быть подсудны ювенальным судам, необходимость и целесообразность создания которых как звена российской судебной системы не вызывает сомнения [2, с. 32]. Ювенальные суды и комиссии — это органы единой ювенальной системы.

На взгляд авторов, только судья правомочен привлекать к административной ответственности родителей несовершеннолетних или лиц, их заменяющих, за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, поскольку таким способом происходит вторжение в семейные отношения, складывающиеся между родителями (лицами, их заменяющими) и детьми, нарушается право воспитания несовершеннолетних их родителями (лицами, их заменяющими). Комиссии правомочны рассматривать дела об административных правонарушениях, связанных с неисполнением обязанностей в отношении несовершеннолетних, а также применять к таким правонарушителям меры воспитательного характера: беседу, разъяснение, общественное порицание — и, как следствие, выносить предупреждение. Либо, признавая неэффективность в конкретном случае мер воспитательного

характера, представлять материалы дела в суд. При повторном совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.35 КоАП РФ, комиссии должны подготавливать материалы дела и передавать их на рассмотрение судье.

Несомненно, основной функцией комиссий была (учитывая исторический опыт) и остается в настоящее время координация деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Совершенствование деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и их прав в Российской Федерации должно стать одной из ключевых составляющих социальной политики в отношении несовершеннолетних и должно дополняться продвижением на региональном и федеральном уровнях скоординированного подхода при осуществлении реформ в области ювенальной юстиции, повышением качества потенциала всех ювенальных органов во имя усиления роли закона и защиты прав ребенка, вовлечением граждан и их объединений в решение социальных проблем и формированием на данной основе системы устойчивого экономического и социального развития российского общества.

Список литературы:

1. Агеев А. Районная комиссия по делам несовершеннолетних как орган административной юрисдикции // Законность. 2006. № 6. — С. 4-9.
2. Банщикова С. Л., Административно-юрисдикционные полномочия комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Современное право. 2009. № 5. — С. 31-35.
3. Домашенко В. В. Информация по вопросу парламентских слушаний «Законодательное обеспечение практики внедрения ювенальных технологий в деятельность судов общей юрисдикции и комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» (Омская область) // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 1. — С. 31-32.
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ. // «Российская газета», N 256, 31.12.2001.
5. Тропина Л. И. Создание комплексной системы профилактики правосудия в отношении несовершеннолетних, отработка ювенальных технологий на территории Московской области. // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 4. — С. 17-21.
6. Шульга А. Е., Сарана В. А. Преступность несовершеннолетних как угроза общественной безопасности России // История государства и права. 2006. № 9. — С. 17-22.

СЕКЦИЯ 11

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

ЗАДАЧИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Никулочкин Евгений Олегович

*преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ЮУрГУ,
г. Челябинск*

E-mail: Sergeev_ab@bk.ru

Актуальность проблемы создания качественной методики обусловлена необходимостью повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (далее — НОН), как части криминального бизнеса.

Деятельность правоохранительных органов — это одна из важнейших составляющих противодействия, и ее эффективность в этом процессе является определяющей. Она, в свою очередь, в значительной мере зависит от качества криминалистического обеспечения, в том числе от определения направления расследования. Криминалистика, представляя собой область знаний, связанных с практическим применением законодательства, науку о реальных уголовных права, в свою очередь, за счет решения отдельных проблем, связанных с расследованием конкретных преступлений, и последующей систематизации опыта получает импульс развития теоретической базы криминалистического учения. За счет совершенствования средств и методов криминалистического сопровождения на всех этапах раскрытия и расследования преступлений, связанных с НОН, эффективность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий может быть существенно повышена.

Проблема распространения наркотических средств в настоящее время актуальна во всем мире. Рост количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, подтверждается статистическими данными, полученными из различных источников, в том числе данными мониторинга Международного комитета по контролю наркотиков при ООН, данными национальных комитетов по контролю наркотиков. Так, согласно отчету Международного комитета по контролю над наркотиками при ООН за 2010 год, в 2009 году общемировое производство опия составило 7754 тонн, основная часть которого пошла на производство героина; 865 тонн составило производство кокаина; 66 100 и 9900 тонн соответственно каннабиса и его смолы; производство веществ амфетаминового ряда — 550 тонн. До 250 миллионов людей во всем мире хотя бы один раз пробовали наркотики, 15% из них употребляют наркотики постоянно. В силу действия различных причин Россия является одним из основных потребителей опиатов и каннабиса. Из 340 тонн героина, потребленного в мире в 2008 году, около половины приходится на Западную Европу и Россию. Ежегодные продажи опиатов составляют 66 миллиардов долларов, 55 миллиардов из которых — продажи героина. В России общая сумма продаж героина составляет 19 миллиардов долларов ежегодно [1].

В большинстве развитых стран оборот наркотических средств и психотропных веществ (далее — НС) рассматривается не как уличное преступление, а как высокодоходный международный бизнес, структура и закономерности которого аналогичны закономерностям легального бизнеса и нередко с ним связаны. Следовательно, в борьбе с НОН может использоваться информация общего характера, касающаяся общих правил работы предприятий, изучения потребностей, подбора и подготовки сотрудников (в данном случае — членов организованной преступной группы (далее — ОПГ)), формирования рынков сбыта, организации и материально-технического обеспечения процесса производства, хранения и транспортировки готового продукта, формирования сети розничного распространения, реализации продукта, получения дохода и его легализации. Полученный доход частично расходуется на приобретение материальных и иных благ, частично вкладывается в расширение производства и рынка потребления.

Как правило, население стран, вовлеченных в международный наркорынок, оказывается в числе потребителей НС. Постепенно на территории этих государств складывается внутренний наркорынок, который составляют группы потребителей наркотиков,

распространители (нередко этнические ОПГ) и на котором параллельно с импортируемыми НС широко представлены НС, кустарно произведенные из «местного» сырья.

В 2001-2010 годах правительством и Президентом Российской Федерации был утвержден ряд документов, направленных на обеспечение безопасности граждан Российской Федерации. В утвержденной Президентом Российской Федерации 12 мая 2009 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [3] одним из источников угроз национальной безопасности признана деятельность транснациональных преступных группировок и организаций, связанная с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров. В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 [4] (далее — Стратегии) развиваются и конкретизируются применительно к сфере антинаркотической деятельности соответствующие положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [2].

В соответствии со Стратегией, деятельность правоохранительных органов является одной из важнейших составляющих противодействия, и ее эффективность в этом процессе является определяющей. Она, в свою очередь, в значительной степени зависит от качества криминалистического обеспечения, в том числе от определения направления расследования. За счет совершенствования средств и методов криминалистического сопровождения на всех этапах раскрытия и расследования преступлений, связанных с НОН, эффективность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий может быть существенно повышена.

Анализ опыта расследования НОН показывает, что наиболее актуальными (по видам НС; по социальным и этническим группам, по способу совершения) являются следующие направления: распространение героина афганского происхождения этническими преступными группировками (цыганские, таджикские, смешанные), при контрабанде которого в качестве перевозчиков используют жителей среднеазиатских республик; распространение контрабандных синтетических наркотиков преступными группами в ночных клубах, на дискотеках, открытых с целью распространения наркотиков; распространение наркотических средств, не включенных в Перечень НС, через сеть Интернет; изготовление метамфетаминов, дезоморфина в притонах для их потребления; организация поставок эфедрин- и

кодеинсодержащих лекарственных препаратов, а также пищевого мака, загрязненного маковой соломой, в количествах, существенно превышающих потребности населения региона.

Общим для названных направлений НОН является образование наличности, которую необходимо легализовать, об этом свидетельствует статистика легализации доходов и имущества (ст. 174 УК РФ [5]) по НОН последних лет.

Способы легализации зависят от специализации группы на совершении определенных видов преступлений, от сферы или направления НОН, от вида НС. Вид незаконной деятельности и связанные с ним денежные отношения, в том числе легализация, зависят от вида НС. Способ совершения определяет направление расследования.

С учётом актуальности проблемы (борьбы с легализацией доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков) для повышения уровня противодействия НОН уголовно-процессуальными средствами необходимо решить ряд задач:

1. обобщить и проанализировать проблемы расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров,
2. предложить способы их разрешения;
3. организовать работу по созданию комплексной методики расследования НОН на основе исходной информации о легализации доходов, полученных незаконным путем.

Однако прежде чем приступить к разработке комплексной методики расследования преступлений, связанных с НОН и легализацией полученных от него доходов, необходимо провести большую подготовительную научно-аналитическую работу, содержанием которой является изучение отечественного и мирового опыта раскрытия и расследования указанной категории преступлений, на основе которого провести анализ структуры деятельности ОПГ, связанных с НОН. С учетом экономических, социальных, географических и других факторов важно выделить наиболее типичные обстоятельства и способы не только совершения преступлений в сфере НОН, но и легализации доходов, полученных в результате НОН; определить взаимосвязь элементов преступной деятельности организованных преступных групп в сфере НОН.

Указанные задачи важно также обеспечить в различных видах и формах взаимодействие правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с НОН, федеральных учреждений и частных предприятий. В то же время необходимо найти решение проблем,

связанных со своевременным назначением и производством судебных экспертиз при расследовании легализации доходов и имущества, полученных в результате НОН.

Решение задач создаст благоприятные условия для разработки действительно качественной комплексной методики расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных от незаконного оборота наркотических средств.

Список литературы:

1. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2010 год [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2011. URL: http://www.incb.org/pdf/annual-report/2010/ru/AR_2010_Russian.pdf (дата обращения: 21.11.2011).
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] (утв. расп. Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р) (ред. от 08 авг. 2009 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собр. законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
4. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 09 июня 2010 г. № 690 // Российская газета. 2010. 15 июня.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21 нояб. 2011 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СЕКЦИЯ 12

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

РЕЙДЕРСТВО: СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры экономико-управленческих и
правовых дисциплин Новгородского филиала РГГУ,*

г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

При переходе к рыночным отношениям происходит изменение структуры преступности, переоценка общественной опасности тех или иных явлений. Одним из таких явлений стало рейдерство. В настоящее время действия рейдеров распространились на группы предприятий (сети), на предприятия, связанные технологической цепочкой либо крупный бизнес, получили транснациональное значение. Квалификация рейдерского захвата, как захвата предприятия, становится частным примером, а наиболее общим, охватывающим данное противоправное явление, явился противоправный захват бизнеса.

Главой 22 УК РФ [4] определены виды уголовно наказуемых деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности. В указанной главе содержатся виды преступлений, совершаемых лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность и другую деятельность экономической направленности, с «рейдерством» связаны 35 статей УК РФ. Вместе с тем, отдельные составы «рейдерства» отсутствуют, а в целом Глава 22 УК РФ, определяя виды наказуемых деяний в области экономической деятельности, направлена на оценку преступлений совершаемых предпринимателями. Некоторые составы преступлений возможно оценить только по совокупности. Например, статьи 137 и 138 УК РФ квалифицируют нарушение неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений. Обычно, указанные преступные деяния предшествуют рейдерскому захвату. С рейдерским завладением пограничны преступления, указанные в статьях 170 УК РФ (регистрация незаконных сделок с землей); 179 УК РФ (принуждение к

совершению сделки или к отказу от ее совершения); 183 УК РФ (незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну). Особую группу преступлений составляют преступления, связанные с банкротством ст.ст. 195-197 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве; преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство), и, близкая по составу ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации). Рейдерский захват и завладение бизнесом невозможен без злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ), злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Рейдерские преступления имеют коррупционный характер, что подтверждается рядом составов, в том числе ст. ст. 290-294, 303, 327 УК РФ (получение взятки, дача взятки, служебный подлог, халатность, воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, фальсификация доказательств и подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков). Характерным силовым способом рейдерского захвата является самоуправство (ст. 330 УК РФ), также возможно сравнение мошенничества (ст. 159 УК РФ) с рейдерским завладением, а вымогательства (ст. 163 УК РФ) — с рейдерским захватом.

Исследовав состояние законодательства, автор считает возможным выделить «рейдерство» отдельным составом уголовно наказуемого деяния, создав отдельную статью УК РФ «Рейдерство», определив, как противоправный захват бизнеса либо посягательство на предпринимательскую деятельность. Необходимо квалифицировать «рейдерство» исключительно как преступление, совершенное группой лиц.

Рейдерство в России имеет свою историю, ранее процветали силовые способы захватов, когда вооруженные боевики устраняли или запугивали владельцев, а администрацию и работников выбрасывали с помощью грубой силы, сейчас в ходу все более изощренные способы, прежде всего использование недостатков законодательства, участие чиновников госструктур и различные комбинации всех этих методов.

Общее представление о том, что объект рейдерства есть не что иное, как общественные отношения, взятые под охрану уголовным законом, нуждается в пояснениях. Во-первых, законодатель по ряду причин при обозначении в статьях закона объекта рейдерства в одних случаях может указывать лишь на отдельные элементы общественных отношений. В других случаях называть правовую форму, за которой

всегда следует видеть соответствующие общественные отношения. Предполагаются общественные отношения по реализации права на бизнес. Однако, общее исходное представление об объекте рейдерства как общественном отношении — лишь первая ступень познания этого явления. В силу абстрактности, оно порой не может выполнять роль инструмента для юриста-практика. Следовательно, объект входит в основание уголовной ответственности. Это значит, что для привлечения лица к ответственности по конкретным основаниям УК РФ необходимо установить, на какой объект было направлено преступление, какому объекту желало причинить вред своими действиями конкретное лицо и, в частности, какому именно объекту этот вред был причинен либо создавались угроза причинения такого вреда. В связи с этим необходимо совершенствование уголовного законодательства с одновременным изменением системы правоохранительных органов. Вместе с тем, главой 22 УК РФ определены виды уголовно наказуемых деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности, отсутствует разграничение составов, направленных против занятия предпринимательской деятельностью. В указанной главе содержатся виды преступлений, совершаемых лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность и другую деятельность экономической направленности, с «рейдерством» связаны 35 статей УК РФ [4].

Исследовав состояние законодательства, автор считает возможным выделить рейдерство отдельным видом уголовно наказуемого деяния, создав отдельную статью УК РФ «Рейдерство» и выделив отдельную главу о защите бизнеса в Особой части УК РФ. Необходимо квалифицировать «рейдерство» исключительно как преступление, совершенное группой лиц. Данная статья УК РФ позволит отграничить это противоправное деяние от других уголовно наказуемых деяний в области экономики. Автор полагает, что ошибочно утверждение, что понятие «рейдерство» не имеет самостоятельного состава преступления, а может быть рассмотрено в совокупности с различными составами УК РФ.

Предлагаемые в настоящее время изменения в УК РФ и в УПК РФ лишь частично реализуют предложения в области корпоративного права, дополняя УК РФ статьей, предусматривающей ответственность за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц или реестра владельцев ценных бумаг и ряд других изменений и дополнений.

На практике квалификация рейдерского захвата, отграничение захвата предприятия от рейдерской атаки или недружественного

поглощения, являются основными элементами в системе предупреждения захват бизнеса.

Необходимо определить и отграничить термины «рейдерства», «редерской атаки», «рейдерского захвата». Совершенствование Уголовного Кодекса РФ, федерального законодательства по борьбе с коррупционными и рейдерскими преступлениями, установление и четкое определение перечня коррупционных преступлений и отдельных статей УК РФ «Рейдерство» будет способствовать более успешному противодействию преступности и иным общественно опасным деяниям в России [1, с. 25].

Противоречия в дефинициях «рейдерства» диктуют необходимость уточнения определения данного понятия с целью четкой фиксации его объема и содержания. Понятие «рейдерская атака» корреспондирует с понятиями «рейдерского захвата» и «рейдерства», имеющих уголовно-правовые признаки.

Основополагающим понятием в определении рейдерского захвата является понятие «захвата», то есть действие, направленное на определенный объект. В Уголовном кодексе РФ [4] уже используется понятие «захват», однако не применительно к преступлениям в сфере экономики.

Насильственный характер действий по захвату предприятия возможен посредством использования организованной силы (преимущественно вооруженной) — законных силовых структур, незаконных вооруженных формирований либо массового участия граждан, а также демонстрации готовности применить силу. Следовательно, употребление понятия «захват» в Уголовном кодексе РФ свидетельствуют, что «захват» как уголовно-правовое понятие включает в себя насилие с целью установление контроля, господства над захватываемым объектом и применимо к ситуации в области предпринимательства.

Некоторые ученые предлагают использовать термин «завладение» применительно к недружественным поглощениям [2, с. 188] Термин «завладение» в Уголовном кодексе РФ употребляется в случаях неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения. В данном случае отсутствует насилие и цель — хищение, т.е. полное господство над вещью. По мнению автора, правильно и обоснованно применять термин «захват», чем, например, «завладение», к составу преступления «рейдерство», либо возможно разграничение составов на два, а именно «рейдерский захват» и «рейдерское завладение». Рейдеры при захвате предприятия устанавливают контроль над предприятием (бизнесом)

вопреки воле его руководства, как правило, посредством насилия, а при завладении — используют иные схемы преступного поведения.

Е.Г. Никонова условно разделила захват на три части: 1) действия по захвату (как правило, неправомерные, насильственные); 2) непосредственно сам захват; 3) последствия захвата. При этом целью захвата (рейдеров) является: 1) захват долей инвесторов (захват акции / уменьшение доли); 2) захват непосредственно активов, имущества предприятия; 3) а также смена менеджмента предприятия (может быть как сама цель захвата и как последствия захвата) [2, с. 211]. Таким образом, захват — это насильственная смена инвесторов (собственника) или менеджмента компании с целью приобретения (завладения) имущества компании или установления, управления данным имуществом.

Как отмечает П. Сычев, при наказании рейдеров формируется практика применения нескольких статей Уголовного кодекса РФ [3, с. 154]. Сложность квалификации заключается в субъективности трактовки понятия «захват». В законодательстве пока еще имеются существенные пробелы, а современные рейдеры действуют с учетом положений Уголовного Кодекса РФ и практики. Таким образом, «рейдерство» и «криминальный захват» предприятий не являются юридическими определениями, и в Уголовном кодексе РФ нет статей, которые охватывали бы эти понятия в целом. Соответственно пока нет и единой статистики дел, ведущихся по этой категории, а выводы сделаны, исходя из эмпирического массива уголовных дел, имеющих характеристику рейдерского захвата, либо из опыта защиты бизнеса по отдельным рейдерским атакам.

Наличие общественной опасности рейдерства представляет собой качественный признак преступления. Данный признак выражает материальную сущность и объясняет, почему деяние признается преступлением. Противоправность свидетельствует о том, что группа лиц, осуществляющих захват, нарушила запрет, содержащийся в уголовно-правовой норме.

Необходимо определить и отграничить термины «рейдерство», «рейдерское завладение», «рейдерский захват». Совершенствование Уголовного Кодекса РФ, федерального законодательства по борьбе с коррупционными и рейдерскими преступлениями, установление и четкое определение перечня коррупционных преступлений и отдельной статьи УК РФ «Рейдерство» будет способствовать более успешному противодействию преступности и иным общественно опасным деяниям в России [1, с. 25].

Имеются другие признаки рейдерского завладения либо захвата бизнеса. Действующее законодательство не предусматривает какого-либо способа удостоверения подлинности подписи участника общества на протоколе общего собрания, а также не обязывает органы, осуществляющие ведение государственных реестров, требовать у заявителей и сохранять их подлинники, что в некоторых случаях приводит к фальсификации подписи участников на протоколе, осуществлению захватчиками необходимых действий на его основании. С целью захвата имущества рейдеры, имеющие полномочия исполнительного органа, совершают сделки по отчуждению имущества по заниженной цене либо иные экономически нецелесообразные сделки, действительной целью которых является отчуждение имущества у общества, между участниками которого возник конфликт, при этом в некоторых случаях фальсифицируется решение общего собрания участников общества, которым якобы была одобрена такая сделка.

Участники общества, подписи которых в протоколе сфальсифицированы, испытывают серьезные затруднения в доказывании факта подделки, поскольку экспертиза подлинности подписи по копии документа не проводится, а сфальсифицированный подлинник уже не существует. Сложившаяся ситуация требует внесения дополнений и изменений в законодательство: необходимо установить презумпцию недействительности оспариваемого участником решения общего собрания общества; законодательно предусмотреть обязанность нотариального удостоверения подписей участников общества по ряду важнейших вопросов, в частности — по вопросам избрания единоличного исполнительного органа общества, реорганизации/ликвидации общества, совершения крупных сделок и сделок с заинтересованностью.

Для правильной квалификации действий лиц, которые совершили рейдерских захват бизнеса ли рейдерское нападение на бизнес, необходимо провести отграничение рассматриваемого преступления от составов экономических преступлений главы 22 УК РФ и выделения отдельной главы 22' УК РФ, условно наименование главы может быть как «Преступления против экономической безопасности».

Захватом, согласно российскому уголовному законодательству, являются внезапные для потерпевшего агрессивные действия виновного, которые соединены с насилием или угрозой применения насилия. Нападение и следующее за ним насилие (или угроза) составляют органическое единство двух противоправных актов, которые объединены единой целью — завладение материальным

производственным комплексом либо установлением контроля над бизнесом. Поэтому о факте рейдерского захвата бизнеса, как о самостоятельном объективном признаке рейдерства, можно говорить только условно, вместе с тем вне насилия или угрозы применения насилия рейдерство не теряет уголовно-правового значения.

Физическое насилие определяется в статье о рейдерском захвате в общем виде как опасное для жизни и здоровья. Насилие может быть не только физическим, но и психическим. Психическое насилие при рейдерском захвате и рейдерском поглощении заключается в угрозе непосредственного применения насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Угроза может быть выражена словами, жестами, демонстрацией оружия. Цель угрозы — подавить волю потерпевшего, принудить его передать бизнес, подарить или не препятствовать его изъятию. Насилие может быть применено не только к предпринимателю, собственнику имущества, но и к любому другому лицу, препятствующему совершению акта рейдерства.

Как видно из проектируемых статей УК РФ, рейдерский захват и рейдерское завладение имеют схожие преступные деяния в виде нападения с применением насилия либо с угрозой его применения. Общим являются и способы совершения преступных действий — применение насилия либо угрозы его применения. Цель совершения нападения — завладение производственным комплексом, предприятием, бизнесом.

Субъективная сторона этих преступлений характеризуется виной в форме прямого умысла, при котором лица осознают общественно опасный характер своих действий, желают их совершения, преднамеренно совершают противоправные действия по отношению к объектам посягательства. Однако принципиальное отличие заключается в мотиве, на которые идут преступники, совершая данные преступления.

Разграничение двух составов рейдерства может быть определено по основному объекту преступления. При рейдерском захвате — это безопасность экономических отношений в широком смысле, при завладении бизнесом — экономическая безопасность отдельного производственного комплекса.

Вместе с тем, главой 22 УК РФ определены виды уголовно наказуемых деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности. В указанной главе содержатся виды преступлений, совершаемых лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность и другую деятельность экономической направленности. Исследовав состояние законодательства, автор считает возможным

выделить «рейдерство» двумя отдельными составами уголовно наказуемого деяния, определив понятие, как противоправный захват бизнеса либо посягательство на предпринимательскую деятельность. Внесение в проект новой редакции ГК РФ понятия «предпринимательской деятельности», в определенной степени облегчит отграничение понятий материального комплекса предприятия и определения «бизнеса» и «предпринимательской деятельности».

Есть множество способов захвата предприятия рейдерами, они зависят от разных условий (организационно–правовой формы, наличия задолженности по кредитам, степень близости захватчика к административному ресурсу и многое другое). В России, чаще всего, целью захвата является простой вывод активов, моментальная их продажа и дальнейшая перепродажа, признание сделок с государственными и муниципальными органами недействительными, передача ранее арендованного имущества государственной и муниципальной собственности, в руки конкурентов либо государственным и муниципальным предприятиям, нарушая закон и обрекая предприятие на процедуру банкротства.

Возможным решением проблемы по борьбе с рейдерством было бы принятие федерального межотраслевого закона по борьбе с рейдерством. Он должен в большей степени касаться тех сфер законодательства, где борьба с рейдерством, до настоящего времени, не проводилась, а также выработке основного понятийного аппарата, определяющего данное преступление, согласованного с новой редакцией Гражданского Кодекса РФ.

Общим основанием криминализации данного деяния является степень его общественной опасности, связанная с отрицательными последствиями развития рыночных отношений; с последствиями участия капиталов, имеющих криминальную природу и их отмыванием, в экономических отношениях; с отрицательными последствиями участия коррумпированных чиновников и сотрудников правоохранительных органов в захвате бизнеса. Рейдерство носит ярко выраженные коррупционные признаки: рейдеры и должностные лица действуют согласованно, при этом, чиновники используют свои должностные возможности, а нередко, руководят процессом захвата бизнеса; должностные лица, уполномоченные либо не уполномоченные на издание нормативных и иных правовых актов, издают правовые акты, способствующие либо облегчающие процесс рейдерского захвата; должностные лица издают заведомо незаконные правовые акты, направленные против предпринимательской

деятельности, либо участвуют в процедурах создания особых условий конкуренции; проявляется влияние чиновников на решения «дружественных судов».

Угроза рейдерского захвата, потери собственности в условиях коррупции, угроза жизни и здоровья собственникам и их родственникам, представителям менеджмента, несоизмеримые вложения по обеспечению безопасности, приводят к выводу о нерентабельности предпринимательской деятельности и риску потери бизнеса. Таким образом, уголовно-правовая политика в борьбе с рейдерством, на первом этапе, заключается в определении квалифицирующих признаков «способствующих рейдерскому захвату», внесения изменений в действующий УК РФ, возможно с параллельной разработкой федерального закона «О рейдерстве», а на втором этапе, принятие антирейдерских норм, включив две отдельные статьи в главу 22 УК РФ [4], а затем сформировав отдельную главу 22' УК РФ.

Следовательно, отдельная глава Особенной части УК РФ может быть представлена ст. ст.169, 178, 179, 180, 183, 195, 196, 197 УК РФ, а также двумя новыми статьями — «незаконный захват бизнеса» и «незаконное завладение бизнесом».

В области противодействия коррупции необходима реализация норм федерального законодательства и включение квалифицирующего коррупционного признака в Общую часть УК РФ.

Список литературы:

1. Андреева Л. А. Рейдерство (уголовно-правовой аспект). Актуальні проблеми кримінального права, процесу та криміналістики : Сб. матеріали II-ї міжнародної науково-практичної конференції : в 2-х томах. Том 1. Кримінальне, кримінально-виконавче право та кримінологія / под ред. Ю. О. Гурджі, А. М. Притула. — Одеса: Міжнародний гуманітарний університет, 2010. — С. 24-27.
2. Никонова Е. Г. Рейдерство. Гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты / Н. Г. Никонова, К. Э. Добрынин, К. В. Крутильников. — М.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. — 290 с.
3. Сычев П.Г. Отобрать и присвоить не проблема. Пробелы в законодательстве развязали рейдерам руки. Закон. — 2007. — Август. — С. 153-158.
4. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ с изм. 07.03.2011 г. № 26 — ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

ПРАВО НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ И НАХОДЯЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Бареев Оскар Намрудович

*студент 3-го курса юридического факультета
ГОУ ВПО МО «МГОСГИ»,*

г. Коломна

E-mail: slowshift@yandex.ru

Иванова Елена Вячеславовна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры Уголовного права и процесса МО
«МГОСГИ», г. Коломна*

E-mail: ivanova-elena-7@yandex.ru

Согласно ст. 41 Конституции РФ каждый гражданин имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь [3]. Эта норма действует независимо от того, совершало лицо преступление или нет. В ч. 6 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации указано, что осужденные и лица, находящиеся под стражей имеют право на охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения [6].

Оказание медицинской помощи регламентируется такими нормативно-правовыми актами, как Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» [8], Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан [4].

Лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы организуется и предоставляется в соответствии с правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, а также законодательством Российской Федерации, нормативными правовыми актами Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации

В части 2 статьи 101 УИК РФ перечисляются учреждения, предназначенные для медицинского обслуживания осужденных в уголовно-исполнительной системе, это лечебно-профилактические

учреждения (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы) и медицинские части, а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, — лечебные исправительные учреждения.

Вместе с тем, следует отметить, что существующая система пенитенциарного здравоохранения имеет ряд существенных недостатков. Так, Генеральной прокуратурой РФ, была проведена проверка, в результате которой выяснилось, что, более 90% заключенных под стражу и осужденных лиц страдают от разного рода болезней, в большинстве случаев это социально значимые заболевания — туберкулез, гепатит, ВИЧ-инфекция [1].

Было установлено, что почти каждая десятая жалоба в надзорное ведомство касается ненадлежащего качества медицинского обслуживания. Медицинские части находятся в ненадлежащем состоянии, что не дает возможность организовать нужным образом процесс лечения. В тюрьмах больницах часто отсутствует необходимое оборудование или же оно давно устарело. Почти 60% эксплуатируемого медицинского оборудования произведено в 70-80-х годах прошлого века, а изношенность основных фондов превышает 50% [1].

Согласно материалам проверки, заключенные не обеспечиваются и необходимыми лекарствами. Распределение лекарственных препаратов часто осуществляется без учета потребностей исправительных учреждений и СИЗО, а имеющиеся в наличии лекарства используются нерационально. Большинство исправительных учреждений и следственных изоляторов испытывает недостаток в лекарственных препаратах, что отражается на эффективности лечебного процесса. Многочисленные нарушения были обнаружены и в сфере лицензирования медицинской деятельности, проводимой в СИЗО и колониях. Таким образом, в результате проверки было выявлено более 250 нарушений норм стандартов оказания медицинской помощи при лечении осужденных и заключенных под стражу [1].

Как отмечает Генеральная прокуратура РФ, большинство проблем медицинского обслуживания заключенных связано с недостаточным финансированием. В 2010 году на медицинское обслуживание осужденных и лиц, заключенных под стражу, было выделено всего 24% от необходимого объема затрат. Региональные власти крайне редко выделяют средства из местного бюджета на тюремную медицину [1].

Согласно статистическим данным, среди тюремного медицинского штата почти нет инфекционистов, дерматологов, венерологов, кардиологов. В связи с этим затруднен процесс диагностирования и лечения соответствующих заболеваний.

Следует отметить и не лучшим образом организованную географию функционирования пенитенциарных больниц. Она демонстрирует, что в целом они размещаются в местах массового скопления исправительных учреждений ФСИН: центр и юг европейской части России, Поволжье, северо-запад и северо-восток европейской части России, Урал, юг Западной и Восточной Сибири, юг Дальнего Востока России. Однако очевидно, что чем дальше на север и восток, тем пенитенциарных больниц все меньше.

Резкую оценку географическому размещению таких учреждений дал Уполномоченный по правам человека в РФ Миронов О. О., указав, что до настоящего времени не имеется возможности оказывать достаточную помощь лицам, нуждающимся в медицинской помощи, в соответствии с предусмотренными санитарными нормами. Больницы, которые оказывают такую помощь, расположены в помещениях исправительных учреждений в европейской части РФ, а регионы Сибири и Дальнего Востока вообще не имеют заведений соответствующего профиля [5].

Авторами также отмечается наличие большого количества жалоб, связанных с нарушением прав осужденных на своевременное прохождение процедуры медицинской экспертизы, необходимой для выяснения верного диагноза. Причиной этому является организация работы районных бюро медицинской экспертизы, не соответствующая потребностям территориально закрепленных учреждений ФСИН России. Задача своевременности, т. е. проведения медицинской экспертизы осужденных по мере необходимости, могла бы быть решена путем ее проведения непосредственно в районных бюро медико-социальной экспертизы. Данную проблему невозможно решить таким образом, так-так в этом случае необходимо конвоировать осужденных, что требует значительных материальных расходов и связано с отвлечением сотрудников других служб учреждений от выполнения ими приоритетных обязанностей [9].

Некачественное медицинское обслуживание осужденных и заключенных под стражу приводит и к случаям смерти. Порой подобные происшествия приобретают широкий общественный резонанс, достаточно вспомнить дело Сергея Магнитского. 37-летний юрист инвестиционного фонда Сергей Магнитский был обвинен в совершении преступления, предусмотренного статьей 199 УК РФ, и

помещен в следственный изолятор. 16 ноября 2009 года Магнитский скончался в СИЗО «Матросская тишина». По факту его смерти СКП РФ возбудил уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных статьей 124 и статьей 293 УК РФ. После того как дело вызвало мощный общественный резонанс, президент РФ Дмитрий Медведев поручил генеральному прокурору РФ Юрию Чайке и министру юстиции Александру Коновалову провести расследование обстоятельств смерти Магнитского. Он также поручил провести проверку качества медицинской помощи, оказываемой в учреждениях ФСИН [7].

Несмотря на то, что в конце 2009 года президент РФ освободил от должности 20 руководителей структурных и региональных подразделений ФСИН, в том числе начальников Московского, подмосковного, Санкт-Петербургского управлений и начальника управления СИЗО и тюрем [2], развитие пенитенциарных больниц не привело к преодолению всех проблем с оказанием медицинской помощи заключенным

По мнению авторов, в целях повышения эффективности оказания медицинской помощи лицам, находящимся в местах лишения свободы и содержащимся под стражей, целесообразно ввести норму аналогичную ст. 50 УПК РФ, согласно которой для юридической помощи, подозреваемый, обвиняемый, его законный представитель или иное лицо по поручению или с согласия обвиняемого, подозреваемого вправе вызвать защитника, в качестве которого выступает, как правило, адвокат, нанятый этими лицами. Лишь по просьбе обвиняемого, подозреваемого, участие такого защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом, то есть представителями государства [7].

Предоставление заключенным права за свой счет приглашать специалистов для оказания медицинской помощи, помогло бы компенсировать нехватку специалистов, оборудования и медикаментов, дало бы возможность частично ликвидировать недостаток финансов, выделяемых из бюджета, уменьшить волокиту при предоставлении медицинской помощи.

Следует отметить, что в настоящее время осужденные могут получать дополнительную лечебно-профилактическую помощь, оплачиваемую самостоятельно, но подобные медицинские услуги предоставляются специалистами лечебно-профилактических учреждений государственной или муниципальной систем здравоохранения в медицинской части исправительного учреждения, в условиях лечебно-профилактических учреждений или лечебных исправительных

учреждений уголовно-исполнительной системы. Лишь в исключительных случаях, когда невозможно предоставить необходимую медицинскую услугу в указанных условиях, она может быть выполнена в соответствующем учреждении здравоохранения, но для этого необходимо осуществить трудоемкую бюрократическую процедуру: осужденный обращается с заявлением к начальнику исправительного учреждения, в котором указывает вид дополнительной лечебно-профилактической помощи. Заявление рассматривается в трехдневный срок, в течение которого определяются медицинские показания, подтверждающие необходимость получения осужденным указанных услуг, а также возможности для их предоставления [2].

Дальнейшая оптимизация законодательства в этой области способна решить множество поставленных задач. Для этого потребуется внесение изменений в ст. 101 уголовно-исполнительного кодекса, в ст. 29 основ законодательства РФ об охране здоровья граждан и в ст. 24 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления».

Список литературы:

1. В России больны 90% заключенных // [электронный ресурс] — <http://svoboda.etorai.ru/?p=398>
2. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Трунова // [электронный ресурс] — СПС Консультант Плюс
3. Конституция РФ // СЗ РФ. 2009. N 4. Ст. 445.
4. Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан// [электронный ресурс] — СПС Консультант Плюс
5. Скиба А. П. Пениitenciарные больницы: организационно-правовые аспекты развития//Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 5.// [электронный ресурс] — СПС Консультант Плюс.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации// СЗ РФ. 1997. N 2. Ст. 198.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации// СЗ РФ. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.
8. ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления// СЗ РФ. 1995. N 29. Ст. 2759.
9. Филиппов Ю. Н., Полянцев А. С., Абаева О. П Проблемы реализации прав осужденных в связи с плохим состоянием здоровья // Медицинское право. 2009. N 1. // [электронный ресурс] — СПС Консультант Плюс.

ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ФОРМ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Белюсова Евгения Владимировна

ассистент кафедры ГиЕНД,

филиал ГОБУ ВПО «Тюменский государственный университет»,

г. Ишим

E-mail: harp1405@yandex.ru

Совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в соучастии представляет собой весьма актуальную проблему, как для правоохранительных структур, так и для общества в целом.

Одной из наиболее распространенных форм соучастия в наркопреступлениях является организованная группа. Производство и сбыт наркотических средств и психотропных веществ предполагает прочные коммуникативные связи между наркодельцами, иерархически построенную организацию и преступную специализацию. Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Основываясь на законодательном определении организованной группы, выделим основные признаки, присущие данной форме преступной активности. Прежде всего, это ее устойчивость (т. е. стабильность, постоянство состава группы) и цель объединения в группу — совершение одного или нескольких преступлений. Считается, что организованная группа представляет наибольшую опасность по сравнению с группой лиц по предварительному сговору. Ее организация характеризуется сплоченностью соучастников на совершение одного или нескольких преступлений. Отдельные члены орггруппы могут непосредственно не участвовать в совершении объективной стороны преступления, но выполнять различные роли, обусловленные заранее разработанным планом и направленные на достижение преступного результата. В. Быков, исследуя организованные группы, предложил включить в признаки этой структуры, такие особенности как: постоянное совершение преступлений — цель объединения группы, формирование психологической структуры, выдвижение лидера, распределение ролей при совершении преступлений, подготовка к совершению

преступления, использование сложных способов совершения преступления, строгая дисциплина, замена личных отношений на деловые, основанные на совместном совершении преступлений, распределение преступных доходов, создание специального денежного фонда [1, с. 6]. Если не все из указанных признаков по уголовному делу будут установлены, тем не менее, на взгляд автора, те перечисленные свойства, которые можно было установить по расследуемому уголовному делу, могут помочь в правильной квалификации содеянного. При этом основными признаками организованных групп, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, являются родственные связи, а также национальный признак, землячество. Кроме того, особенностями организованных групп являются: связи внутри группы (религиозные); жесткая иерархия, дисциплина, беспрекословное подчинение «старшему»; связи с другими преступными группами, действующими в регионе; замкнутый характер общения членов группы, сложность проникновения в группу посторонних лиц. Вместе с тем, такие группы, имеют разную специализацию.

В УК РФ для организованных групп предусмотрены такие составы наркопреступлений, как незаконное производство, сбыт или пересылка наркотиков, их хищение либо вымогательство, склонение к потреблению наркотических средств, незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества, организация либо содержание притонов для потребления наркотиков.

Бесспорно, организованная группа более опасное преступное образование, чем группа лиц по предварительному сговору. Соответственно размер наказания за совершенное деяние участникам орггруппы должен быть выше, чем для участников группы лиц по предварительному сговору. Данный принцип характерен для нашего уголовного законодательства. Применительно к наркопреступлениям конструкция квалифицирующего признака имеет несколько вариантов. По мнению автора, все же более правильным является тот вариант, где два вида преступных групп — группа лиц по предварительному сговору и организованная группа — указаны законодателем в одном пункте или части статьи УК РФ. Тем самым уменьшается возможность допустить ошибку в установлении признаков конкретной преступной группы, и в то же время обеспечивается дифференциация преступных групп.

Самой опасной формой соучастия с предварительным соглашением является преступная организация (преступное

сообщество). Согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

В ст. 210 УК РФ установлена ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней). Отдельной статьей выделена уголовную ответственность за такую групповую преступность в связи с ее наибольшей опасностью для общества. Что касается преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, то, как отметил автор, прежде всего, здесь речь должна идти о так называемом наркобизнесе, при котором преступлениями в этой сфере затрагиваются значительные масштабы общественной безопасности, здоровья, нравственности населения.

Р. А. Александров, исследуя уголовную ответственность за наркобизнес, предложил выделить среди причастных к незаконному обороту наркотиков лиц тех, кто занимается наркобизнесом, и направить на них острие уголовной репрессии, установив уголовную ответственность за наркобизнес, схожую с имеющейся в Уголовном кодексе Российской Федерации ответственностью за бандитизм [2, с. 10]. На взгляд автора, такая позиция заслуживает внимания. Учитывая повышенную опасность организованного сбыта наркотических средств, было бы целесообразно выделить в отдельную статью УК ответственность именно за организацию преступного наркосообщества, так как наркобизнес представляет не меньшую опасность, чем бандитизм, терроризм или создание незаконного вооруженного формирования, тем более что известны факты использования доходов от наркобизнеса для финансирования организации террористических актов и создания незаконных вооруженных формирований. Главным отличительным признаком преступных организаций, существующих в сфере наркобизнеса, является систематическим получением прибыли от преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в особо крупных размерах.

По мнению автора, необходимо дополнительно внести в УК РФ статью 210.1, устанавливающую уголовную ответственность за наркобизнес:

1. Создание преступного сообщества (преступной организации) в целях занятия наркобизнесом — деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в особо крупном размере, а также руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него (ее) структурными подразделениями - наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

2. Участие в таком сообществе — наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

Примечание. Лицо, добровольно заявившее о своей связи с преступным сообществом и о совершаемых им деяниях, активно способствовавшее раскрытию и пресечению преступлений, связанных с деятельностью преступного сообщества, может быть освобождено от наказания в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных действий, обстоятельств дела по усмотрению суда.

Таким образом, на основе изложенного автор пришел к выводу, что уголовное законодательство в отношении отдельных форм соучастия в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, необходимо совершенствовать. Соучастие в данных преступлениях всегда несло угрозу для общества, в этой связи уголовно-правовая борьба с этими преступлениями — необходимая составляющая всей уголовно-правовой политики.

Список литературы:

1. Александров Р. А. Об уголовной ответственности за наркобизнес / «Наркоконтроль», 2006, № 3, — С. 10.
2. Быков В. Признаки организованной преступной группы / Законность, № 9 (767), 1998 г. — С. 6-7.
3. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ.- По сост. на 14 февраля 2008 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕСНЫМИ ПОЖАРАМИ

*Писарева Екатерина Владимировна,
ассистент ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита
E-mail: pisareva.ekaterina2010@yandex.ru*

Лес — важный в экономическом и экологическом отношении природный ресурс. Лесные пожары в настоящее время стали привычным явлением в весенне-летний период. На тушение лесных пожаров выделяется большое количество средств, однако, частое возникновение чрезвычайных ситуаций, связанных с лесными пожарами в регионах России, показывает недостаточную эффективность принимаемых мер. В 2009 году в России было зарегистрировано 23245 лесных пожаров, которыми было пройдено 2111,6 тыс. га лесных земель, на корню сгорело 25,4 млн. м³ леса. В 2010 году в лесах, расположенных на землях лесного фонда, возникло 32,3 тысячи лесных пожаров, которыми пройдена площадь 2367,6 тыс. га, от верховых пожаров погибло 195,6 тыс. га. [5]

Преступлениями, связанными с лесными пожарами, являются преступные деяния, которые прямо или косвенно явились причиной лесного пожара или условием, способствующим его возникновению, а также преступления, выступающие негативным последствием лесных пожаров. Уголовно-правовые меры борьбы с лесными пожарами включают в себя не только составы преступлений, предусмотренных нормами Уголовного кодекса РФ, устанавливающими ответственность за экологические преступления (ст. 260, 261 УК РФ), но и составы других преступлений. К ним относятся, в частности, статьи 165, 167, 168, 260, 285, 290, 291, 292, 293 УК РФ [6]. Здесь не стоит останавливаться на подробном анализе составов преступлений и вопросах их квалификации, поскольку это не входит в предмет рассмотрения данной темы. Основной вопрос, касающийся расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с лесными пожарами, относится не только к области уголовного права, но в большей части к сфере уголовного процесса. Проблема установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам данной категории, представляет особую важность при расследовании уголовных дел. Предмет доказывания в общем виде определен в статье 73 УПК РФ [7]. Однако, как указывает А.Р. Белкин, «содержащийся в УПК РФ типовой перечень обстоятельств, составляющих

предмет доказывания, уточняется и может дополняться в соответствии с уголовно-правовой квалификацией преступлений» [1, с. 543]. Перечень преступлений, связанных с лесными пожарами, затрагивает не только уголовно-наказуемые деяния, влекущие причинение ущерба лесам и затрагивающие отношения в сфере охраны лесных ресурсов и экологической безопасности флоры в виде лесов и насаждений, но и другие преступления, посягающие на отношения собственности, отношения в сфере государственной власти и интересы государственной службы. При определении обстоятельств, подлежащих доказыванию, в данном случае, нужно иметь в виду, что мы рассматриваем целый комплекс преступлений, каждое из которых требует индивидуального подхода, но взаимосвязанных сферой применения уголовно-правовых и других норм. Расследование преступлений, связанных с лесными пожарами, обладает спецификой, которая вызвана особенностями сферы охраны лесов от пожаров. Кроме этого, многие преступления из приведенного перечня относятся к разряду должностных или коррупционных преступлений, предмет доказывания по уголовным делам о которых достаточно определен, чего нельзя сказать в отношении расследования криминальных лесных пожаров. До настоящего времени не разработана полноценная методика расследования лесных пожаров. Рассмотрим основные положения, связанные с определением предмета доказывания по данным уголовным делам.

Как считает В.В. Крюков, специфика обстоятельств, подлежащих доказыванию по должностным преступлениям коррупционной направленности, определяется:

1. Данными о личности преступника;
2. Целью преступной деятельности;
3. Мотивом преступления;
4. Причинением существенных нарушений прав и законных интересов;
5. Обстановкой события;
6. Способом совершения преступления [3, с. 9-10].

Личность преступника в данном случае определяется сферой совершения такого рода преступлений. Коррупционные преступления в области охраны леса совершаются должностными лицами правоохранительных органов и органов охраны леса (территориальных органов Рослесхоза). Необходимо отметить, что к основным причинам, порождающим коррупционную преступность в лесной сфере относятся: недостаточное регулирование вопросов, связанных с предоставлением определенных правомочий при распределении лесных ресурсов (особенно при заключении договоров аренды лесного

участка и купли-продажи лесных насаждений), широкие полномочия должностных лиц государственных органов, отсутствие контроля над распределением финансовых средств, выделяемых на охрану лесов от пожаров, личные качества должностных лиц. В сфере охраны лесов от пожаров должностными лицами достаточно часто совершаются служебные подлоги. Например, при обследовании места пожара должностное лицо вносит в официальный документ ложные сведения о количестве сгоревшего леса, либо вовсе не выезжает на место пожара и составляет документ без реального обследования. В данном случае субъект преступления специальный — должностное лицо, обладающее определенными полномочиями. Сотрудники правоохранительных органов совершают должностные преступления, связанные с патрулированием лесных участков в пожароопасный период (совместно с сотрудниками территориальных органов охраны леса), возбуждением и расследованием уголовных дел, производством по делам об административных правонарушениях.

Важное значение для доказывания имеет способ совершения преступления. По делам о коррупционных преступлениях это не только факт дачи-получения предмета взятки, но и комплекс подготовительных действий: поиск посредника, договоренность о месте, времени, предмете взятки и т. д. Мотив совершения такого рода преступлений чаще всего корыстный. При совершении иных должностных преступлений, не связанных с получением взятки, помимо корыстных интересов возможно наличие ложно понятых интересов службы, нежелание усложнять себе работу, халатное отношение к своим должностным обязанностям. По мнению П.В Чупахина, «важнейшими элементами обстановки совершения взяточничества являются место и время рассматриваемого посягательства» [8, с. 32]. Действительно, при доказывании факта совершения дачи-получения взятки необходимо уделять особое внимание обстановке совершения преступления, месту, времени и способу его совершения, как основным элементам предмета доказывания.

Рассмотрим обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по уголовным делам о криминальных лесных пожарах. Помимо общих обстоятельств, указанных в статье 73 УПК РФ, необходимо обращать особое внимание на доказывание некоторых элементов предмета доказывания с учетом специфики совершаемых преступлений. Как считает М.С. Жук, «важнейшим элементом криминалистической характеристики поджогов...является способ их совершения» [2, с. 17]. Способ совершения поджога леса играет важную роль при установлении личности лица, подозреваемого в совершении поджога, установлении возможных следов преступления,

доказывания причастности подозреваемого (обвиняемого) к совершению поджога.

Особое внимание при расследовании уголовных дел о криминальных лесных пожарах следует уделить доказыванию размера вреда, причиненного преступлением. Постановление Правительства РФ от 08.05.2007 N 273 «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» устанавливает методику и таксы для исчисления размера вреда, причиненного лесам в результате лесных пожаров [4]. В данном случае причиняется не только экономический, но и экологический вред, который также должен быть учтен при квалификации преступления и доказывании вины обвиняемого, назначении наказания. Доказывание вины обвиняемого имеет существенное значение для квалификации преступления, предусмотренного статьей 261 УК РФ, поскольку неосторожная форма вины возможна только при квалификации по части 1 или 2 статьи 261 УК РФ, для квалификации по части 3 или 4 статьи 261 УК РФ необходимо наличие умысла. Кроме этого, необходимо установление личности обвиняемого и мотивов совершения преступления. Возможны случаи, когда поджог леса является способом совершения других преступлений, например, незаконной рубки лесных насаждений. Мотив совершения преступления также играет важную роль для индивидуализации наказания и доказывания вины обвиняемого.

Таким образом, обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовным делам, связанным с лесными пожарами, являются две группы обстоятельств (в зависимости от характера совершенных преступлений):

1. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по уголовным делам о криминальных лесных пожарах и незаконных рубках лесных насаждений: событие преступления (место, способ, время), форма вины обвиняемого, мотивы совершения преступления, обстоятельства, относящиеся к личности обвиняемого, их роль в механизме совершения преступления, размер причиненного ущерба (рассчитанного в соответствии с таксами и методиками, установленными Правительством РФ), а также другие обстоятельства, предусмотренные статьей 73 УПК РФ, в том числе обстоятельства, способствующие совершению преступления.

2. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по уголовным делам о преступлениях, связанных с лесными пожарами: место, время, способ совершения преступления, мотивы, цели преступника, личность обвиняемого, его должностное положение, ущерб, причиненный правам и интересам, предмет дачи-получения

взятки, имело ли место вымогательство взятки, обстоятельства, способствующие совершению коррупционного преступления и др.

Отдельную группу составляют обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам о преступлениях против собственности, связанным с лесными пожарами. Например, лица, совершившие угон транспортного средства, желая избавиться от улик, или из хулиганских побуждений, поджигают автомобиль в лесном массиве, в результате чего сгорает и некоторая часть лесных насаждений. В данном случае, доказыванию подлежат не только обстоятельства совершения экологического преступления, но и совершения преступления против собственности.

Список литературы:

1. Белкин А. Р. Доказательства и доказывание в уголовном процессе// Курс уголовного судопроизводства. Учебник в 3-х томах. Т. 1: общие положения уголовного судопроизводства. М, 2006. 672 с.
2. Жук М. С. Использование специальных знаний на первоначальном этапе расследования поджогов// диссертация на соискание ученой степени кандидата юрид. наук. Краснодар, 2003. 198 с.
3. Крюков В. В. Методика расследования должностных преступлений коррупционной направленности// автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юрид. наук. Челябинск, 2011. 26 с.
4. Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства (вместе с «Методикой исчисления размера вреда, причиненного лесам, в том числе лесным насаждениям, или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам вследствие нарушения лесного законодательства»): Постановление Правительства РФ от 08.05.2007 N 273(ред. от 26.11.2007)// Собрание законодательства РФ. 2007.14 мая. N 20. ст. 2437
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/les2.htm
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 N 63-ФЗ// Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. N 25. ст. 2954.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 N 174-ФЗ (ред. от 14.06.2011)// Российская газета. 2001. 22 декабря. № 249.
8. Чупахин П. В. Расследование взяточничества: теоретические и прикладные аспекты// диссертация на соискание ученой степени кандидата юрид. наук. М., 2006. 194 с.

К ВОПРОСУ О РАВЕНСТВЕ ПРАВ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Пшеничников Вадим Владимирович

*преподаватель кафедры «Правовые дисциплины», филиал ЮУрГУ,
г. Озёрск*

E-mail: ZPP-YURIST@yandex.ru

Настоящая статья посвящена вопросу о равенстве прав сторон уголовного процесса на стадии разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела и не претендует на полноту анализа данной стадии уголовного процесса. Её цель — проанализировать отдельные частные и достаточно характерные случаи применения уголовно-процессуального законодательства. Речь идет о случае возбуждения дела в отношении конкретного лица, когда потерпевшим является физическое лицо.

Стадия разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела по поступившим в правоохранительные органы материалам является одной из существенных, и, в то же время недостаточно подробно урегулированных уголовно-процессуальным законодательством стадий уголовного процесса.

По существу, правовое регулирование этой стадии уголовного процесса осуществляется на основе норм процессуального права, содержащихся в ст. 140-145 и ст. 24-28.1 УПК [5].

Между тем именно недостатки правового регулирования этой стадии уголовного процесса, обуславливают отсутствие единства правоприменительной практики, увеличение количества незаконных и необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел, и, как следствие — рост числа латентных преступлений и случаев нарушения прав жертв преступлений и потерпевших. Соответственно, рост латентной преступности, недостаточная правовая защита жертв преступлений и потерпевших негативно сказывается на доверии общества к правоохранительным органам, как институту государства, деятельность которого направлена, в том числе и на защиту прав граждан в данной области общественных отношений.

Недостатки правового регулирования проявляются, например, в том, что с одной стороны, органы предварительного расследования зачастую проявляют пренебрежительное отношение к выполнению предписаний действующего законодательства по обеспечению прав жертв преступлений.

С другой стороны, различные государственные институты, действующие в области защиты прав и законных интересов, вынуждены работать в условиях недостатка информации, по причине уклонения потерпевших от выполнения своего гражданского долга, которые предпочитают занимать пассивную, выжидательную политику.

Для правильного понимания проблемы необходимо соотнести понятия «жертва преступления» и «потерпевший», понятия «потерпевший» и «стороны обвинения» с другой. Анализ действующего законодательства, в многочисленных научных публикациях на эту тему, а также правоприменительная практика указывает на то обстоятельство, что понятие «жертва преступления» шире понятия «потерпевший».

Следует отметить, что в законодательстве РФ юридическое определение «жертва преступления» отсутствует вообще. В п. 2.ч. 7 ст. 2. Федерального закона от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» указано о том, что «меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления» [6], т.е. из контекста данной нормы, по сути, следует, что «жертва преступления» так же лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, до момента признания его потерпевшим в процессуальном порядке. Однако такую дефиницию вряд ли следует считать исчерпывающей. К тому же определение жертвы преступления отсутствует в уголовно-процессуальном законодательстве РФ, что создает неопределенность в правовом статусе лиц, пострадавших от преступлений.

Наиболее полное понятие жертвы преступления определено в «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью» (утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) [1], где указывается следующее.

1. Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов,

включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью [1].

2. В соответствии с настоящей декларацией то или иное лицо может считаться «жертвой» независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой. Термин «жертва» в соответствующих случаях, включает близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию [1].

В общих чертах, определение, данное в Декларации... близко к определению понятие «потерпевший» в уголовно-процессуальном законодательстве РФ, где потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (в случае потерпевшего — физического лица).

Различие заключается в том, что в законодательстве РФ решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда (ст.42 УПК РФ), то есть получение жертвой преступления статуса потерпевшего и соответствующих процессуальных прав обусловлено решением государственного органа. При этом в УПК РФ [5] четко не указано, когда именно должно быть вынесено постановление о признании гражданина потерпевшим и какими именно процессуальными юридическими фактами обусловлена обязанность государственного органа такое постановление вынести.

В Декларации... возникновение правового статуса жертвы решением государственного органа не обусловлено и связано лишь с самим фактом причинения вреда жертве незаконными действиями [1]. При этом в Декларации ... [3] под «жертвами» понимаются не только лица, пострадавшие в результате преступлений, но и в результате иных правонарушений, т.е. по этому признаку понятие «жертва» в Декларации... [1] шире понятия «потерпевший» в УПК [5].

С другой стороны, в Декларации [1] в число «жертв» включаются так же близкие родственники или иждивенцы непосредственной жертвы, а также лица, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию.

1. УПК РФ такую возможность не предусматривает, ограничивая круг потерпевших теми лицами, которым непосредственно причинен вред. В п. 5. Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм,

регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [4], указано, что все иные лица, в том числе близкие родственники потерпевшего, на чьи права и законные интересы преступление не было непосредственно направлено, по общему правилу, процессуальными возможностями по их защите не наделяются. Защита прав и законных интересов таких лиц осуществляется в результате восстановления прав лица, пострадавшего от преступления. По этому признаку круг лиц, относящихся к «жертвам», так же шире круга лиц, на которых распространяется понятие «потерпевший» по УПК РФ [5].

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство РФ в данной части, по сути, не соответствует нормам международного права, хотя указанная Декларация... носит, все-таки скорее рекомендательный, нежели императивный характер.

Понятия «стороны обвинения» в УПК РФ [5] дано следующим образом: в главе 6 УПК РФ перечислены участники уголовного процесса со стороны обвинения. Аналогичным образом определяется понятие стороны защиты (глава 7 УПК).

Анализ норм, содержащихся в главе 6 УПК РФ «участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» [5] показывает, что принципиально, к стороне обвинения относится ряд государственных органов, а, также потерпевший.

В то же время, существует точка зрения, согласно которой, сторонами уголовного процесса является лицо, совершившее преступление, и государство в лице своих органов, которое и осуществляет уголовное преследование этого лица. На таком понимании содержания понятия сторон уголовного процесса основаны отступления от принципа равенства в сторону оказания преимуществ стороне защиты в уголовно-процессуальном законодательстве. К таким преимуществам можно отнести нормы УПК о распределении бремени доказывания в уголовном процесс (презумпция невиновности), нормы о возможности бесплатного предоставления квалифицированной юридической помощи лицу, совершившему преступление, и ряд других.

В то же время, потерпевший в уголовном процессе такими преимуществами не обладает. Таким образом, права лиц, совершивших преступление, и лиц, пострадавших от указанных действий («жертв» или «потерпевших»), в уголовном процессе далеко не равны. Это обстоятельство неоднократно отмечалось в различных публикациях.

Считается, что это неравенство прав компенсируется участием государства в уголовном преследовании. Однако правоприменительная практика показывает, что в ряде случаев потерпевший имеет собственный правовой интерес в деле, отличный от интересов государства.

Таким образом, внутри стороны обвинения существуют противоречия, которые практически выражаются, например, в обжаловании действий и решений государственных органов, участвующих в уголовном процессе. Особенно сильно эти противоречия проявляются на стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела, например, если в возбуждении уголовного дела отказано, и потерпевший этот отказ обжалует. В этом случае, происходит своеобразная «перемена ролей» в процессе. Государство выступает против потерпевшего на стороне лица, совершившего преступление.

Одной из причин возникновения подобных противоречий внутри стороны обвинения является наличие в уголовно-процессуальном законодательстве норм, направленных на защиту прав лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. К числу этих норм относятся нормы уголовно-процессуального права о реабилитации (глава 18 УПК РФ). Наличие в УПК норм о реабилитации, несомненно, оказывает влияние на увеличение числа незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, особенно, в случае разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица. Это обусловлено достаточно простыми причинами. Дело в том, что если уголовное дело будет возбуждено в отношении конкретного лица, а впоследствии прекращено по реабилитирующим подозреваемого это лицо основаниям, то у этого лица возникнет право на реабилитацию. Соответственно, возникнет вопрос о юридической ответственности лиц, возбудивших в отношении гражданина уголовное преследование, как выяснилось впоследствии без достаточных на то оснований. Поэтому правоохранительные органы неохотно возбуждают уголовные дела в отношении конкретных лиц, которые впоследствии могут быть освобождены от уголовной ответственности по реабилитирующим их основаниям.

В то же время, анализ правоприменительной практики в этой области показывает, что на увеличение числа необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел, и, соответственно нарушении прав жертв преступлений, является неопределенность в вопросе о применении ряда правовых презумпций. К ним прежде всего

относится правовая презумпция, предусмотренная нормой права, содержащейся в ст. 14 УПК РФ («презумпция невиновности») в той ее части, в которой все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого (ч. 3 указанной выше статьи).

Анализ юридических оснований отказов в возбуждении уголовного дела, содержащихся в соответствующих постановлениях, показывает, что зачастую именно на эти нормы опираются правоприменители, отказывая в возбуждении уголовного дела. В тоже время в явном виде на эти нормы правоприменители ссылаются редко. Наиболее часто в постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела ссылаются на общую норму, содержащуюся в п. 1 ч.2 ст. 24 УПК [5] — отсутствие в деянии состава преступления. При этом правоприменители зачастую не указывают подробно, какой именно из элементов состава преступления отсутствует в рассматриваемом деянии. Однако, анализ применения этой нормы показывает, что фактически, под отсутствием состава правоприменители подразумевают неустранимые, вернее, как правило, не устраненные на данной стадии сомнения в виновности лица, в отношении которого предполагается возбудить уголовное дело.

Между тем, на стадии разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела вряд ли можно утверждать то, что все процессуальные возможности по доказыванию вины обвиняемого полностью исчерпаны. С другой стороны, возможности доказывания со стороны обвинения на данной стадии процесса существенно ограничены жесткими процессуальными сроками.

Полагаем, что перечисленные в статье проблемы, указывают на необходимость более подробного правового регулирования стадии разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела. По-видимому, конкретному и подробному правовому регулированию в уголовно-процессуальном праве подлежит вопрос о балансе прав лица, совершившего преступление и жертвы этого преступления исходя из принципа реального (а не только формального) равенства прав этих лиц.

Список литературы:

1. «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью» (утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) [электронный ресурс] — Режим доступа. - URL: <http://www.garant.ru>

2. Корнелюк О. В. К проблеме баланса процессуальных статусов сторон в уголовном судопроизводстве / О. В. Корнелюк // Проблемы юридической науки и практики в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов: В 2 ч. — Н. Новгород, 2001. — Вып. 7. — Ч. 1. — С. 179-185
3. Корнелюк О. В. Некоторые аспекты нового уголовно-процессуального законодательства с точки зрения обеспечения правовых статусов потерпевшего и обвиняемого / О. В. Корнелюк // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов: В 2 ч. — Н.Новгород, 2002. — Вып. 8. — Ч. 1. — С. 150-158.
4. Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.garant.ru>
5. Уголовно-процессуальный кодекс [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.garant.ru>
6. Федерального закона от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» говорить о том, что «меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления» [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.garant.ru>

НАСИЛИЕ И УГРОЗА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

Сафиуллин Ринат Ридалиевич

аспирант, ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г Казань

E-mail: safirinrid@yandex.ru

В современном российском уголовном праве к насильственным половым преступлениям против половой неприкосновенности относят изнасилование и насильственные действия сексуального характера.

Одним из обязательных признаков объективной стороны изнасилования и насильственных действий сексуального характера является способ их совершения — применение насилия и угроза применения насилия.

Так, словарь Ожегова определяет насилие как «применение физической силы к кому-нибудь, принудительное воздействие на кого-нибудь, нарушение личной неприкосновенности, притеснение, беззаконие» [12].

Марцев А.И. и Иващенко А.В. в качестве насилия рассматривают «активную сознательную деятельность (поведение), непосредственно направленную против свободного волеизъявления» [5, с. 4].

Сердюк Л.В. определяет насилие как «внешнее, со стороны других лиц умышленное и противозаконное физическое или психическое воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действий» [10, с. 15].

В связи с этим справедливо отмечают исследователи, по последовательности действий насилие всегда предшествует действиям сексуального характера.

Так как, если действие сексуального характера было совершено добровольно, а затем только было применено насилие, то нельзя говорить, что имело место изнасилование или насильственные действия сексуального характера и фактически примененное насилие подлежит самостоятельной квалификации.

В теории уголовного права понятием насилия охватывается физическое и психическое насилие.

Озова Н.А. определяет физическое насилие как «общественно опасное противоправное воздействие на организм другого человека против его воли, повлекшее или способное повлечь причинение вреда его телесной неприкосновенности и здоровью или смерти» [6, с. 54].

Кабашный И.Н., считает, что физическое насилие есть «воздействие на человека, осуществляемое вопреки его воле, нарушающее его телесную неприкосновенность, нередко причиняющее или способное причинить вред его здоровью, ограничивающее свободу волеизъявления или действий потерпевшего либо полностью лишаящее его такой свободы» [2, с. 194].

Иными словами, физическое насилие есть любое применение мускульной силы с целью воздействия на тело потерпевшего, направленное на подавление или предотвращение его сопротивления.

Физическое насилие может быть выражено в нанесении побоев, ином причинении боли, связывании, насильственном удержании и т. п.

Применением физического насилия охватывается причинение побоев, легкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, и, соответственно, дополнительной квалификации по статьям 112, 115 и 116 УК РФ не требуется.

Если же потерпевшему умышленно причинен тяжкий вред здоровью, то действия виновного подлежат дополнительной квалификации по соответствующим частям и пунктам статьи 111 УК РФ.

В тех случаях, когда физическое насилие имело место, но нападающий преследовал цель склонить тем самым потерпевшую к добровольным действиям сексуального характера или применял насилие в отместку за отказ добровольно вступить в половые отношения, состав насильственного полового преступления или покушения на него отсутствует. Виновный должен нести ответственность за фактически совершенное деяние.

При совершении же убийства в процессе изнасилования или насильственных действий сексуального характера, после их окончания либо покушения на него в целях сокрытия совершенного преступления либо по мотивам мести за оказанное сопротивление содеянное виновным также подлежит квалификации по совокупности преступлений по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующим пунктам и частям статьи 131 и 132 УК РФ.

В специальной литературе высказываются различные мнения о признании ограничение свободы потерпевшего как формы насилия, примененного виновным [11, с. 17].

Автор придерживается точки зрения большинства исследователей, которые все-таки признают ограничение свободы формой насилия.

Тем более, по данному вопросу имеется позиция Верховного Суда Российской Федерации.

«Установлено, что С., решив изнасиловать потерпевшую, заведомо зная о ее несовершеннолетнем возрасте, путем обмана, обещая отвести девочку домой, привел ее в свой дом, где изнасиловал.

С. признан виновным и осужден за похищение человека, совершенное в отношении несовершеннолетнего, а также за изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей, заведомо не достигшей четырнадцатилетнего возраста, по п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ» [7].

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, отменяя приговор в части осуждения С. по п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ, указала, что «действия С. по захвату и перемещению потерпевшей помимо ее воли охватывались объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ, и являлись формой насилия, примененного осужденным к потерпевшей» [7].

Психическое насилие рассматривается как «противозаконное, умышленное, информационное или неинформационное воздействие со стороны других лиц на нормальное функционирование психики личности, если это воздействие осуществляется против или помимо воли этой личности и способно причинить ей психическую или физиологическую травму, подавить или ограничить свободу волеизъявления или действий» [11, с. 21].

Угроза применения насилия является способом совершения психического насилия.

При этом ни УК РФ, ни Верховный Суд Российской Федерации в постановлении от «15» июня 2004 года № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» [9] не раскрыли понятия угрозы применения насилия.

В русском языке понятие «угроза» трактуется двояко: «1) запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло; 2) возможная опасность» [13].

В юридической литературе также предпринимались попытки дать определение понятию «угроза».

Так, по мнению, Тыдыковой Н.В. угроза применения насилия есть «любое информационное воздействие на психику человека против его воли и сознания, способное причинить психический или физический вред» [14, с. 284]

Северин Ю.Д. определяет угрозу как «запугивание потерпевшей такими действиями или высказываниями, которые выражали намерение

немедленно применить физическое насилие к самой потерпевшей или к ее близким родственникам» [3, с. 248].

Поддубная Е.В. считает, что под угрозой следует понимать «запугивание потерпевшего лица с целью подавить или пресечь его сопротивление такими действиями или высказываниями, в которых выражается реальное намерение виновного немедленно применить физическое насилие к самому потерпевшему или к другим лицам» [8, с. 97]

Таким образом, угроза применения насилия представляет собой информационное воздействие на потерпевшего, имеющее целью подавить или ограничить свободу его волеизъявления, преодолеть ожидаемое или оказываемое сопротивление.

Виновный преодолевает сопротивление потерпевшего различными способами: словесно, жестами, демонстрацией каких-либо предметов, а также может вытекать и из обстановки.

Если говорить об угрозе, вытекающей из обстановки, то необходимо отметить, что ни УК РФ, ни Пленум Верховного Суда Российской Федерации не указывают на эту форму выражения угрозы.

Так, угроза, вытекающая из обстановки, имеет место, когда угроза применения насилия непосредственно не озвучена, но потерпевшее лицо понимает, что в случае отказа совершить требуемое, будет применено физическое насилие.

Например, если в безлюдном месте группа лиц требует от женщины вступления в половую связь в той или иной форме, то угроза применения насилия вытекает из всей сложившейся обстановки.

Таким образом, угроза, вытекающая из обстановки, есть не что иное, как средство преодоления или предупреждения сопротивления потерпевшего лица совершению вопреки его воле действий сексуального характера, а значит, такая угроза является средством посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность.

Поэтому, имеются все основания включить в понятие «угроза» также и угрозу, вытекающей из обстановки.

Содержанием угрозы применения насилия охватывается и угроза убийством. В этом случае дополнительной квалификации по статье 119 УК РФ не требуется.

Так, например, «09 сентября 2009 года с 00 до 01 часов Т. находясь в квартире 19 дома 4/10 поселка ГЭС г. Набережные Челны, зная, что Г. является несовершеннолетней, предложил ей вступить в половую связь. Получив отказ от Г., подавляя ее волю к сопротивлению нанес не менее 6 ударов кулаком в лицо, 5 – кулаком по голове, 1 — в область левого уха, 6 — головой о стену квартиры, при этом сдавливал шею и высказывал в

ее адрес угрозу убийством. Далее, против воли и желания потерпевшей Т. совершил насильственный половой акт. Действия Т. квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ, то есть изнасилование несовершеннолетней» [1].

Таким образом, Верховный Суд Республики Татарстан дал правильную квалификацию содеянному виновным.

Если угроза убийством была выражена после изнасилования или насильственных действий сексуального характера, то содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ и статье 119 УК РФ.

Обязательными требованиями угрозы являются следующие ее признаки: она должна быть непосредственной, конкретной, и воспринята потерпевшей как реальная, так как только она может парализовать сопротивление женщины.

Таким образом, непосредственный характер угрозы и возможность ее осуществления в данный момент ставят потерпевшую (потерпевшего) «в безвыходное положение, вынуждают уступить домогательствам насильника с тем, чтобы предотвратить грозящее ей (ему) или другим лицам немедленное физическое насилие» [4, с. 21]

Как известно, физическое и психическое насилие должны предшествовать половому акту. Применение насилия или угроза применения насилия после полового акта не могут квалифицироваться как изнасилование и насильственные действия сексуального характера.

Так, «не является изнасилованием добровольное совершение полового акта и последующая угроза избиением в случае, если девочка расскажет кому-нибудь (например, матери) о случившемся» [15, с. 448].

На практике возможны такие ситуации, когда потерпевшее лицо запугано применением к нему насилия в случае обращения в правоохранительные органы или виновное лицо угрожало применить физическое насилие к близкому для потерпевшего лицу, которое находится вне места совершения преступления.

Согласно доктринальному и судебному толкованию, в этом случае действия виновного лица не признаются угрозой применения насилия.

Хотя в этом случае, вышеперечисленные формы угроз могут подавить волю потерпевшего к сопротивлению уже в момент выражения такой угрозы, особенно если это угроза убийством или похищением близкого лица.

Такие угрозы причиняют не меньший психический вред потерпевшему, чем причиняется угрозами нанесения побоев, легкого и средней тяжести вреда здоровью, поэтому должны признаваться угрозами, входящими в состав преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ.

Список литературы:

1. Архив Верховного Суда Республики Татарстан за 2010 год. Дело № 2 — 31/2010.
2. Кабашный И. Н. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов, осуществляющих уголовное преследование: дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2004. — 229 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. Северина Ю.Д. — М.: Юридическая литература, 1980. — 416 с.
4. Конишева Л. П. Понятие психически бессознательного состояния // Российская юстиция. — 1999, № 4.
5. Марцев А. И., Иващенко А. В. Методология правового исследования насилия // Социально — правовые проблемы борьбы с насилием. — Омск, 1996.
6. Озова Н. А. Насильственные действия сексуального характера. — М.: Издательство «Пресс», 2006. — 192 с.
7. Определение СК ВС РФ № 38-О08-31 / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 03.06.2009 г.
8. Поддубная Е. В. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: уголовно — правовая характеристика и квалификация: дисс. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2008. — 219 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=7932;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=6F8FE103B188A26037F05236AEBFCE0B>. (Дата обращения: 19.09.2011).
10. Сердюк Л. В. Криминологическое и уголовно – правовое исследование насилия: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. — Саратов, 2003. — 55 с.
11. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно — правовое исследование. — М.: Юрлитинформ, 2002. — 384 с.
12. Термины на букву «Н» [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=15969> (Дата обращения: 30.09.2011).
13. Термины на букву «У» [Электронный ресурс] / Словарь Ожегова. Токовый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/words/36981.shtml> (Дата обращения: 30.09.2011).
14. Тыдыкова Н. В. О некоторых аспектах понятия «насилия» в половых преступлениях // «Черные дыры» в Российском законодательстве. — 2007, № 3.
15. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / Под ред. А. В. Бриллиантова. — М.: Проспект, 2009. — 1232 с.

СЕКЦИЯ 13

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ АТРИБУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Булнина Ирина Сергеевна

*аспирант кафедры международного и европейского права, КФУ,
г. Казань*

E-mail: ibulnina@gmail.com

Прежде чем приступить к изложению материала введем основные понятия связанные с международными правовыми отношениями.

Международное право — совокупность законов и правил, регулирующих межгосударственные отношения, независимо от специфики национальных законодательных актов. Обычно выделяются две его разновидности:

- международное частное право (МЧП) — совокупность норм внутригосударственного законодательства, международных договоров и обычаев, которые регулируют гражданско-правовые, трудовые и частноправовые отношения, осложненные присутствием иностранных интересов;
- международное публичное право (МПП) — особая правовая система, регулирующая отношения между государствами, формируется или международными организациями или некоторыми другими субъектами международных отношений.

К настоящему времени наибольший интерес для изучения представляет МПП, позволяющее решать в правовом поле целый ряд вопросов и проблем международного характера, но имеющее не столь богатую историю своего развития, насчитывающую не более ста лет.

Одним из наиболее ярких примеров МПП является организация и проведение государствами — членами антигитлеровской коалиции международного военного трибунала над нацистскими военными преступниками в Нюрнберге. Именно здесь впервые было организовано законодательное преследование конкретных физических лиц,

ответственных за развязывание второй мировой войны и геноцид в отношении отдельных национальностей. Нюрнбергский военный трибунал обладает всеми признаками объекта МПП по следующим причинам: он был создан решением международной организации, каждый из основных представителей коалиции имел представительство со стороны обвинения, каждый из обвиняемых имел право на защиту, слушания были открытыми и сопровождались широким освещением в прессе и по радио.

Дальнейшее развитие системы международного публичного права связывается с образованием Организации объединенных наций (ООН) — международной организации ориентированной на решение международных проблем и конфликтов между государствами. Однако законодательной силы решения ООН не имеют, т. к. могут быть заблокированы правом «вето» представителей государств постоянных членов Совета безопасности. Кроме того, в ООН, отсутствует практика рассмотрения вопросов в отношении физических лиц, совершивших серьезные международные преступления.

В связи с этим у международного сообщества возникла необходимость создания инструмента для реализации полномасштабного судебного разбирательства в отношениях, как между государствами, так и в интересах конкретных физических лиц. Таким органом стал Международный суд в Гааге, который является главным судебным органом Организации Объединенных Наций. Он был учрежден в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, подписанным 26 июня 1945 года в Сан-Франциско, для достижения одной из главных целей ООН: «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира». Международный суд начал работать в 1946 году.

В июле 1998 года в Риме 120 государств — членов ООН приняли Римский статут, ставший юридической основой для учреждения постоянного международного уголовного суда. Римский статут вступил в силу 1 июля 2002 года, после того, как его ратифицировали 60 государств. Международный уголовный суд (МУС) — первый постоянный правовой институт, в компетенцию которого входит преследование лиц, ответственных за геноцид, военные преступления и преступления против человечности (Россия не ратифицировала Римский статут до сих пор).

Самые громкие разбирательства международного суда и международного уголовного суда:

- перед Международным судом, самым высоким судебным органом Организации Объединенных Наций, который решает споры между государствами, связанными с предполагаемыми попытками Сербии истребить боснийское мусульманское население Боснии. Оно было подано доктором Фрэнсисом Бойлом, советником Али Иизбеговича во время боснийской войны. Дело слушалось в суде в Гааге, и закончилось 9 мая 2006 (Босния и Герцеговина против Сербия и Черногория);

- дело Насера Орича, обвинявшегося в геноциде сербов, дело слушалось в в июле 2006 г.;

- в начале октября 2002 года Международный суд ООН принял решение относительно спора между Нигерией и Камеруном по поводу принадлежности полуострова Бакасси. 10 октября 1996 года Международный суд в Гааге признал суверенитет Камеруна над территорией полуострова Бакасси.

Германия против США о нарушении Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года. Суть спора: в 1982 году братья Ла Гранд, которые были немецкими гражданами, но не гражданами США, совершили преступления, за которые были приговорены американским судом к смертной казни. В 1999 году приговор привели в исполнение. Германия полагает, что нарушение венской конвенции лишило их граждан надлежащей защиты в суде. Решение Международного суда вынесено 27.06.2001 г.

Таким образом, у международного сообщества впервые появился инструмент для судебного разбирательства и решения проблем международного характера со всеми, связанными с этим процессуальными атрибутами.

Не следует при этом забывать, что некоторые решения Гаагского военного трибунала по военным преступлениям, совершенным в бывшей Югославии носят явно политизированное решение, ориентированное на позиции США и НАТО. Это может быть обусловлено недостаточной политической и международной активностью российских юристов, до сих пор, не обеспечивших ратификацию в нашей стране Римского статута, что делает невозможным проявление правовой активности наших юристов в международных правовых организациях.

Какова же роль адвоката в международном правовом поле? Одной из основных проблем на пути реализации Международного публичного права является отсутствие единой системы международной регламентации прав адвокатов, именно этому посвящена в последние годы активность юридического сообщества. В последние годы приняты

международные стандарты профессиональной деятельности юриста — это общие деонтологические требования (нормы и принципы), которые предъявляются к юристу — судье, адвокату и другим специалистам в области права независимо от государственных границ их профессиональной деятельности в целях гуманизации общественных отношений, утверждения законности и правопорядка в каждой стране мира.

Разработан целый ряд международных документов, регламентирующих деятельность адвокатов, это:

Кодекс правил осуществления деятельности адвокатов Европейского сообщества принят в 1988 г. [2].

Основные положения о роли адвокатов Приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений август 1990 г. Нью-Йорк.

Рекомендация Комитета министров Совета Европы о свободе осуществления профессии адвоката Принята Комитетом министров 25 октября 2000 г..

К этому же разряду можно отнести принятие первого Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации» [1, с. 5].

При этом, как уже отмечалось, на пути организации международного правового поля, в том числе, и в деятельности адвокатов в этом поле имеется довольно много серьезных трудностей, связанных с обширным разнообразием национальной специфики в организации судебного процесса и участия адвоката в этом процессе.

Прежде чем проанализировать содержание этих трудностей необходимо прояснить, что следует понимать под межнациональной деятельностью:

- во-первых, это все профессиональные отношения с адвокатом другой страны-участницы;
- а во-вторых, это деятельность адвоката в другой стране-участнице.

Если первая из этих проблем достаточно успешно может быть решена за счет хорошей языковой и общетеоретической подготовки, то решение второй проблемы создает массу трудностей организационного характера.

К наиболее серьезной из них следует отнести необходимость сдачи квалификационного экзамена для получения права на ведение адвокатской деятельности в данном регионе или государстве. При этом следует помнить, что право на адвокатскую деятельность, например, в одном из штатов не дает права заниматься этой деятельностью в другом.

То же самое касается и многих федеральных европейских государств. Не следует также забывать, что процесс сдачи квалификационного экзамена достаточно длителен, трудоемок и может занимать несколько месяцев. Отсюда вытекает, что подготовка универсальных международных адвокатов не целесообразна, и, скорее всего, невозможна.

С другой стороны, низкий уровень международной активности российских юристов вообще и адвокатов, в частности создает для нашей страны массу проблем, связанных с невозможностью непосредственной защиты интересов страны в международных правовых организациях, а, следовательно, необходимость обращения к иностранным специалистам при необходимости решения вопросов в международных судах.

В связи с этим возникают достаточно серьезные трудности в подготовке специалистов, которые должны владеть представлять интересы России в международных судах. Такие специалисты должны не только владеть юридической информацией о правовом поле стран участниц разбирательства. Более того, такой специалист должен иметь право работать в судах иностранных государств, а для этого необходима поддержка государственных юридических структур молодым юристам, желающим защищать интересы страны в международных правовых организациях (в виде стипендий на обучение и сдачу квалификационных экзаменов).

Подводя итоги всему сказанному выше, необходимо отметить достаточно заметное развитие на протяжении последних десятилетий, как международной правовой системы, так и документов регламентирующих права и обязанности его участников. Все это создает и благоприятные возможности для развития правового решения международных проблем, и резко повышает требования к уровню подготовки будущих специалистов юридического профиля в нашей стране, в том числе и адвокатов. Это предполагает необходимость организации не только жесткого профессионального отбора будущих юристов, но и сближение отечественной и зарубежной программ их подготовки.

Список литературы:

1. Адвокатская деятельность и адвокатура в России. Введение в специальность. Часть 1. /Под общей редакцией проф. И.Л. Трунова — М.: Эксмо, 2006. — 560 с.
2. Гутников А. — Профессиональная этика юриста. Этика адвоката: учебно-методическое пособие «Профессиональная этика юриста : Адвокатская этика» [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ukrreferat.com/index.php?referat=218&pg=4&lang=book>

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Искевич Ирина Сергеевна

*канд. юрид. наук, доцент Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Тамбовский Государственный Технический Университет,
г. Тамбов*

E-mail: irina_77707@list.ru

С принятием Конституции в 1993 году и началом демократических реформ Российская Федерация начала сближение с европейским сообществом, в котором на должном уровне уже были развиты механизмы по защите прав и свобод человека, подкрепленные соответствующими нормативно-правовыми актами и контролируемые специальными органами. Одним из таких органов является Европейский Суд по правам человека, действия и решения которого стали распространяться на Российскую Федерацию, в связи со вступлением последней в Совет Европы и ратификацией Конвенции по защите прав человека и основных свобод. Россия ратифицировала Конвенцию 30 марта 1998 г, а из Протоколов к ней только 14-й протокол 18 февраля 2010 года [7, с. 30].

Вступившая в силу 3 сентября 1953 г. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод не только провозгласила основополагающие права человека, но и создала особый механизм их защиты [7, с. 2].

Изначально этот механизм включал в себя три органа, которые несли ответственность за обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя государствами-участниками Конвенции: Европейскую Комиссию по правам человека, Европейский Суд по правам человека и Комитет министров Совета Европы.

С 1 ноября 1998 г., по вступлении в силу Протокола № 11, первые два из этих органов были заменены единым, постоянно действующим Европейским Судом по правам человека. Его местонахождение — Дворец прав человека в Страсбурге (Франция), где находится и сам Совет Европы [7, с. 3].

В соответствии со статьей 45 Европейской Конвенции по правам человека Юрисдикция Суда распространяется на все дела, касающиеся толкования и применения Конвенции и, как показывает практика работы

суда, он всеобъемлюще толкует права и свободы человека, не допуская при этом каких-либо изъятий этих прав со стороны государств-членов Совета Европы [4, с. 7].

Согласно Европейской Конвенции по правам человека, «решения Суда должны быть мотивированными» (ст. 51), окончательными (ст. 52), страны - члены Совета Европы обязуются выполнять решение Суда по любому делу, в котором они являются сторонами (ст. 53). Надзор за их выполнением осуществляет Кабинет Министров (ст. 54) [3, с. 7].

Согласно первоначальной системе все жалобы, поданные индивидуальными заявителями или государствами-участниками Конвенции, становились предметом предварительного рассмотрения Европейской Комиссии по правам человека. Она рассматривала вопрос об их приемлемости и при положительном решении передавала дело в Европейский Суд по правам человека для принятия окончательного, имеющего обязательную силу решения. Если дело не передавалось в Суд, оно решалось Комитетом министров. С 1 октября 1994 г. заявителям было предоставлено право самим передавать свои дела в Суд по жалобам, признанным Комиссией приемлемыми [7, с. 2].

Европейский Суд призван обеспечивать неукоснительное соблюдение и исполнение норм Конвенции ее государствами-участниками. Он осуществляет эту задачу путем рассмотрения и разрешения конкретных дел, принятых им к производству на основе индивидуальных жалоб, поданных физическим лицом, группой лиц или неправительственной организацией. Возможна также подача жалобы на нарушение Конвенции государством-членом Совета Европы со стороны другого государства-члена [4, с. 3].

Начав свою деятельность в 1959 г., Европейский Суд к концу 1998 г. рассмотрел более тысячи дел, подавляющее большинство из которых по жалобам граждан. Сегодня можно сказать, что все нормы, содержащиеся в разделе I Конвенции, а также нормы Протоколов, дополняющие этот раздел, применяются так, как они истолкованы в решениях Европейского Суда [7, с. 4].

Ратификация Россией Европейской Конвенции позволяет всем лицам, находящимся под ее юрисдикцией, обращаться в Европейский Суд, если они считают свои права нарушенными. Это положение нашло отражение в статье 46 ч. 3 Конституции Российской Федерации, в которой говорится, что «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [8, с. 34].

При этом прежде, чем жалоба будет подана в Суд, необходимо строгое соблюдение нескольких неперенных условий.

Во-первых, предметом жалобы могут быть только права, гарантируемые Конвенцией или ее Протоколами. Перечень этих прав достаточно широк, но в нем отсутствуют некоторые права, известные новейшему конституционному законодательству. В частности, Конституция Российской Федерации (глава 2 «Права и свободы человека и гражданина» [8, с. 20]), охватывая те права человека, о которых говорит Конвенция, называет и некоторые другие, например, право на труд, право на социальное обеспечение и др. Эти права закреплены в другой Конвенции Совета Европы — Европейской социальной хартии, однако юрисдикция Европейского Суда основана исключительно на Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Во-вторых, жалоба может исходить только от самого потерпевшего. Даже в том случае, когда жалобу подает объединение лиц, каждый должен доказать свои конкретные личные претензии.

В-третьих, жалоба должна быть подана не позднее чем через шесть месяцев после окончательного рассмотрения вопроса компетентным государственным органом.

В-четвертых, жаловаться можно только на те нарушения, которые имели место после даты ратификации Конвенции Россией.

В-пятых, для того, чтобы жалоба была признана приемлемой по существу, заявителем должны быть исчерпаны все внутригосударственные средства защиты своего права, и, прежде всего судебные средства такой защиты.

Ратификация Конвенции и признание юрисдикции Европейского Суда означает также и то, что деятельность всех российских органов государственной власти, в особенности судебных, их решения и используемые процедуры, равно как и решения законодательных органов, не должны противоречить положениям Конвенции, тем более, что в соответствии со статьей 15 (ч.4) Конституции Российской Федерации [8, с. 11] она образует составную часть российской правовой системы.

Европейский Суд не является высшей инстанцией по отношению к судебной системе государства-участника Конвенции. Поэтому он не может отменить решение, вынесенное органом государственной власти или национальным судом, не дает указаний законодателю, не осуществляет абстрактный контроль национального законодательства или судебной практики, не имеет права давать распоряжения о принятии мер, имеющих юридические последствия. Суд рассматривает только конкретные жалобы с тем, чтобы установить, действительно ли были допущены нарушения требований Конвенции. Однако Суд вправе присудить «справедливое удовлетворение претензии» в виде финансовой компенсации материального ущерба и морального вреда, а также возмещение выигравшей стороне всех издержек и расходов.

За всю многолетнюю практику Европейского Суда не было зафиксировано ни одного случая неисполнения государствами-членами Совета Европы решений Суда. Иное, согласно Уставу Совета Европы, может привести к приостановлению членства государства и, в конце концов, в соответствии с решением Комитета министров — исключению государства из состава Совета Европы. В случае, если государство констатирует, что без изменения законодательства или судебной практики рассмотренная Европейским Судом ситуация может повториться, оно, как правило, осуществляет необходимые новации.

В соответствии со статьей 46 Конвенции надзор за исполнением решений Суда осуществляет Комитет министров Совета Европы, который во исполнение этой нормы призван следить не только за своевременной выплатой денежной компенсации, но и за тем, как государство-участник Конвенции исправляет ставшие очевидными в свете решения Суда расхождения норм его внутреннего права или позиции судебной практики со стандартами Совета Европы. Юридически решение, вынесенное Судом, обязательно лишь для государства-ответчика по делу. Однако нередко значимость решений Суда выходит за национальные пределы, воздействуя на право и судебную практику и других государств-участников Конвенции [5, с. 15].

По своей структуре Европейский суд состоит из числа судей, равного числу государств-членов. В суде не должно быть двух представителей одного и того же государства. Судьи избираются Парламентской Ассамблеей Совета Европы сроком на шесть лет с правом переизбираться на новый срок, и из числа лиц, представленных государствами-членами Совета Европы. Судья должен уйти в отставку по достижении им 70 лет. Возрастные ограничения для судей были введены ввиду возрастающей нагрузки на них и увеличения объема работы. Каждый член Совета выдвигает трех кандидатов, из которых, по крайней мере, двое должны быть гражданами этого государства. Судьи выступают в Суде в личном качестве и в процессе исполнения своих обязанностей являются полностью независимыми. В течение своего срока полномочий судьи не должны занимать никаких должностей, несовместимых с их независимостью и беспристрастностью как членов суда [1, с. 68].

Автор отмечает существенное влияние прецедентов Европейского Суда на российскую правовую систему [12, с. 73]. Несмотря на особое значение и статус Европейского Суда до сих пор открытым остается вопрос о характере выносимых Судом постановлений и их значении в российской правоприменительной практике. Относительно этого вопроса сформировалось два подхода. Ряд исследователей указывают на обязательную силу только тех постановлений Европейского Суда,

которые вынесены с участием России [14, с. 53]. Другие авторы подчеркивают обязательный характер всех постановлений Европейского Суда, как адресованных непосредственно РФ, так и вынесенных в адрес иных государств [15, 22]. Пытаясь разрешить дискуссию между сторонниками обозначенных позиций, следует проанализировать положения, содержащиеся в постановлениях высших судебных инстанций России. Так, в п. 11 Постановления Пленума ВС РФ от 10.10.2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» [11, с. 9] указано, что постановления Европейского Суда в отношении РФ, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти РФ, в том числе и для судов. Вместе с тем в п. 10 отмечается, что применение судами ЕК должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ во избежание любого нарушения Конвенции. Следовательно, акты, вынесенные в адрес РФ, обязательны для применения и исполнения. Контроль за выполнением постановлений Суда осуществляется со стороны Комитета министров Совета Европы (ч. 2 ст. 46 Конвенции). Акты, адресованные другим государствам-участницам Конвенции, обязательны для РФ лишь в той части, в которой содержат толкование норм Европейской Конвенции. Обусловлено это тем, что Европейский Суд при принятии постановлений руководствуется своей прецедентной практикой, при этом не связан субъектным составом прецедента, т.е. при изложении постановлений по жалобам против РФ ссылается на свои решения по делам против других государств [13, с. 56].

В свете важности выполнения государствами — членами Совета Европы своих международных обязательств особую актуальность наряду с другими вопросами приобретает вопрос о соотношении Конвенции и внутригосударственного права. В соответствии с Конституцией РФ международные договоры, в том числе и Конвенция, являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ч. 4 ст. 15). Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ (ч. 1 ст. 17) [10, с. 20].

С учетом вышеизложенных норм Конституции РФ следует согласиться с В. Д. Зорькиным, который сделал вывод о том, что «положения Конституции, закрепляющие конкретные права и свободы человека и гражданина, должны толковаться Конституционным Судом согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» [6, с. 295]. Представляется, что подобное толкование, связанное

с невозможностью обособления положений Конституции РФ, а также законодательства в сфере прав и свобод человека и гражданина от стандартов Конвенции, должно стать единственно возможным в условиях правового демократического государства. При этом понимание применения российского конституционного законодательства в свете норм Конвенции и прецедентов Европейского Суда по правам человека должно быть свойственно не только Конституционному Суду РФ, но и всей судебной системе страны, а также всем иным органам публичной власти.

В данном случае должны применяться правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержащиеся в его решениях, вынесенных в отношении не только Российской Федерации, но и других государств — участников Конвенции.

Следовательно, для России решения Европейского Суда по правам человека, вынесенные против нее не будут являться обязательными, поскольку в их основе лежат прецедентные нормы, которые не свойственны для правовой системы Российской Федерации. Существует мнение, что Конвенция в силу своей природы содержит основу для того, чтобы постепенно трансформироваться в некую общую правовую систему для участвующих в ней государств, и одной в важных предпосылок для этого является прямое действие норм Конвенции [9, с. 38]. Следовательно, любой российский суд имеет все возможности для того, чтобы не только ссылаться в своей повседневной практике на положения Конвенции и решения Европейского Суда по правам человека как на подтверждение соответствия им норм внутригосударственного законодательства, но и применять указанные источники права в качестве основания для вынесения приговора в том случае, если им противоречат нормы российского законодательства.

Неоспоримым является тот факт, что национальные суды, представляя собой составную часть европейской системы защиты прав человека, несут ответственность за качество реализации Конвенции в нашем государстве. Именно национальным судам первоначально предоставляется возможность рассмотреть дело о предполагаемом нарушении Конвенции и восстановить права и свободы в том случае, если нарушение будет выявлено судом, а также указать на проблемы, связанные с пробелами в законодательстве или недостатками в правоприменительной практике.

Таким образом, если Российская Федерация стремится быть частью единой Европы, то это потребует соответствующей корректировки существующих подходов к защите конституционных прав и свобод человека и гражданина в свете Конвенции.

Список литературы:

1. Бессарабов В. Г. Европейский Суд по правам человека: учебно- практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2003— 248 с.
2. Глотов С. А., Петренко Е. Г. Права человека и их защита в Европейском Суде. Краснодар: Юг, 2000. — 142 с.
3. Глотов С. А., Петренко Е. Г. Права человека и их защита в Европейском Суде. Краснодар: Юг, 2000. — 142 с.
4. Европейская конвенция по правам человека. Право и практика. [электронный ресурс] — Режим доступа. <http://www.echr.ru/court/index.htm>.
5. Европейская конвенция по правам человека. Право и практика. [электронный ресурс] — Режим доступа. <http://www.echr.ru/court/index.htm>.
6. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007. — 400 с.
7. Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» от 04.11.1950 г. // Собрание законодательства РФ 08.01.2001, № 2, ст. 163.
8. Конституция РФ 12.12.1993 г. (с изменениями от 30.12.2008 г.) // Российская газета 21 января 2009 г. № 7.
9. Лукьянцев Г. Е. Европейские стандарты в области прав и свобод человека: Теория и практика функционирования Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. М.: Звенья, 2000. — 279 с.
10. Николаев А. М. Конституционно-правовое значение Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Закон и право. — 2008. — № 1. — с. 20-23.
11. О применении судами общей юрисдикции и общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ: Постановление Пленума ВС РФ от 10.10.2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/
12. Рехтина И. В. Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека: проблемы теории и практики // Российская юстиция. — 2007. — № 11. с. 73-76.
13. Соловьева Т. В., Воронцова И. В. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации. Волтерс Клувер, 2010. — 224 с.
14. Султанов А. Р. Правовые последствия постановлений Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. — 2011. — № 9 [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.iuaj.net/node/811>
15. Султанов А. Р. Влияние на право России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентов Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. № 12. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://sutyajnik.ru/documents/4130.pdf>

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАКТ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ КАК ИСТОЧНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Луць Оксана Николаевна
аспирант, РУДН, г. Москва
E-mail: lutzoxy@gmail.com

Международные избирательные стандарты, по мнению автора, следует рассматривать как формирующиеся на базе императивного принципа уважения основных прав и свобод человека, основополагающие нормы международного права, устанавливающие минимальный уровень международно-правового регулирования общественных отношений в сфере организации и проведения выборов, которые государства обязуются придерживаться в своей национальной правовой системе.

В 1966 г. с принятием под эгидой ООН двух Международных пактов о гражданских и политических правах человека и об экономических, социальных и культурных правах завершился проект по созданию Международного билля о правах человека [16, с. 7]. Указанные документы в соответствии с Уставом ООН, опираясь на положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г., закрепили универсальные международные договорные нормы, обязательные для всех государств [16, с. 7].

По мнению автора, наибольший интерес представляет анализ Международного пакта о гражданских и политических правах человека, так как именно в указанном документе непосредственно отражены международные избирательные стандарты, включающие, во-первых, права человека, относящиеся к процедуре выборов, во-вторых, критерии или функциональные характеристики их организации и проведения.

Учитывая недостатки, присущие, по мнению автора, Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [1, с. 460-464]: ее формально необязательный характер, отсутствие органа, осуществляющего надзор за соблюдением положений Декларации 1948 г., Пакт 1966 г., представляя собой международный договор, предусматривал создание специального механизма, призванного осуществлять мониторинг соблюдения государствами-сторонами Пакта его положений. Так в соответствии со статьей 28 Пакта был образован Комитет ООН по правам человека (United Nations Human Rights Committee) [5, с. 53-57].

Помимо функции мониторинга, осуществляемого посредством изучения Комитетом докладов, представляемых государствами-участниками о принятых ими мерах «по претворению в жизнь прав, признаваемых в настоящем Пакте, и о прогрессе, достигнутом в использовании этих прав» [5, с. 53-57], в полномочия Комитета входит также функция толкования положений Пакта. В соответствии со статьей 40 Пакта указанная функция реализуется посредством принятия последним замечаний общего порядка, являющихся своего рода руководством в применении государствами-участниками отдельных положений Пакта [2, с. 304-310].

Кроме того, 16 декабря 1966 г. резолюцией ГА ООН, принявшей Пакт 1966 г., был также открыт для подписания первый Факультативный протокол, устанавливающий, что «государство-участник Пакта, которое становится участником настоящего Протокола, признает компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте» [15, с. 483-485]. В настоящий момент участниками Факультативного протокола являются 114 государств [3].

Указанные функции, закрепленные за Комитетом, являются основой механизма, созданного в рамках Пакта 1966 г., и обеспечивающего соблюдение его положений. Данный механизм способствовал признанию Пакта не просто как формального юридического документа, но как реально действующего нормативного инструмента.

Вместе с тем ни Пакт, ни Факультативный протокол к нему не предоставляют Комитету полномочий по принятию толкований или соображений относительно индивидуальных жалоб, связывающих государства-стороны Пакта и Факультативного протокола юридическими обязательствами. В этой связи в науке международного права дискуссионным остается вопрос юридической природы решений, выносимых Комитетом — замечаний общего порядка, соображений относительно индивидуальных жалоб. В целом сущность дискуссии сводится к трем подходам.

С точки зрения первого подхода замечания общего порядка и соображения Комитета относительно индивидуальных жалоб носят рекомендательный характер, так как в условиях сотрудничества государств властные методы не способствуют эффективности реализации соглашений, а скорее затрудняют содействие их осуществлению [4, с. 66].

Второй подход предлагает определять статус каждого отдельно взятого замечания общего порядка, соображения Комитета по индивидуальной жалобе в зависимости от результатов детального анализа реакции государств-участников на указанные документы [14, с. 85].

Третий подход рассматривает решения Комитета ООН по правам человека через призму обычного права [6, с. 171-172]. С этой точки зрения документы Комитета, в которых содержится толкование Пакта 1966 г., являются дополнительными инструментами, подтверждающими существование в той или иной сфере, связанной с правами человека, обычных норм международного права.

Автор не ставил перед собой цель — выявить правильность каждого из описанных выше подходов, вместе с тем отмечал, что ни один из них не отрицает рассмотрение замечаний общего порядка Комитета ООН по правам человека, его соображений по результатам рассмотрения индивидуальных жалоб в качестве вспомогательных средств для определения сущности международных избирательных стандартов, содержащихся в Пакте. Именно с этой точки зрения указанные документы Комитета были исследованы автором в настоящей статье.

Международные избирательные стандарты зафиксированы в статье 25 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. в соответствии с которой:

«Каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации, упоминаемой в статье 2, и без необоснованных ограничений право и возможность: а) принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей; б) голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей; с) допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе» [5, с. 53-57].

По смыслу статьи 2 Пакта 1966 г., а также пункта 1 Замечаний общего порядка и общих рекомендаций Комитета ООН по правам человека № 25 «Право принимать участие в ведении государственных дел», принятых в рамках статьи 40 Пакта, «независимо от того, какая в стране действует конституция или какое правительство в ней находится у власти, согласно положениям Пакта государства обязаны принять такие законодательные и другие меры, которые необходимы для осуществления прав, признаваемых в настоящем Пакте» [2, с. 304-310].

Таким образом, статья 2 Пакта и пункт 1 Замечаний подчеркивают, что положения Пакта в целом и статьи 25 в частности связывают государства, подписавшие и ратифицировавшие Пакт, юридическими обязательствами. Логическим следствием этого, по мнению автора, является то, что нормы статьи 25 Пакта, совпадающие по смыслу с положениями статьи 21 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [1, с. 460-464], сообщают последним юридически обязательный характер.

По мнению автора, сравнительный анализ двух указанных статьей указывает на их концептуальное сходство, но выявляет вместе с тем ряд отличий структурного и содержательного характера.

Относительно структуры двух статей, необходимо отметить, что порядок пунктов 2 и 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [1, с. 460-464], совпадающих соответственно с пунктами «с» и «b» Пакта 1966 г. [5, с. 53-57], в последнем документе был изменен, а именно: право на равный доступ к государственной службе в статье 25 Пакта следует после избирательных прав человека и критериев организации и проведения выборов, что, по мнению автора, представляется логически правильным.

Так же как и в статье 21 Декларации 1948 г. [1, с. 460-464] опорным положением статьи 25 Пакта выступает право на участие, термин «демократия» в статье 25 не используются. Лишь в нескольких статьях Пакта (статьи 14, 21, 22) упоминается термин «демократическое общество», содержание которого не следует из контекста [5, с. 53-57].

Статья 25 Пакта открывается словами «каждый гражданин» [5, с. 53-57]. Подобная формулировка уточняет положение, используемое в статье 21 Декларации 1948 г.: «каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной» [1, с. 460-464], привязывая такое право к институту гражданства. В этом смысле статья 25 Пакта 1966 г. передает в компетенцию национальных законодательных органов право решать, каких лиц каждое конкретное государство рассматривает в качестве своих граждан.

Отличие от статьи 21 Декларации статья 25 Пакта предоставляет каждому гражданину не только право, но и возможность принимать участие в ведении государственных дел. Отсылка на «возможность» указывает государствам на необходимость гарантировать права, предусмотренные статьей 25, не только *de jure*, но и *de facto*. В этой связи государства должны принимать соответствующие меры, направленные на эффективную реализацию соответствующих прав. Об этом говорит и пункт 11 Замечаний общего порядка [2, с. 304-310].

Важным элементом статьи 25 Пакта в отличие от статьи 21 Декларации является недискриминации, что следует из ссылки *in limine* на статью 2 Пакта, и из упоминания принципа равенства в подпунктах «b» и «с» [5, с. 53-57].

В Замечаниях № 25 Комитет дополнительно пояснил, что осуществление гражданами прав, предусмотренных статьей 25 Пакта, «может быть приостановлено или отменено только по установленным законом объективным и обоснованным причинам» [2, с. 304-310].

Например, в деле Антонина Игнатане против Латвии (Сообщение № 884/1999) [10], связанном с дискриминационным отказом в праве на участие в выборах, автор сообщения была исключена из списка кандидатов на муниципальных выборах в связи с тем, что к кандидатам предъявлялось требование о знании официального языка государства. В Сообщении № 884/1999 Комитет отметил, что в статье 25 Пакта 1966 г. содержится специальная ссылка на статью 2 относительно того, что язык является одним из запрещенных оснований для установления каких-либо ограничений в свете статьи 25 Пакта.

В деле Комитет установил в отношении автора сообщения нарушение статьи 25 в сочетании со статьей 2 Пакта 1966 г., подчеркнул необходимость со стороны Латвии принять меры для предотвращения в будущем аналогичных нарушений Пакта и указал на то, что «хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых для практического осуществления соображений Комитета» [10].

Вместе с тем, некоторые ограничения прав, закрепленных в статье 25 Пакта, могут устанавливаться, но в соответствии с пунктом 4 Замечаний № 25 «должны основываться на объективных и обоснованных критериях» [2, с. 304-310]. Предел обозначенных ограничений, как указывалось выше, вырабатывается практикой Комитета в связи с рассмотрением индивидуальных сообщений заявителей, а также посредством принятия замечаний общего порядка.

Например, обоснованным в силу Замечаний № 25 Комитета признается требование более высоко возрастного порога для занятия определенных выборных постов. Психическая недееспособность, в соответствии с Замечаниями Комитета также может служить достаточным основанием для отказа лицу в праве голосовать и быть избранным « [2, с. 304-310].

В пункте «а» статьи 25 Пакта содержится центральное положение, гарантирующее каждому гражданину право на участие («*take part clause*»), предусмотренное также пунктом 1 статьи 21 Декларации. В

силу пункта 2 Замечаний № 25 данное право должно рассматриваться, прежде всего, в качестве права, присущего личности « [2, с. 304-310].

Замечания общего порядка № 25 указывают на то, что право на участие в контексте статьи 25 представляет собой «широкое понятие, связанное с осуществлением политических полномочий, в частности, с реализацией законодательных, исполнительных и административных полномочий. Оно охватывает все аспекты государственного управления, а также разработку и осуществление политики на международном, национальном, региональном и местном уровнях» [2, с. 304-310]. В этом смысле оно совпадает с содержанием «права на участие в управлении своей страной», определенном в статье 21 Декларации [1, с. 460-464].

Пункт «b» статьи 25 Пакта 1966 г. определяет выборы как средство выражения свободного волеизъявления избирателей [5, с. 53-57]. По мнению автора, данный пункт уточняет закрепленное пунктом «a» статьи 25 право участвовать в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей, устанавливая, что такое право реализуется посредством выборов. При этом в соответствии с Замечаниями общего порядка № 25 под термин «выборы» подпадают также референдумы «за изменение конституции страны или по другим государственным вопросам» [2, с. 304-310], а также иные избирательные процедуры, осуществляемые в соответствии с пунктом «b» статьи 25 Пакта [5, с. 53-57].

В отличие от пункта 1 статьи 21 Декларации 1948 г. [1, с. 460-464] пункт «b» статьи 25 Пакта 1966 г. [5, с. 53-57] закрепил новеллу в соответствии, с которой каждый гражданин имеет право и возможность не только выражать свою волю посредством голосования, но и быть избранным, то есть выдвигать себя на должность в качестве кандидата, в том числе независимого, при проведении выборов в законодательные, исполнительные, иные органы власти на разных уровнях.

Ограничение права быть избранным также должно основываться на объективных и разумных критериях. Так в деле Литер Чиико Бвалья против Замбии (Сообщение № 314/1988) [8] Комитетом было установлено нарушение статьи 25 Пакта связи с тем, что автору сообщения, руководителю политической партии, оппозиционной бывшему президенту Замбии, не была предоставлена возможность участвовать в избирательной кампании и должным образом представить свою кандидатуру на основании его членства в политической партии, не являющейся официально признанной.

Вместе с тем отдельные группы или категории лиц при наличии обоснованных и объективных критериев и в соответствии с

положениями национального законодательства могут ограничиваться в праве быть избранными. Ключевую роль в установлении обоснованности и объективности таких критериев играет Комитет ООН по правам человека.

Так в деле Джозеф Дебречени против Нидерландов (Сообщение № 500/1992) [9] Комитет указал на то, что отказ в предоставлении мандата депутата местного законодательного собрания полицейскому национальной полиции, избранному на эту должность, не следует рассматривать как нарушение права быть избранным, предусмотренного статьей 25 Пакта. В этой связи Комитет ООН по правам человека отметил, что «ограничения в праве быть избранным в местный законодательный орган могут быть установлены соответствующим законом по объективным причинам, связанным, например, с тем, что избранное лицо находится в подчинении местной администрации или утверждается на свою профессиональную должность с согласия последней» [9].

Право быть избранным впервые на международном уровне закрепленное в статье 25 Пакта корреспондирует положению пункта 15 Замечаний № 25 в соответствии с которым «эффективное осуществление права и возможности быть избранным обеспечивает лицам, имеющим право голоса, свободу выбора кандидатов» [2, с. 304-310]. Таким образом, соблюдение данного права гражданина является одним из факторов, гарантирующих состязательный характер выборов.

Пункт 3 статьи 21 Декларации 1948 г. [1, с. 460-464] и пункт «b» статьи 25 Пакта 1966 г. [5, с. 53-57] закрепляют аналогичные критерии или функциональные характеристики организации и проведения выборов, указывая на то, что они должны быть периодическими, подлинными, проводиться на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивать свободное волеизъявление избирателей.

В соответствии с пунктом 9 Замечаний № 25 критерий периодичности выборов означает, что они «должны проводиться через промежутки времени, которые не являются чрезмерно продолжительными» [2, с. 304-310]. Процессу организации и проведения выборов должен быть присущ, таким образом, циклический или регулярный характер, предполагающий ротацию политической власти.

Несмотря на то, что ни сам Пакт 1966 г., ни Замечания № 25 не раскрывают значения критерия подлинности выборов, зарубежные [16, с. 10] и отечественные [7, с. 265] исследования указывают на то, что он неразрывно связан с осуществлением на стадии

организации и проведения выборов таких политических прав, гарантированных Пактом, как например, право на свободу собраний (статья 21) и ассоциаций (статья 22), на свободу выражения своего мнения (статья 19) [5, с. 53-57]. Соблюдение данных прав на протяжении всего избирательного процесса формирует почву для возникновения, существования и развития в государстве независимых политических сил, что обеспечивает гражданам возможность реального выбора между различными политическими ценностями, идеями, программами. Замечания № 25 в пункте 25 подчеркивают особое значение таких прав [5, с. 53-57].

В соответствии с положениями Пакта 1966 г. любое ограничение предусмотренных им прав должно, во-первых, предусматриваться национальным законом, во-вторых, устанавливаться в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц [5, с. 53-57].

Например, в деле Ким Йонг-Чеол против Республики Кореи (Сообщение № 968/2001) [12], автор сообщения журналист по профессии указал на неправомерность привлечения его к уголовной ответственности за опубликование в национальном ежедневном издании статьи о результатах опросов общественного мнения по вопросу о выборах президента до проведения соответствующих выборов, что было запрещено национальным законом. Последний ограничивал публикацию результатов опроса общественного мнения 23 дневным сроком до даты проведения выборов. В этой связи автор сообщения сослался на нарушение государством его права, предусмотренного статьей 19 (право распространять информацию и идеи), в совокупности с нарушением пунктов «а» и «b» статьи 25 Пакта.

Комитет не усмотрел в данном деле нарушения указанных статей, мотивировав это тем, что, во-первых, ограничения, о которых идет речь, были установлены законом, и, во-вторых, они являются обоснованными с точки зрения защиты общественного порядка, поскольку объясняются со стороны государства «желанием предоставить электорату ограниченный период для размышлений, во время которого он будет изолирован от соображений, не имеющих отношения к вопросам, по которым ведется спор во время выборов» [12].

Критерий всеобщего избирательного права предполагает, что каждому гражданину на недискриминационной основе гарантируется право голосовать и баллотироваться на выборах.

С практической точки зрения всеобщее избирательное право реализуется посредством включения гражданина в специальный список

избирателей. В частности, в деле Фонгумом Горджи-Динкой против Камеруна (Сообщение № 1134/2002) [13, с. 558-566] Комитет отдельно указал на то, что в случае отсутствия имени избирателя в избирательном списке или исключения его из этого списка, он не может осуществлять свое право голосовать или баллотироваться на выборах.

В соответствии с пунктами 14 и 15 Замечаний общего порядка № 25 причины, лишаящие граждан всеобщего избирательного права, должны быть объективными и обоснованными [2, с. 304-310].

Так в деле Фонгумом Горджи-Динкой против Камеруна Комитет пришел к заключению, что исключение автора сообщения из списка избирателей в связи с наличием у него в прошлом судимости, составляет нарушение его прав по пункту «b» статьи 25 Пакта. В этом отношении Комитет сослался на пункт 14 Замечаний № 25 в соответствии, с которым «лицам, лишенным свободы, но еще не осужденным, не может быть отказано в осуществлении их права голоса» [2, с. 304-310].

Вместе с тем Комитет в своих соображениях неоднократно указывал на то, что всеобщее избирательное право не является правом абсолютным и может подвергаться ограничениям при условии, если они не являются дискриминационными или неразумными [9].

Критерий равного избирательного права соответствует максиме «один избиратель — один голос» и предполагает в силу пункта 21 Замечаний, что в рамках любой принятой в государстве избирательной системы голоса всех избирателей имеют одинаковый вес. В этом же пункте Комитет фактически сослался на недопустимость нарушения критерия равного избирательного права путем применения метода, получившего название джерримендеринг, указав на то, что «порядок определения границ избирательных участков и метод учета численности избирателей не должны противоречить их фактическому распределению, не должны приводить к дискриминации в отношении какой-либо группы населения» [2, с. 304-310].

В частности в деле Истван Матиуш против Словакии (Сообщение № 923/2000) [11]. Комитет установил, что существующее в разных районах одного из городов Словакии непропорциональное различие числа жителей или зарегистрированных избирателей на одно место в городском совете является нарушением статьи 25 Пакта в связи с нарушением требования о равенстве избирательных прав.

В соответствии с пунктом 20 Замечаний № 25 критерий тайности голосования означает, что «избиратели должны быть защищены от какого бы то ни было давления или принуждения с целью разглашения их намерений при голосовании, а также от любого незаконного или произвольного вмешательства в процесс выборов» [2, с. 304-310]. С

практической точки зрения это подразумевает, что в ходе проведения выборов никто, кроме голосующего, не имеет доступа к избирательному бюллетеню посредством которого он выражает свое волеизъявление, кроме случаев когда необходимо обеспечить независимую помощь инвалидам, слепым и неграмотным людям. Тайна голосования включает в себя также правило в соответствии, с которым все бюллетени, опущенные в ящик для голосования, являются анонимными, то есть с их помощью невозможно установить личность голосовавшего.

Заключительным функциональным элементом организации и проведения выборов, предусмотренным пунктом «b» статьи 25 Пака, является обеспечение свободного волеизъявления избирателей [5, с. 53-57]. В соответствии с пунктом 19 Замечаний № 25 указанный критерий предусматривает, что «лицам, имеющим право голоса, должна быть предоставлена возможность свободно голосовать за любого выдвинутого кандидата, а также за любое предложение, вынесенное на референдум или плебисцит, или против него, голосовать в поддержку правительства страны или против него без чрезмерного влияния или какого-либо принуждения, которое может помешать или препятствовать свободному волеизъявлению избирателей» [2, с. 304-310].

Аналогично пункту 3 статьи 21 Декларации 1948 г. [1, с. 460-464] критерий обеспечения свободного волеизъявления, установленный статьей 25 Пакта 1966 г. [5, с. 53-57], объединяет в целом все перечисленные выше функциональные характеристики выборов. Это обусловлено тем, что в отсутствие периодических подлинных выборов, проводимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании о свободе волеизъявления избирателей говорить не приходится. Обобщающий характер рассматриваемого критерия вытекает также из пункта 21 Замечаний, из которого следует, что любая действующая в государстве избирательная системам «должна соответствовать правам, закрепленным в статье 25, и гарантировать и обеспечивать свободного волеизъявления избирателей» [2, с. 304-310].

Таким образом, соблюдение в государстве прав человека, закрепленных в Пакте, касающихся организации и проведения выборов, а также основанных на этих правах функциональных характеристик выборов, является гарантом уважения и применения на практике результатов выборов и, как следствие, гарантом легитимности государственной власти в стране.

На основе исследования международных избирательных стандартов, нашедших отражение в Пакте 1966 г., автор сделал следующие выводы.

Во-первых, сравнительный анализ международных избирательных стандартов, закрепленных в статье 21 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [1, с. 460-464] и статье 25 Международного пакта о гражданских и политических правах человека 1966 г. [5, с. 53-57], свидетельствует о том, что юридическое содержание положений двух указанных статей фактически совпадает. Вместе с тем, статья 25 Пакта во многом уточняет статью 21 Декларации и включает в себя новые по отношению к Декларации международные избирательные стандарты (например, право гражданина быть избранным, нормы о недискриминации).

Во-вторых, международные избирательные стандарты, закрепленные в Пакте, представляют собой четко сформулированные международно-правовые нормы, вместе с тем не содержащие в себе развернутой интерпретации. Например, из содержания международных избирательных стандартов Пакта не усматривается трактовка права на участие, толкование таких функциональных характеристик выборов как всеобщее, равное избирательное право, периодические и подлинные выборы. В этой связи требуются дополнительные вспомогательные средства для определения сущности международных избирательных стандартов Пакта. Одним из таких средств являются замечания общего порядка и соображения Комитета ООН по правам человека, принятые по вопросам международных избирательных стандартов, содержащихся в Пакте. В отсутствие указанных документов затруднительным представлялось бы, во-первых, определить содержание международных избирательных стандартов Пакта, во-вторых, установить допускает ли то или иное государство-участник Пакта нарушение его положений, касающихся прав человека в сфере организации и проведения выборов.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 460-464.
2. Замечания общего порядка Комитета ООН по правам человека № 25 «Право принимать участие в ведении государственных дел» (Женева, 12 мая 2003 г.) // Международные избирательные стандарты: Сборник документов / отв. ред. А. А. Вешняков; науч. ред. В.И. Лысенко. М.: Весь Мир, 2004. С. 304-310.
3. Информация об участниках Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года доступна на официальном веб-ресурсе ООН. URL: <http://treaties.un.org> (дата обращения: 07.11.2011).
4. Манов Б.Г. ООН и содействие осуществлению соглашений о правах человека. М.: Наука. 1986. С. 66.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16.12.1966 г.) Статья. 2. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 53-57.
6. Международное право: Учебник / Под ред. Е.Т. Усенко и Г. Г. Шинкаревичей. М.: Юрист, 2003. С. 171-172.
7. Политология: курс лекций / Лавриненко В. Н., Ж. Б. Скрипкина, В. В. Юдин. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 263.
8. Сообщение № 314/1988, Питер Чиико Бвалья против Замбии // текст документа опубликован на официальном веб-сайте ООН: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/610/44/PDF/N9361044.pdf> (обращения: 12.11.2011).
9. Сообщение № 500/1992, Джозеф Дебречени против Нидерландов // официальный веб-сайт университета Миннесоты. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/undocs/html/500-1992.html> (дата обращения: 12.11.2011).
10. Сообщение № 884/1999, Антонина Игнатане против Латвии // текст документа опубликован на официальном веб-сайте ООН: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G01/446/79/PDF/G0144679.pdf> (дата обращения: 09.11.2011).
11. Сообщение № 923/2000, Истван Матиуш против Словакии. Соображения приняты 15 октября 1999 г. // текст опубликован на официальном веб-сайте университета Миннесоты. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/undocs/923-2000.html> (дата обращения: 14.11.2011).
12. Сообщение № 968/2001, Ким Йонг-Чеол против Республики Кореи / текст документа опубликован на веб-сайте URL: http://www.presscenter.kz/sbornik_oon.pdf (дата обращения: 13.11.2011).
13. Сообщение № 1134/2002, Фонгумом Горджи-Динкой против Камеруна. // Подборка решений Комитета ООН по правам человека в соответствии с Факультативным протоколом. Т. 8. Нью-Йорк и Женева: Издательство ООН, 2007. С. 558—566.
14. Статьи аспирантов и стажеров Института государства и права РАН. Труды Института государства и права Российской академии наук № 1/2010 / ответ. ред. Ю. Л. Шульженко. М.: ИГИП, 2010. С. 85.
15. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 483 — 485.
16. Compendium of international standards for elections. European Commission, 2008. P. 7, 10.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ: РОЛЬ ВСЕМИРНОГО БАНКА

Якубовская Наталья Алексеевна

канд. юрид. наук, доцент, Национальный университет «Одесская юридическая академия», г. Одесса

Чайковский Юрий Владимирович

*канд. юрид. наук, Национальный университет «Одесская юридическая академия», г. Одесса
E-mail yakubovska_n@yahoo.com*

XXI век поставил перед человечеством серьезные задачи в сфере дальнейшего экономического и социального прогресса, такие, как необходимость искоренения крайней нищеты, прекращения истощения и загрязнения окружающей природной среды, пресечения расовой дискриминации, сглаживание диспропорций в социально-экономическом развитии различных стран и регионов и т. д. Разрешение этих проблем имеет существенное значение для повышения уровня благосостояния нынешнего и будущего поколений людей, а международное сотрудничество в целях развития может обеспечить для этого актуальную юридическую основу.

С колониальных времен до эпохи постколониализма понятие «развитие» оставалось спорным интеллектуальным конструктом с незначительным конкретным применением. Лишь с принятием в 1986 году Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о праве на развитие, оно заняло основное место в социальной и экономической политике государств, а также стало центром внимания многих международных организаций [2, с. 49]. Именно поэтому Декларация о праве на развитие делает акцент на международное сотрудничество, чем признает воздействие, которое оказывает политика и практика развитых стран на развивающиеся страны, и одновременно указывает на то, что обязательства международного сотрудничества являются взаимными [1].

В настоящее время, когда благосостояние огромного числа людей по всему миру зависит от решений международных финансовых организаций, таких, как Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация, их политике в области развития на национальных и международном уровнях должно

уделяться большое внимание. Роль международных финансовых организаций в реализации права на развитие особенно нуждается в пересмотре во время финансово-экономического кризиса, когда возможность этих учреждений непосредственно воздействовать на развитие мировой экономики может существенно повлиять на уровень экономического и социального развития большинства стран мира.

В данной статье анализируется эффективность деятельности Всемирного банка, как одной из самых влиятельных международных финансовых организаций, занимающихся координацией и стимулированием усилий развитых стран по оказанию помощи развивающимся странам. Можно констатировать тот факт, что Группа Всемирного банка является наиболее важным международным финансовым учреждением, принимающим участие в усилиях по развитию и борьбе с бедностью.

Существование такой организации, как Всемирный банк, воспринимается как должное. Однако так было не всегда. После Второй мировой войны, когда британское и американское правительства строили планы по развитию послевоенной экономики, о создании Всемирного банка речь практически не шла. Все внимание было сосредоточено на Международном валютном фонде. Когда участники Бреттон-Вудской конференции все же обратились к идее создания Банка, они были настроены крайне консервативно. Кредитный потенциал Банка сводился к тому, что он мог финансироваться только за счет облигаций, выпущенных на рынок частного капитала. У создателей Бреттон-Вудских учреждений не было представления о реальных потребностях менее развитых стран, а также роли, которую Банк должен играть в их удовлетворении. Банк был задуман как учреждение для восстановления (реконструкции). Слово «развитие» даже не присутствовало в первом проекте Гарри Уайта, представленном в министерстве финансов США [3, с. 64].

Потребовалось время на исправление недостатков деятельности Всемирного банка. Первоначально роль Банка в качестве агента реконструкции заменил План Маршалла. В 1950-х годах, когда Банк наконец сосредоточился на менее развитых странах, незначительность его роли объяснялась зависимостью от рынка частного капитала. Банк финансировал только проекты, обещающие прибыль, достаточную для погашения первоначальных инвестиций, покрывающие расходы только в иностранной валюте и сосредоточенные на традиционных «общественно-полезных» инвестициях в электроэнергетику и транспорт. Займы Банк предоставлял только на коммерческих

условиях — с рыночными процентными ставками и графиком погашения от десяти до двадцати лет [3].

Постепенно, по мере восстановления Европы после Второй мировой войны и появления в США дефицита платежного баланса, Банк диверсифицировал свои операции по займам. К концу 1960-х годов увеличение средств Банка в гораздо большей мере обеспечивалось европейскими государствами, а не США.

Более того, роль Банка в стимулировании притока частного капитала была расширена за счет создания двух подразделений — Международной финансовой корпорации, которая способствует вложению государственных средств в акционерный капитал частных предприятий в менее развитых странах, и Международного центра по урегулированию инвестиционных споров, являющегося арбитражем для разрешения споров между иностранными инвесторами и правительствами.

Успехи в деле мобилизации и поощрения притока частного капитала для развития можно в первую очередь приписать Юджину Блэку (Президент Банка с 1949 по 1962 год) и Джорджу Вудсу (Президент Банка с 1963 по 1968 год). Во время их президентства эволюционирование Банка не ограничилось «экономически обоснованными» инвестициями. Серьезным достижением стало создание Международной ассоциации развития (МАР), как подразделения для предоставления «мягких кредитов» — долгосрочных кредитов по номинальным процентным ставкам. Именно с созданием МАР в 1960 году государства-члены Всемирного банка, наконец, признали неадекватность первоначальной концепции, принятой в Бреттон-Вудсе, которая сделала Банк почти полностью зависимым от рынка частного капитала [3]

В середине и конце 1960-х годов Банк и МАР предоставляли займы под конкретные проекты, покрывали издержки, связанные с валютными курсами, и продвинулись в новые области, такие как сельское хозяйство и образование. Позже Банк расширил свою деятельность, чтобы охватить проекты в области здравоохранения и планирования семьи. Для реализации проектов в этих областях, Банк начал работать в тесном сотрудничестве с такими учреждениями ООН, как ЮНЕСКО, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Всемирная организация здравоохранения, Программа развития ООН и Фонд ООН в области народонаселения. Этим и другими способами Банк исправил свою первоначальную изолированность от системы ООН [2].

Во время президентства Роберта Макнамары в 1970-х годах характер деятельности Банка изменился еще больше. Его внимание вышло за рамки просто экономического развития и включило в себя сокращение бедности, доступ бедных слоев населения к образованию, медицинскому обслуживанию и услугам по планированию семьи. Позднее, под председательством Джеймса Вулфенсона, Банк значительно увеличил свою помощь в таких областях, как управление водными ресурсами, эффективное использование энергии и борьба с ВИЧ-СПИД. Банк стал координатором Глобальной программы защиты окружающей среды (Global Environment Facility, GEF) в сотрудничестве с Программой развития ООН и Программой ООН по окружающей среде [3].

Под руководством Джеймса Вулфенсона в 1999 году Банком были приняты «Рамки всеобъемлющего развития» (The Comprehensive Development Framework), призвавшие государства не только к эффективной макроэкономической политике, но и созданию более действенных государственных институтов, борьбе с коррупцией и в целом продвижению верховенства права [4].

С Робертом Зелликом, занявшим пост Президента Всемирного банка в середине 2007 года, Группа Всемирного банка продолжила способствовать преодолению бедности, ускорению экономического роста с одновременной защитой окружающей среды, а также созданию новых возможностей для людей [4].

Вклад Банка в дело развития измеряется не только его финансовыми операциями. Он послужил вдохновителем и моделью для создания и укрепления региональных банков развития в странах Латинской Америки, Африки, Азии и Европы. Его консорциум и консультативные группы объединили страны-доноры и координируют их помощь по поддержке международного плана развития. Такая многосторонняя координация двусторонних программ помощи в настоящее время является важным элементом международного сотрудничества в целях развития и значительным дополнением к деятельности Комитета по содействию развитию ОЭСР.

В работе Банка имеются недостатки. Так, например, обширная повестка дня приводит к потере фокуса и размыванию целей организации. Кроме того, Банк, как и МВФ, столкнулся с проблемой повышения своего авторитета как международной организации и пытается предоставить большее право голоса развивающимся странам и сделать процесс выбора Президента Банка более открытым. Без сомнения, и объем помощи, оказываемой развивающимся странам, по-прежнему невелик, а их экономические показатели являются

неоднозначными. То, что раньше называли «третьим миром», сегодня являет собой страны с совершенно разным уровнем и потенциалом развития. Китай, Индия, Корея, Тайвань, Сингапур и другие азиатские страны отличаются феноменальным экономическим ростом и представляют собой наиболее динамично развивающуюся часть мировой экономики. Экономики Мексики, Чили и Бразилии так же стали более устойчивыми. Даже некоторые страны Африки достигли достаточно устойчивых темпов экономического роста. Одновременно экономики многих стран к югу от Сахары столкнулись с многолетней стагнацией или даже экономическим спадом.

Все это говорит о том, что никакая помощь со стороны международных финансовых институтов не может решить проблему развития без индивидуального подхода к странам-реципиентам, как это делает Всемирный банк. Способность Всемирного банка мобилизовать большее количество капитала, его авторитет и опыт оказывают большее влияние на политику в области развития, как развитых стран, так и развивающихся стран, даже в условиях финансово-экономического кризиса, дополняемого так называемой «усталостью помогать» («aid fatigue»), когда суммы официальной помощи развитых стран на развитие постоянно сокращаются.

Таким образом, авторы отмечают, ссылаясь на замечание Пола Хоффмана, высказанное в отношении Плана Маршалла, что как «только европейцы могут спасти Европу» [5], так прогресс развивающихся стран в первую очередь зависит от их собственных усилий. Лишь их желание следовать стратегии повышения уровня благосостояния, устанавливать реалистичные обменные курсы и процентные ставки, предоставлять стимулы для отечественных и иностранных инвесторов, планировать семьи и охранять окружающую среду, избирать менее коррумпированное и более ответственное правительство может обеспечить им лучшее будущее.

Следовательно, во время начала второй волны мирового экономического кризиса, международные усилия в области развития должны, прежде всего, сосредоточиться на создании условий, которые будут стимулировать национальные стремления в области развития. Для того, чтобы восстановить докризисную тенденцию развития и добиться прогресса на пути к достижению устойчивого развития во всем мире, международное сотрудничество в области развития должно осуществляться таким образом, чтобы не подрывать национальную экономическую политику, не наносить ей ущерб, а дополнять и поддерживать.

Список литературы:

1. Декларация Организации Объединенных Наций о праве на развитие (4 декабря 1986 года), A/RES/41/ 128. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml
2. Jean-Pierre Chauffour, *The Power of Freedom, Uniting Human Rights and Development*, CATO Publishing, Washington DC, 2009, 197 pp.
3. Richard N. Gardner, *The Bretton Woods-GATT System After Sixty-Five Years: A Balance Sheet of Success and Failure*, 47 *Colum. J. Transnat'l L.* 31 (2008), pp. 32-71.
4. *A Challenge of Economic Statecraft*, Robert B. Zoellick, President of The World Bank Group Center for Global Development, Washington D.C. (Apr. 2, 2008). — Режим доступа: <http://web.worldbank.org>
5. *Oral History Interview with Paul G. Hoffman, Administrator, Economic Cooperation Administration, 1948-1950*, in N.Y., N.Y. (Oct. 25, 1964). — Режим доступа: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/hoffmanp.htm>

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

5 декабря 2011 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 12.12.11. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11, 375. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630082, г. Новосибирск, ул. Дачная, 21/1
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28